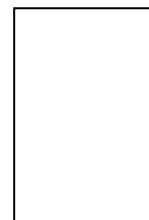

Университет Де Монтфорт
(Великобритания)

Общественный центр
«Судебно-правовая
реформа»

***ВЕСТНИК
ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ
ЮСТИЦИИ***

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАКТИК ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

ВЫПУСК 5

Москва, 2001

УДК 316.28:340.01 (082)
ББК 67.4+60.5

ВЕСТНИК ВОСТАНОВИТЕЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ
№5, 2003

(Правовое обеспечение практик восстановительной юстиции)

издание осуществлено в рамках проекта "Восстановительное правосудие в России", реализуемого Центром "Судебно-правовая реформа" совместно с Университетом Де Монтфорт (Великобритания).

Общественный центр
«Судебно-правовая реформа»
Издательская лицензия ЛР №030828
От 3 июня 1998 г.

Редакторская группа: Грасенкова А., Максудов Р., Флямер М., Карнозова Л.
Ответственный за выпуск и выпускающий редактор: Грасенкова А.
Литературные редакторы: Левицкая Т., Козлова В.В.
Компьютерная верстка: Гордеева Е.

Адрес Центра:
Москва, Кржижановского 20/30
Корпус 5, комн. 522
Тел./факс: (095) 129-98-01
E-mail: center_SPR@mtu-net.ru
Сайт: www.sprc.ru

ISBN 5-901075-17-X

© МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям.....

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ

Конференция в Институте государства и права РАН 22 января 2003 г. «Правовое обеспечение практики восстановительного правосудия. Мировые тенденции и перспективы в России»

Максудов Р. О проекте «Восстановительное правосудие в России».....

Карнозова Л. Содержание и значение конференции.....

Избранные доклады

Флямер М.Г......

Головко Л.В......

Петрухин И.Л......

Келина С.Г......

Мельникова Э.Б......

Яковлева Н.Г......

Цымбал Е.И......

Карнозова Л.М......

Анонс

Сайт сети.

Грасенкова А. Приглашение к участию в работе интернет-страницы ОЦ СПР.....

Межрегиональная сетевая конференция в Москве 12-14 сентября 2003 г. «Укоренение и легитимизация восстановительного подхода через создание служб примирения».....

Добротна Вуйчик Всемирный Конгресс по криминологии в Рио-де-Жанейро (Бразилия) 10 - 15 августа 2003 года.....

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РЕГИОНАХ. ХРОНИКА

Дзержинск. Лайша Т......

Иркутск. Шакина В......

Тюмень. Обрядина Е......

Урай. Болковая С......

В. Новгород. Заманова Т......

СЛУЧАИ ИЗ ПРАКТИКИ

Дзержинск

Тюмень.....

Урай

ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА

Марченко Н. Особенности социальной работы с правонарушителями: первичная диагностика и установление контакта. Практические рекомендации.....

Шакина В. Криминологические аспекты восстановительной юстиции.

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Г.Гроенхейзен. Медиация жертвы и правонарушителя: правовые и процедурные гарантии (перевод Смагловой Н.).....

К.Пранис. Восстановительное правосудие, социальная справедливость и возвращение полномочий маргинальным группам населения (перевод Н. Смагловой).....

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ДОКУМЕНТЫ И КОММЕНТАРИИ К НИМ

Работа с судом. Документы и комментарий

Договор и алгоритм работы с судом.....

Карнозова Л. М. Комментарий к алгоритму работы с судом.....

Изменения в уголовном законодательстве. Комментарии

Миронов И.Б. Экспертное заключение на внесенный Президентом РФ проект федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации".....

Указание Генерального прокурора РФ «Об организации взаимодействия органов прокуратуры с правозащитными и иными организациями»

ОБ АВТОРАХ

О ЦЕНТРЕ

К читателям.

Важнейшим проектом, который в настоящее время ведет наш Центр, является проект «Восстановительное правосудие в России», реализуемый во взаимодействии с университетом Де Монфорт (Великобритания). Одно из ключевых направлений работ по данному проекту – создание правовой основы восстановительного правосудия в России. Мы находимся на том этапе развития работ, когда нашей общественной инициативе, шагающей в направлении технологизации декларируемых идей и партнерства с правоохранительными органами, требуется скрупулезно-тонкое правовое обоснование и развитие. С задачами этого этапа связаны и текущие проекты Центра, и наши публикации, в числе которых и данный «Вестник ВЮ», и работа наших партнеров в регионах.

Благодаря прошедшей в январе этого года конференции в Институте государства и права РАН (Москва), материалы которой публикуются в этом выпуске в разделе «Центральные события», мы смогли не только продвинуть представление о правовых основах восстановительного правосудия, но и получить поддержку представленного на конференции юридического сообщества. Выступавшие на этой конференции юристы, раскрывая свое представление о гуманитарных и юридических аспектах содержания восстановительного подхода в рамках действующей правовой системы России, глубоко развивали криминологическую и правоприменительную составляющие этой темы. В этом контексте осуществляемая ими проблематизация деятельности нашей уголовно-правовой системы выглядела не столько горестной констатацией известных фактов, сколько предложениями о ее «реконструкции», производимой за счет внедрения восстановительного правосудия на разных стадиях прохождения уголовного дела несовершеннолетнего с сохранением его повышенной правовой защиты. И если прежде, лет пять назад, обсуждая с нами восстановительное правосудие, специалисты в области уголовного процесса – теоретики и практики – весьма критически относились к его гуманитарному потенциалу и т.н. «происхождению», чуждому, на их взгляд, нашей российской почве, то теперь они сами производят исследование корней этого подхода, изыскивая в нем здравый смысл и потенциал для работы со сторонами уголовного процесса. Более того, юристы указывали на то, что включение института восстановительного правосудия в правовую систему России возможно, «если его задачи будут отвечать уже указанным в законе целям уголовно-правового воздействия»¹.

На наш взгляд, весьма интересными материалами о стратегии своих работ в продвижении восстановительного подхода поделились с нами члены сети восстановительного правосудия в России (см. раздел «Хроники»). Каждая команда-член сети идет своим индивидуальным путем в направлении поиска сотрудничества с государственными органами, службами. И у команд, внедряющих восстановительное правосудие у себя в регионах, так же, как и у нас, в связи с постоянными диалогами в юридическом сообществе возникает потребность в более глубоком понимании правовых основ этого института.

Гармонично дополняющими тему о правовых основах восстановительного правосудия и восстановительной технологии являются статьи Г. Гроенхейзена и К.Пранис в разделе «Новые публикации».

В разделе «Правовое обеспечение» мы публикуем разработки, посвященные внедрению восстановительного правосудия в суде (на материале нашей деятельности в Черемушкинском районном суде) и комментарии к ним, комментарии специалистов к измененному уголовному законодательству, а также указание Генерального прокурора Российской Федерации о взаимодействии органов прокуратуры с общественными организациями.

В разделе «Исследования и методика» мы впервые помещаем материал нашего социального работника в суде, имеющий исключительно важное методическое значение для любого социального работника/социального педагога в работе с подростком-правонарушителем. Отсутствующие возможности ввести несовершеннолетнего в социально-реабилитационную инфраструктуру компенсируют практические рекомендации специалиста, уже несколько лет напряженно работающего «в поле» системы правосудия с этой категорией наших детей. В том же разделе мы поместили статью из города Иркутска о криминологическом аспекте восстановительной юстиции. Приглашаем всех членов сети поддержать этот почин, присоединившись к анализу и обсуждению содержания восстановительного подхода.

Новым разделом «Вестника восстановительной юстиции» является раздел «Центральные события» и внутри него под-рубрика «Анонс», посвященная обзору будущих важных событий-мероприятий, имеющих сетевое значение.

С уважением,
Анна Грасенкова

¹ См. доклад Н.Г. Яковлевой на Конференции в Институте государства и права РАН.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ

Конференция в Институте государства и права РАН 22 января 2003 г.
«Правовое обеспечение практики восстановительного правосудия.
Мировые тенденции и перспективы в России».

Р. Р. Максудов,
руководитель проекта

О проекте «Восстановительное правосудие в России»

Конференция проводилась в рамках совместного проекта Общественного центра «Судебно-правовая реформа» и Университета «Де Монтфорт» (Великобритания) «Восстановительное правосудие в России».

У проекта две задачи, которые нужно реализовать в течение трёх лет.

Первая задача – *сформулировать юридически корректную и глубокую технологию партнерства общественности и правоохранительных органов (прежде всего органов прокуратуры) в организации программ восстановительного правосудия.* Здесь общественности принадлежит новая роль, которая в советском обществе была утрачена. Это очень важный момент, потому что, как правило, поле общественности в области уголовного правосудия, - это правозащитное поле. Мы считаем, что нужно возрождать утраченную традицию, существовавшую до революции – традицию участия общественности в борьбе с преступностью, когда общественность добровольно принимала на себя часть работы по ресоциализации и интеграции в общество правонарушителей и помощи жертвам. Такая практика с середины XX в. стала существенно расширяться во всех странах.

Я хотел бы остановиться на *восстановительном предупреждении преступлений*¹ как функции сообществ. Что это такое? Традиционно считалось, что для предупреждения преступного поведения представители общества должны сообщить о готовящемся преступном деянии для того, чтобы обезвредить преступника. Такое предупреждение я бы назвал изолирующим. Восстановительное правосудие предлагает новое представление о предупреждении. Предупреждение – это, прежде всего, действия по возвращению правонарушителя в общество с новой позицией, которая позволит ему действительно вернуться в общество, а другим людям принять его. Это позиция ответившего за свой поступок. Позиция ответственности и ответственного поведения по своему содержанию в восстановительном правосудии трактуется как действия человека по исправлению вреда, который он нанес. И вот этот важный момент ответственности отличает стандартную форму реагирования государства на преступление (прежде всего, это наказание) от формы реагирования восстановительного правосудия. Поэтому мы говорим о возвращении правонарушителя в общество таких людей, у которых принято отвечать за свои действия, исправляя последствия своих поступков. И это новое состояние должно быть предупреждающим дальнейшие противоправные деяния, т.е. предупреждение может быть и в рамках уголовного правосудия, а не только в рамках родильных домов, детских садов, школ и т.д.

Ведущий здесь реализует предупредительную функцию восстановительного правосудия как другой тип предупреждения, и это отличает те примирительные встречи, которые происходят под руководством ведущего, от насильственных действий общественности (мести, судов Линча и т.д.).

Вторая функция сообществ в определенном смысле вытекает из первой. Это *функция контроля сообществ за применением насилия.* Если ведущий собирает людей, которые

¹ Здесь и далее курсив редактора – АГ.

начинают восстанавливать контроль за ребенком, «выпавшем» из семьи и позитивных процессов социализации, то тогда он очерчивает границу применения репрессий, и они становятся не нужны. В определенной мере можно сказать, что расширение репрессий по отношению к правонарушителям, в том числе и несовершеннолетним, происходит из-за того, что общество постепенно теряло контроль за противоправным поведением. Восстановить этот контроль, восстановить форму организации людей (я говорю о семьях, близких знакомых, родственниках, это могут быть и тренеры футбольной команды), которые взяли бы на себя исполнение обязательств в отношении правонарушителя и восстановили свои утерянные функции, – такую миссию и надлежит выполнить ведущему программы восстановительного правосудия.

Таким образом, необходимо сконструировать новую технологию взаимодействия правоохранительных органов, судов и общественности, выполняющей новые функции.

Это первая задача проекта.

Вторая задача не менее трудная и сложная: *как должны быть укоренены программы восстановительного правосудия*. Кто такой ведущий? Новая профессия? В мировой практике ведущий занимает самые разные позиции: в Новой Зеландии, например, существует специальный закон, и ведущий находится на государственной службе и финансируется государством, в Финляндии эти функции выполняют волонтеры. Необходимо понять, в рамках каких социальных служб и как всё это должно функционировать, должны ли ведущие получать деньги или нет, каким должен быть стандарт выполнения обязанностей, кто будет следить за этим стандартом. Надо решить эту задачу, и выработать некоторые модели. В разных регионах у нас по-разному организуют и реализуют такие программы, и в настоящее время уже в 10 городах и областях сформированы команды и группы общественности, осуществляющие программы восстановительного правосудия. В рамках нашего проекта в трех городах России (Москва, Тюмень и Дзержинск Нижегородской области) организуются программы восстановительного правосудия, обрабатываются модели укоренения.

Карнозова Л.М.

Содержание и значение конференции

22 января 2003 г. в Институте государства и права РАН прошла конференция «Правовое обеспечение практики восстановительного правосудия. Мировые тенденции и перспективы в России», организованная Институтом совместно с Центром «Судебно-правовая реформа». В конференции приняли участие профессора Института - ведущие специалисты в области уголовного права (С.Г. Келина), уголовного процесса (И.Л. Петрухин), ювенальной юстиции (Э.Б. Мельникова, А.С. Автономов), другие участники - представители научных и юридических учебных заведений и практики. В конференции также приняли участие наши английские партнеры по проекту «Восстановительное правосудие в России» из Университета Де Монфорт.

Конференцию открыла и выступила с докладом заместитель директора Института, доктор юридических наук Н.Ю. профессор Хаманева. С информацией о движении восстановительного правосудия в России выступили М.Г. Флямер и Р.Р. Максудов. На конференции обсуждалось три блока вопросов: 1) восстановительное правосудие и уголовно-процессуальное право, 2) восстановительное правосудие и уголовное право, 3) восстановительное правосудие и ювенальная юстиция. С докладами выступили: к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Л.В. Головкин; д.ю.н., профессор И.Л. Петрухин (были зачитаны тезисы ввиду болезни докладчика); д.ю.н., профессор С.Г. Келина; д.ю.н., профессор Э.Б. Мельникова; д.ю.н., профессор С.А. Автономов; к. психол. н. Л.М. Карнозова. Практике и проблемам восстановительного правосудия в Великобритании был посвящен доклад профессора

Брайана Уильямса. В обсуждениях выступили сотрудники Генеральной прокуратуры, Института проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ, практические работники правоохранительных органов и др.

Значение этой конференции трудно переоценить, она поистине имеет историческое значение для включения идеи и процедур восстановительного правосудия в правовое пространство России. Фактически конференция стала знаком официального признания российской правовой наукой этого вектора развития правосудия.

Чтобы дать читателям некоторое представление об этом событии, мы публикуем ряд докладов.

Избранные доклады

Флямер М. Г., исполнительный директор Центра «Судебно-правовая реформа»

История разработки темы «восстановительное правосудие» в Центре «Судебно-правовая реформа»

Сегодня тема восстановительного правосудия впервые ставится на исследование и обсуждение с привлечением круга юристов столь высокой квалификации и значимости в юридической корпорации. Для того чтобы такая дискуссия стала возможной, начиная с 1997 года, Центр провел большую работу. 1997 год – это год нашего знакомства с данной темой. Я бы разделил шесть последующих лет на три этапа. Первый этап – 1997–1998 годы, когда фактически шло ознакомление с самой концепцией восстановительного правосудия. Мы перевели книгу Ховарда Зера «Changing lenses» на русский язык под названием «Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание». Это было основное событие этапа, потому что мы одновременно и переводили книгу, и осваивали содержание концепции. В этот период появилось две или три публикации, в которых мы пересказывали концепцию и вписывали ее в реалии России. Напомню, что Центр «Судебно-правовая реформа» – организация, ориентированная практически. Мы считаем, что хорошая теория нужна для того, чтобы построить хорошую практику. И следующий этап, 1998–1999 годы, стал этапом первых пилотных проектов. Мы хотели показать на реальных примерах, что примирение жертвы и правонарушителя, примирение потерпевшего и обвиняемого по уголовным делам возможны в российских условиях и дают свои результаты, что это нужно людям. Состоялись пилотные проекты на базе следственного отдела ОВД района «Таганский» города Москвы, где нашими партнерами выступали следователи и следственный отдел района. Примерно в то же время были запущены еще два пилотных проекта на базе московских районных судов – Гагаринского и Черемушкинского. В Черемушкинском суде была проведена реальная масштабная работа, и начатое тогда сотрудничество продолжается до сих пор.

Чем интересен этот период для нашего семинара? Фактически в то время были сформулированы правовые начала проведения в рамках действующего российского законодательства программы примирения потерпевшего и обвиняемого, что дало возможность заниматься криминальными ситуациями по возбужденным уголовным делам.

Я хотел бы подробнее остановиться на этом. Фактически имелось три основных тезиса, сформулированных для того, чтобы ставить эту работу в сетке правовых понятий. Во-первых, нужно было четко определить, что же такое примирение юридически, с какими другими понятиями и обстоятельствами процесса оно связано. Во-вторых, требовалось различить результат процесса примирения, сам процесс примирения и юридические последствия результата примирения, поставив эти последствия (возможность прекращения или смягчающие обстоятельства) в зависимость от степени тяжести уголовного дела. В-третьих, следовало внести ясность в статус и возможности употребления такого документа, как примирительный договор.

Я бы отметил еще один момент: в этот период мы сотрудничали не с академическими кругами, а с практиками, от воли которых зависело, будет проводиться программа примирения по конкретному случаю или нет. Понятно, что информация о возбужденных и расследуемых уголовных делах находится в руках практиков, и нам повезло, что мы встретили таких людей, работающих в районных звеньях правоохранительных органов и суде, которые, не имея научных званий, были достаточно прозорливыми, чтобы содействовать проведению программ восстановительного правосудия. Мы сотрудничали и с Управлением по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам Генеральной прокуратуры России. Вместе со специалистами этого Управления мы разработали регламентацию проведения программы примирения по уголовным делам и фактически вписали работу посредника в ход уголовного процесса. Причем речь шла о делах, возбужденных по тяжким составам преступлений. На этом основании были проведены два первых пилотных проекта.

Описываемый период был интересен также множеством дискуссий, в которых юристы практики уголовного судопроизводства высказывали нам свои сомнения относительно затеи с восстановительным правосудием. Я хочу обратить ваше внимание на все эти точки сомнения, непонимания, затрудненного понимания того, что мы предлагаем делать практически в рамках восстановительного правосудия. Этот перечень важен потому, что указывает на ситуации, требующие действительно более глубокого правового изучения вопроса. Во многих случаях непонимание было вызвано отнюдь не некомпетентностью наших *vis-a-vis*, а являлось следствием того, что вопросы правовой регламентации программ примирения жертвы и правонарушителя не были глубоко исследованы, в достаточной степени развернуты в литературе. Я просто выписал пять таких ситуаций высказанного непонимания и сейчас их вам представлю. Исследовательская дискуссия, на мой взгляд, будет полезна, если снимет эти затруднения.

Первый типичный сюжет: отождествление примирения и завершения дела миром. Он возникает, когда мы говорим юристам, что предлагаем организовать примирительную процедуру, содействовать примирению между потерпевшим и обвиняемым. Это сразу интерпретируется таким образом, что речь идет о прекращении дела. И следует реакция: государственным органам не нужно содействовать примирению или инициировать его, если нет перспективы прекращения дела. Однако мы предлагали проводить работу именно по делам, находящимся в производстве следователя, в основном с тяжким составом. За подобным взаимонепониманием есть глубокий вопрос.

Второй сюжет. Мы говорим: «Восстановительное правосудие как концепция ориентировано на нужды, потребности и интересы жертвы (жертвы преступления должны быть поставлены в центре внимания)». Нам отвечают: «В российском уголовном праве права потерпевшего широко представлены и до сих пор эта правовая палитра обогащается. Это и есть внимание к потерпевшему, чего вы еще хотите?» И здесь, на мой взгляд, также есть глубокий вопрос, потому что в восстановительном правосудии присутствует потенциал иной модели прав жертвы, нежели в карательном правосудии.

Третий сюжет. Нам говорят: «Только суд может решить вопрос о виновности и наказании. Если программы примирения, которые вы предлагаете, будут вести к прекращению дела на досудебных стадиях, не умалим ли мы тем самым роль суда?» У нас в России судебная реформа ориентирована на возвышение роли суда и т.д. Идем ли мы здесь на перекося, на что мы замахиваемся?

Четвертый сюжет. Примирительный договор. Вы вводите в практику новые документы. Допустим, на основании примирительного договора уголовное дело было прекращено, а потом этот договор не был выполнен подписавшим его обвиняемым. В каком положении мы оставляем потерпевшего после прекращения уголовного дела? В чем же сила этого документа?

Пятый сюжет. Можно ли привлекать человека (обвиняемого), который еще не признан виновным, к какой-либо ответственности, пусть это даже восстановительная, а не

уголовная ответственность, пусть это ответственность перед потерпевшей стороной, связанная с добровольным возмещением ущерба? А что, если потом в отношении него будет вынесен оправдательный приговор? Что же тогда получится?

Такие точки непонимания, недоумения и несогласия сопровождали нашу работу на протяжении всего периода. И я сейчас специально к ним возвращаюсь, потому что считаю, что это непонимание будет возникать и дальше, если в исследовательских академических кругах не начнется систематическая правовая разработка практики восстановительного правосудия.

И последнее. 2000 год ознаменовал новый этап деятельности – этап присвоения юридической корпорацией концепции восстановительного правосудия. Появились публикации, делаются сообщения на конференциях, и их авторами являются уже не только сотрудники нашего Центра, но и люди «изнутри» корпорации юристов.

Полагаю, что почва для нашей общей работы создана.

Головки Л. В., доцент юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст

I. Проблема понятий.

А) Прежде всего, необходимо определить понятие «альтернатива уголовному преследованию».

Для этого напомним классическую схему реакции государства на деяние, подпадающее под уголовно-правовой запрет. В большинстве стран она сводится к выбору между двумя возможностями:

- обнаружение преступления → уголовное преследование в рамках уголовно-процессуальной деятельности → наказание → исполнение наказания;
- обнаружение преступления и отказ от уголовного преследования по мотивам его нецелесообразности без каких-либо дополнительных условий.

Уточним, что второй вариант присущ только тем уголовно-процессуальным системам, которые применяют так называемый *принцип целесообразности*, то есть допускают оценку целесообразности уголовного преследования при решении вопроса о его возбуждении (Англия, Франция, Бельгия и др.). В России, по крайней мере теоретически, возможен только первый вариант, так как наше уголовно-процессуальное законодательство покоится на *принципе законности* – антиподе принципу целесообразности.

Новейшая тенденция заключается в поиске третьего пути (для России речь идет скорее о втором пути) – применении нетрадиционных механизмов реакции на преступное деяние, когда оно не остается без последствий, но эти последствия наступают вне рамок традиционной уголовной юстиции. В западной литературе «третий путь» часто обозначают несколько расплывчатым общим термином *diversion* (англ. «отклонение», «отход»). Более точным и юридически конкретным представляется также широко используемое в науке понятие «альтернативы уголовному преследованию».

На уровне конкретных национальных законодательств третий путь обозначен множеством альтернативных вариантов с точки зрения как терминологии, так и юридической техники. Но имеется один важный нюанс: понятие «альтернатива уголовному преследованию» может существовать только тогда, когда уголовное преследование *правомерно* (для него есть основания). Иными словами, альтернатива уголовному преследованию есть правомерная замена такого преследования другими мерами при условии, что уголовное преследование само по себе правомерно при отказе (невозможности) применения этих альтернатив. Уточним, что процессуальной предпосылкой широкого распространения в уголовно-процессуальной практике альтернативных мер послужил уже упоминавшийся принцип целесообразности.

Б) Теперь перейдем к понятию «восстановительное правосудие».

В самом общем виде речь идет о попытках снятия или хотя бы смягчения уголовно-правового конфликта мерами, не связанными с уголовной репрессией, но направленными на достижение компромисса между участниками этого конфликта (потерпевшим и лицом, подлежащим уголовному преследованию). Речь идет о нерепрессивном преодолении вредных последствий преступного деяния и стремлении *восстановления* (полностью или частично) состояния «до преступления». Справедливости ради отметим, что пока для юридической науки понятие «восстановительное правосудие» остается даже более расплывчатым, нежели понятие «альтернативы уголовному преследованию».

В процессуально-юридическом смысле наиболее разработанным институтом, отражающим идеи восстановительного правосудия, является институт *медиации* (посредничества). В этом плане напомним о существовании специальной Рекомендации Комитета министров государств – членов Совета Европы от 15 сентября 1999 года о применении медиации в рамках уголовной юстиции. Здесь медиация определяется как совокупность «любых процессуальных мер, позволяющих потерпевшему и лицу, подлежащему уголовному преследованию, активно участвовать в преодолении трудностей, вытекающих из факта совершения преступления, при непосредственном участии независимого третьего лица и при условии, что стороны конфликта добровольно соглашаются с применением этих мер».

Обратите внимание, что медиация (как и восстановительное правосудие в целом) может выступать не только в качестве альтернативы уголовному преследованию (вместо него), но и в качестве дополнения к уголовному преследованию (наряду с ним), о чем прямо сказано в Рекомендации от 15 сентября 1999 года. Хрестоматийный пример, иллюстрирующий возможный субсидиарный характер медиации: лицо признается судом виновным в совершении преступления, но назначение ему наказания откладывается на определенный срок (такая практика сейчас весьма распространена со сравнительно-правовой точки зрения). На данном этапе может применяться медиация, успешное проведение которой учитывается при назначении конкретного наказания (условное осуждение, более мягкое наказание и т.д.).

В) Теперь сопоставим понятия «альтернативы уголовному преследованию» и «восстановительное правосудие».

С одной стороны, понятие альтернатив шире и далеко не всегда связано с идеями восстановительного правосудия – хотя бы потому, что не во всех уголовных делах есть конкретная жертва преступления (потерпевший). Условиями отказа государства от уголовного преследования могут служить добровольная уплата штрафа в государственную казну, выполнение работ в общественных интересах и т.п., где нет попыток преодолеть конфликт «жертва – преступник». Вспомним применяемый в Бельгии и Нидерландах институт трансакции, шотландский «фискальный штраф» (*fiscal fine*), известный английский институт «предупреждения» (*caution*) или новую французскую процедуру «штрафа по соглашению» (*composition pénale*), введенную Законом от 23 июня 1999 года.

С другой стороны, восстановительное правосудие в значительной мере превосходит по своему объему альтернативы уголовному преследованию, если говорить о тех случаях, когда механизмы восстановительного правосудия применяются параллельно с уголовным преследованием.

Иными словами, речь идет о понятиях, не совпадающих и не поглощающих друг друга, а *пересекающихся*.

И нас здесь интересует именно область их пересечения, то есть применение тех альтернатив уголовному преследованию, которые связаны с идеями восстановительного правосудия. Это альтернативы, направленные на восстановление прав потерпевшего некарательными (нерепрессивными) мерами – мерами, не сопряженными ни с уголовным преследованием, ни с наказанием.

Самый яркий пример такого рода альтернатив уголовному преследованию – институт медиации.

II. Медиация в современной европейской практике.

Достаточно бурно развивающийся в последние годы в Европе институт медиации можно анализировать в двух плоскостях.

Во-первых, на общеевропейском уровне действуют две Рекомендации Комитета министров государствам – членам Совета Европы, где *de lege lata* обобщена соответствующая практика медиации и где содержатся конкретные рекомендации законодателю *de lege ferenda*:

- Рекомендация от 17 сентября 1987 года об упрощении уголовного процесса (здесь медиация рассматривается как частный случай);
- Рекомендация от 15 сентября 1999 года, полностью посвященная институту медиации и уже упоминавшаяся выше.

Во-вторых, на уровне национального права европейских государств произошло немало важных и интересных реформ, направленных на введение медиации в законодательный оборот, причем с особой силой данная тенденция проявилась в 1990-е годы.

Не будем пересказывать текст упомянутых Рекомендаций. Отметим лишь особое значение для интересующего нас вопроса Рекомендации от 15 сентября 1999 года.

Европейскую практику медиации мы попробуем рассмотреть через призму национальных законодательств, избрав в качестве примера Францию и Бельгию. Во-первых, их уголовно-процессуальные системы по традиции достаточно близки российской системе в плане юридической техники. Во-вторых, в обеих странах в течение нескольких лет институт медиации прошел путь от полного игнорирования законодателем к достаточно подробной уголовно-процессуальной регламентации.

Как во Франции, так и в Бельгии медиация «выросла» из практики. Законодательные акты, формализующие и легализующие ее, появились позднее. Во Франции таковым стал Закон от 4 января 1993 года, развитый Законом от 23 июня 1999 года (в обоих случаях речь шла об изменениях и дополнениях УПК). В Бельгии – Закон от 10 февраля 1994 года, также дополнивший УПК, и ряд подзаконных актов.

Для начала выделим *общие черты* бельгийского и французского вариантов медиации:

а) процессуальной предпосылкой развития практики медиации послужил принцип целесообразности возбуждения уголовного преследования и соответственно широкое применение института отказа от уголовного преследования (*classement sans suite*) не по формальным основаниям, а по мотивам его нецелесообразности. Данное обстоятельство также надо учитывать: с помощью альтернатив уголовному преследованию, в том числе медиации, законодатель не только стремится смягчить репрессивный характер уголовного права, но и борется с негативными последствиями оставления значительного числа уголовно-наказуемых деяний без вразумительной реакции со стороны государства;

б) неизменной остается основная идея медиации. Схематично она выглядит так: прокурор при принятии решения о возбуждении уголовного преследования в той или иной форме инициирует процедуру медиации (примирения). Окончательное решение он принимает в зависимости от успеха или неудачи ее проведения (критерием является достижение соглашения);

в) медиация используется по очень широкому кругу дел с минимальным количеством каких-либо формальных ограничений. Во Франции таких ограничений нет совсем. В Бельгии речь идет о делах по преступлениям, наказуемым тюремным заключением сроком до 20 лет.

Теперь перейдем к тем признакам, которые *отличают* французский вариант медиации от бельгийского, сразу обратив внимание, что первый намного менее формализован:

а) прежде всего, в двух странах по-разному решен вопрос о том, кто конкретно должен быть нейтральным посредником, пытающимся примирить стороны уголовно-правового конфликта.

Во Франции после многочисленных колебаний остановились на модели так называемой *делегированной медиации*. Хотя формально законодатель ничего не уточняет по этому поводу в тексте УПК, при проведении медиации прокурор передает досье в «профильную» общественную организацию, не имеющую непосредственного отношения к системе уголовной юстиции. Детали варьируются в зависимости от регионов страны, однако по сложившейся везде практике прокурор не участвует в проведении процедуры медиации. Он лишь принимает окончательное решение о судьбе уголовного дела после возвращения к нему материалов из общественной организации, которой он делегировал примирительные полномочия.

В Бельгии функции по проведению медиации возложены непосредственно на прокуратуру (дабы, как объяснялось, избежать «приватизации» уголовной юстиции). С этой целью в штатах прокуратур была учреждена специальная должность – первый помощник прокурора (*magistrat de liaison*), отвечающий за процедуру медиации. Кроме того, в прокуратурах появились специальные должности советников по медиации (ими должны быть профессиональные криминологи) и помощников по медиации (социологи). Строго говоря, именно последние и предпринимают конкретные действия по примирению потерпевшего и лица, подлежащего уголовному преследованию;

б) существенно отличается собственно процедура медиации, в том числе и степень ее формализации.

Во Франции законодатель вовсе не формализует эту процедуру (если не считать некоторых аспектов, скажем права сторон на юридическую помощь), стремясь избежать излишней «юридизации» и «процессуализации» института.

В Бельгии процедура медиации стала настоящим автономным процессом, состоящим из ряда стадий:

- *отбор дел* для проведения медиации (здесь применяется много разнообразных критериев, выработанных практикой);
- *подготовительная стадия*, где происходит реальная процедура примирения (встречи, переговоры и т.д.). Эта стадия занимает в среднем три месяца, что, по мнению многих специалистов, «убивает» идею быстрого неформального преодоления негативных эффектов преступления. По итогам подготовительной стадии составляется доклад, включающий отчет о проведенных мероприятиях и формулировку конкретных предложений, который затем передается прокурору (*magistrat de liaison*);
- *слушание дела* в кабинете прокурора, проходящее достаточно «процессуально» (выяснение личности, предоставление слова сторонам и т.д.). В то же время участвующим в слушании адвокатам сторон запрещено полемизировать между собой (они могут лишь давать советы клиентам), чтобы медиационное заседание у прокурора не превратилось в суррогат судебного заседания. По итогам слушания составляется протокол, где либо констатируется невозможность применения медиации (компромисс не достигнут), либо определяются конкретные условия освобождения от уголовного преследования, принимаемые обвиняемым;
- *стадия исполнения*, завершающая процедуру. Если обвиняемый добровольно выполнит условия (принуждать его к этому нельзя), то право государства на уголовное преследование прекращается, о чем составляется отдельный протокол. Если условия не выполнены, прокурор открывает официальное уголовное преследование, для которого неудача медиации не имеет никакой юридической силы.

III. Медиация и российский уголовно-процессуальный контекст.

Теперь обсудим вопрос, каковы юридико-технические перспективы института медиации в России и есть ли они вообще на сегодняшний день?

В этом плане необходимо обратить внимание на ст. 76 УК РФ, предусматривающую возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с

потерпевшим, и ст. 25 УПК РФ, где говорится о праве прекращения уголовного дела по данному основанию. Интересно, что момент их появления в отечественном законодательстве фактически совпал с бурным развитием законодательной регламентации медиации на Западе, то есть налицо некое единство тенденций.

Не будем останавливаться на анализе соответствующих российских уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм. Отметим лишь, что на пути их развития встречаются определенные препятствия, обусловленные некоторой спецификой отечественного законодательства и доктрины. К таковым, скажем, относится господство в уголовном процессе России (с 1926 года) принципа законности уголовного преследования, не позволяющего оценить целесообразность возбуждения уголовного дела или отказа в нем. Таким образом, применение ст. 76 УК РФ в стадии возбуждения уголовного дела (как это имеет место в случае с альтернативами уголовному преследованию на Западе) невозможно. Вспомним, кроме того, давний спор о соответствии института освобождения от уголовной ответственности в его нынешнем варианте принципу презумпции невиновности, ставящий под угрозу существование самого института.

Если оставить в стороне указанные проблемы, то ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ могут рассматриваться в качестве базы для появления в России практики медиации, так как при их использовании закон оставляет правоприменителю определенное «поле для маневра» (сверх закона, но не вне закона). В объяснительной записке к Рекомендации Комитета министров государств – членов Совета Европы от 15 сентября 1999 года такая ситуация названа «неофициальной медиацией».

Но в самом тексте Рекомендации, действующей в том числе и в отношении России как члена Совета Европы, есть положение, что «законодательство должно способствовать проведению уголовно-правовой медиации». Ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ содействуют ее проведению явно в недостаточной мере. Основная их особенность, не позволяющая признать медиацией имеющееся основание освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела, заключается в пассивности следователя, дознавателя и др., индифферентно (по закону) относящихся к тому, подаст потерпевший заявление о примирении или не подаст. Закон не требует даже разъяснения сторонам права на примирение.

Если задуматься о перспективах совершенствования российского законодательства (тех же ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ) в плане развития института медиации или хотя бы приближения к нему, то просматриваются два варианта:

а) в качестве третьей примиряющей стороны выступает чиновник, ведущий производство по делу (отдаленное подобие бельгийской модели): он разъясняет права, организует встречу потерпевшего с обвиняемым и т.д. Этот вариант реалистичен, хотя классической медиацией его назвать нельзя: все та же Рекомендация от 15 сентября 1999 года гласит, что службы медиации должны существовать обособленно и обладать достаточной автономией в рамках системы уголовной юстиции;

б) закон дополняется положением о том, что в рамках института освобождения от уголовной ответственности следователь, дознаватель и др. вправе передавать материалы дела в независимую общественную организацию, наделенную специальными полномочиями. Выбранная организация проводит классическую медиацию, влияющую на принятие окончательного решения о прекращении уголовного дела (в идеале – и об отказе в его возбуждении). В настоящий момент проблема видится только в одном – в отсутствии в России достаточного количества компетентных независимых медиаторов, как конкретных специалистов, так и «профильных» общественных организаций. Только законодательным путем эту проблему не решить, но в любом случае ясно, что в действующем российском уголовно-процессуальном кодексе роль общественности (да простят нас за этот немодный термин) явно недооценена.

Петрухин И. Л., доктор юридических наук, профессор

Восстановительное правосудие: процессуальные аспекты

Современное российское правосудие (по уголовным делам) является в своей основе карательным: действует принцип неотвратимости уголовного наказания независимо от того, признал ли свою вину обвиняемый, раскаялся в совершении противоправного деяния, загладил причиненный вред, принес извинения потерпевшему, примирился с ним. Исключения составляют дела частного и частно-публичного обвинения. В ст. 25 УПК РФ предусмотрена возможность прекращения дела публичного обвинения в преступлении небольшой и средней тяжести в случае примирения обвиняемого с потерпевшим и возмещения последнему ущерба, причиненного преступлением. Также допускается прекращение уголовного дела и применение принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним обвиняемым (ст. 427 УПК РФ). Таким образом, принцип неотвратимости наказания в ряде случаев уступает место урегулированию конфликта между обвиняемым и потерпевшим без использования мер государственного принуждения. Данное гуманистическое направление уголовной политики становится все более значимым.

В указанных случаях уголовное судопроизводство рассматривается как конфликт между сторонами (обвиняемым и потерпевшим), контролируемый судом (следователем), а не между государством и обвиняемым. К этой новой тенденции относится и идея восстановительного правосудия, описанная известным американским юристом Х. Зером¹ и уже реализуемая в практике правоохранительных органов многих стран, в том числе России².

С помощью восстановительного правосудия гражданское общество привлекается к участию в деятельности правоохранительных органов и судов и в известном смысле реализует социальный контроль над ними.

Сущность восстановительного правосудия состоит в следующем. С разрешения дознавателя, следователя, прокурора или судьи обвиняемый и потерпевший выясняют отношения, сложившиеся в результате совершения преступления, и стремятся к примирению. В неформальной беседе, участниками которой также являются психологи, педагоги или другие компетентные лица, обвиняемый объясняет мотивы совершенного преступления, раскаивается, приносит потерпевшему извинения, соглашается полностью возместить причиненный ущерб. Со своей стороны потерпевший, выслушав «исповедь» обвиняемого, начинает лучше понимать мотивы его действий и то, к каким тяжелым последствиям для обвиняемого и его семьи приведет исполнение приговора, если он будет вынесен. Такая беседа нередко способствует восстановлению добрых отношений между обвиняемым и потерпевшим, примирению и возмещению ущерба, причиненного преступлением, без вмешательства органов государства, хотя и под их контролем.

Применение этого института приводит к резкому сокращению числа осужденных, приговариваемых к лишению свободы (в странах западной Европы – до 10–12% от всех осужденных). Если примирение было искренним, то минимизируется количество случаев рецидива. Происходит внутренняя психологическая перестройка криминального сознания обвиняемого. Он получает шанс вернуться к семье, честно трудиться и приносить пользу обществу, тогда как приговоренный к лишению свободы подвергается влиянию преступной среды, озлобляется и становится закоренелым преступником. Об этом свидетельствует статистика рецидива в РФ – 33%.

Возникает вопрос: восстановительное правосудие представляет собой процессуальный институт или деятельность, осуществляемую за пределами уголовного судопроизводства? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть порядок осуществления восстановительного правосудия. Инициатива применения данной процедуры может

¹ Зер Х.. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. Пер. с англ. / Под общ. ред. Л. М. Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1998.

² Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа. Учебное пособие / Под ред. Л. М. Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.

исходить как от дознавателя, следователя, прокурора, судьи, в производстве которых находится уголовное дело, так и от подозреваемого, обвиняемого, ищущих примирения с потерпевшим. В следственных органах и судах должны существовать списки лиц, которым могут быть поручены посреднические переговоры между обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим. Из такого списка методом случайной выборки следует определить человека, выступающего посредником в конкретном деле. Посредником может стать психолог, педагог, другой подходящий для этой цели человек, коммуникабельный и умеющий расположить к себе спорящие стороны, вызвать доверие, симпатию, уважение. Посредничество (медиация) во всех случаях должно быть добровольным. О применении процедуры посредничества дознаватель, следователь, прокурор или судья обязан вынести постановление. Посредника нужно ознакомить с материалами уголовного дела. Применение медиации возможно лишь по ходатайству или с согласия обеих сторон. Далее начинается деятельность за пределами уголовного судопроизводства. Посредник сначала беседует с обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим отдельно, чтобы выявить их готовность к переговорам и примирению. Он вправе также собирать необходимую информацию у родственников и близких обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего. Для посещения следственного изолятора посредник должен получить разрешение у следователя (судьи), в производстве которого находится уголовное дело. Беседы с обеими сторонами могут проводиться неоднократно, пока не будет достигнуто примирение или пока не станет очевидно, что оно невозможно.

Условиями заключения соглашения являются: чистосердечное раскаяние обвиняемого (подозреваемого) и полное признание своей вины; принесение извинений потерпевшему; согласие потерпевшего на примирение, обязательство обвиняемого (подозреваемого) загладить причиненный вред и полностью возместить ущерб потерпевшему (желательно, чтобы это было сделано при подписании соглашения или в установленный им срок). Соглашение составляется письменно и является процессуальным документом, на основании которого следователь (дознаватель, прокурор, судья) прекращает уголовное дело. *В УПК РФ необходимо включить данное основание для прекращения уголовных дел и регламентировать всю процессуальную процедуру примирительного производства*¹.

Поскольку следователь (дознаватель, прокурор, судья) дал согласие на примирительную процедуру, соглашение о примирении должно быть для него обязательным. Однако любая из сторон или обе стороны могут отказаться от достигнутого соглашения до его утверждения следователем (дознавателем, прокурором, судьей). Если процедура восстановительного правосудия была нарушена, то следователь (дознаватель, прокурор, судья) вправе признать соглашение недействительным и назначить новое примирительное производство с участием другого посредника. На основании соглашения о примирении следователь (дознаватель, прокурор, судья) выносит постановление о прекращении уголовного дела.

На практике работа дознавателей и следователей оценивается с учетом количества прекращенных уголовных дел (чем больше таких дел, тем хуже), поэтому дознаватель и следователь стремятся возбуждать уголовные дела, которые безусловно будут переданы в суд, и избегать возбуждения дел, которые могут быть прекращены. Понятно, что дознаватель и следователь не заинтересованы в применении процедур восстановительного правосудия, влекущих за собой прекращение уголовных дел. Такая система оценки работы следователей и дознавателей порочна в своей основе: законное и обоснованное прекращение уголовного дела так же важно, как и осуждение преступника. Однако со сложившейся ситуацией приходится считаться, поэтому примирительные процедуры допустимы в стадии возбуждения уголовного дела, но до вынесения соответствующего постановления. Если примирение достигнуто, то уголовное дело не возбуждается (выносится постановление об отказе в возбуждении дела), что позволяет рассчитывать на

¹ Курсив редактора – АГ.

позитивное отношение дознавателей и следователей к восстановительному правосудию. Но процедура восстановительного правосудия и в этих случаях должна неукоснительно соблюдаться, хотя она лишается уголовно-процессуального характера, поскольку уголовное дело не возбуждается.

При сравнении оснований прекращения уголовных дел по ст. 25 УПК РФ и в порядке восстановительного правосудия оказывается, что они одинаковы. Тогда зачем усложнять производство по делу примирительным правосудием? Следователь (дознаватель, прокурор, судья) и без примирительного производства может прекратить уголовное дело на основании ст. 25 УПК РФ. Но примирение несравненно лучше формального прекращения дела следователем или судьей. Восстановительное правосудие рассчитано на внутреннюю перестройку сознания правонарушителя, его подлинное перевоспитание, осознание своей ответственности перед другими гражданами и обществом в целом. Прекращение дела формальным актом следователя или судьи лишено этих достоинств. Кроме того, восстановительное правосудие исключает или минимизирует коррупцию. Наконец, оно экономит время следователя, и без того перегруженного делами о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Восстановительное правосудие в принципе не должно использоваться в случаях тяжких и особо тяжких преступлений (здесь действует принцип публичности, исключающий прекращение дел за примирением).

На данном этапе необходимо разобраться в терминологии. Следователь, дознаватель – не органы правосудия, потому термин «восстановительное правосудие» к ним неприменим. Эту деятельность следователя и дознавателя лучше именовать *«примирительным производством»*.

И последнее. Восстановительное правосудие нельзя рассматривать как разновидность сделок о признании вины, специфика которых – переговоры между прокурором-обвинителем и адвокатом-защитником при участии судьи, суть которых сводится к смягчению наказания, а не освобождению от него.

Келина С.Г., доктор юридических наук, профессор, ИГП РАН

Восстановительное правосудие: уголовно-правовой аспект

Восстановительное правосудие не сводится только к прекращению уголовного дела, оно должно распространяться и на вынесение приговора, и на период отбытия наказания, так что проблематика восстановительного правосудия гораздо шире, чем вопрос о прекращении уголовного дела в досудебных стадиях. Но сначала о том, почему вообще возникла эта проблема и проблема целого ряда решений, направленных на то, чтобы уйти от «карательного» правосудия.

Давно отмечено, что «карательное» правосудие, в общем, не решает возникшего конфликта, не снимает напряженности. Возьмите любое преступление. На выходе системы уголовного правосудия жертва обычно удовлетворения не получает. Например, если жертву покалечат, ее здоровье не восстановится, да и материального ущерба потерпевший не получает. Лицо, которое осуждается, особенно к лишению свободы, попадает в жесткие условия. Во всяком случае, это не те условия, которые приспособили бы его к жизни в нормальном обществе, и само общество не гарантировано от того, что не будет повторного преступления. Поэтому специалисты, которые могут посмотреть на всю систему в целом (а это социологи), говорят, что «карательное» правосудие ничего не дает. Мы много спорим, скажем, о целях наказания, а по существу любое наказание, особенно лишение свободы, – это кара государства за нарушение уголовно-правового запрета. Вот почему рождаются идеи по поводу того, можно ли чем-нибудь заменить карательный ответ государства на преступление. В разных странах возникли различные теории по этому поводу. В том числе теории альтернативного правосудия, соглашения и т.д.

В России уже давно появился институт освобождения от уголовной ответственности, который сейчас выделен в отдельную главу Уголовного кодекса РФ. Лицо, совершившее преступление, привлекается к уголовной ответственности. Для чего это нужно? Для того, чтобы установить категорию преступления, и если оно тяжкое, то освобождения быть не может. Если же есть основания (либо преступление совершено впервые, либо налицо деятельное раскаяние нарушителя и т.д.), то лицо освобождается от уголовной ответственности. Это – нереабилитирующее прекращение уголовного дела правоохранительными органами, а также судом, который тоже может освободить от уголовной ответственности до удаления в совещательную комнату. Поскольку это нереабилитирующее основание, то у лица есть право возражения, что предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом. Человек может сказать: я не хочу, чтобы меня освободили как лицо, совершившее преступление; возражаю, требую установления невиновности. В этом случае уголовный процесс идет до конца и заканчивается вынесением обвинительного или оправдательного приговора.

Теперь о презумпции невиновности. Конституционный Суд по делу Сушкова в 1996 г. дал разъяснение, что при прекращении дела за освобождением от уголовной ответственности вопрос о виновности вообще не обсуждается, так как этот вопрос решается до вынесения приговора. Следует заметить, что освобождение от уголовной ответственности – это окончательное решение по делу. Это значит, что преступление, по которому состоялось такое освобождение, не учитывается при решении вопроса о неоднократности, об этом сказано в ст. 16 УК РФ: при решении вопроса о неоднократности дела, прекращенные за освобождением от уголовной ответственности, не учитываются.

Такой институт дает два очень важных результата. Во-первых, соблюдается принцип неотвратимости ответственности, но не наказания. В теории уголовного права уже утвердился тезис, что должна быть неотвратимость, но неотвратимость чего? Ответственности. Неотвратимость ответственности, которая вовсе не означает, что будет обязательно назначено наказание. Могут быть и другие меры, как, например, меры воспитательного характера, которые не относятся к наказанию. И второе: этот институт позволяет снять с лица клеймо преступника, от которого невозможно отмыться, и все тяготы, связанные с отбытием наказания и его последствиями. В этом заключаются главные преимущества института освобождения от уголовной ответственности.

Освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям предусмотрено следующими нормами: ст. 76 УК РФ – освобождение от уголовной ответственности за примирением сторон; ст. 75 – освобождение в связи с деятельным раскаянием (например, когда лицо совершило кражу, а потом вернуло украденное или иначе загладило причиненный вред); ст. 77 УК – освобождение в связи с изменением обстановки; ст. 78 УК – в связи с истечением сроков давности – это тоже освобождение от уголовной ответственности. И еще почти 20 составов в Особенной части УК, где предусматривается возможность освобождения от уголовной ответственности – к примеру, лица, давшего взятку, а потом сообщившего об этом в милицию (примечание к ст. 291). Такие примечания есть по терроризму (если лицо разоблачает участников подготовки террористического акта); по налогам, по захвату заложников и пр. Такова сфера применения института освобождения от уголовной ответственности.

Есть ли недостатки у российского института освобождения от уголовной ответственности? Как он соотносится с восстановительным правосудием? Можно ли его улучшить, и если да, то по каким параметрам? Первый недостаток этого института заключается в том, что вся процедура освобождения от уголовной ответственности, даже за примирением сторон, происходит только в рамках компетенции государственных органов. А смысл восстановительного правосудия заключается в том, чтобы пробудить совесть у лица, совершившего преступление, помочь ему осознать содеянное и ликвидировать вредные последствия преступления. В обсуждаемом российском

институте такого подхода нет, и в данном отношении его можно улучшить. Второе. Институт освобождения работает в основном в досудебных стадиях, а восстановительным правосудием предусматривается осуществление соответствующих процедур и на других стадиях. Обеспечивает ли наш Уголовный кодекс возможность пробуждения совести у лица, совершившего преступление? Нет. А восстановительное правосудие дает возможность работать с ним вплоть до вынесения приговора, заставить его возместить ущерб, извиниться, принять какие-то другие меры. Как это может отразиться на судьбе такого лица? Статья 62 УК говорит о том, что если лицо деятельно раскаивается, возмещает ущерб, приносит извинения и т.д., то в этом случае законодатель обязывает судью вынести наказание не свыше $\frac{3}{4}$ максимума. Но виновному нужно подсказать, что необходимо сделать.

В УК РФ есть ст. 64, которая позволяет назначить наказание ниже низшего предела, если во время или после совершения преступления имели место обстоятельства, уменьшающие степень общественной опасности деяния, если лицо проявило позитивное посткриминальное поведение (раскаяние, возмещение причиненного вреда и т.п.). Значит, в законе есть для этого материально-правовые основания, однако потребуются время и чьи-то усилия, чтобы пробудить совесть в преступнике и тем самым облегчить его судьбу.

И, наконец, стадия отбытия наказания. Очень тяжелая стадия для человека, особенно если он попал в места лишения свободы. Потому что он остается один. Его бросает жена (больше половины браков, по статистике, распадается), от него нередко отказываются родственники, и у осужденного создается впечатление, что он брошен. Это не способствует исправлению, напротив, осужденному кажется, что возвращаться ему некуда. Тогда он начинает приспосабливаться к новой среде. А ведь можно и в этой стадии поработать и тем самым повлиять на участь осужденного, помочь получить условно-досрочное освобождение, для чего будет полезным свести его, хотя бы по переписке, с жертвой. Таким образом, восстановительное правосудие способно улучшить и нашу уголовно-исполнительную систему.

Если мы действительно будем работать над правовыми основами восстановительного правосудия, полезно было бы сказать, из каких принципов мы можем исходить. Здесь говорилось о принципе целесообразности. Я категорически не согласна. У нас есть один принцип – неотвратимости ответственности, не обязательно уголовной. Поскольку задача восстановительного правосудия состоит в том, чтобы пробудить совесть в преступнике, с тем чтобы он помог потерпевшему и т.д., постольку восстановительное правосудие должно исходить из принципа неотвратимости ответственности, но при этом попробовать смягчить участь обвиняемого. И второй принцип, который может быть сформулирован: восстановительное правосудие - деятельность не самостоятельная, а вспомогательная по отношению к суду или органам, которые способствуют правосудию.

Можно ли указать на какие-то ограничения в применении восстановительного правосудия? Думаю, можно – и по характеру преступлений, и по характеру личности.

По характеру преступлений такое ограничение зависит от стадии, на которой применяется процедура восстановительного правосудия. Если стадия досудебная, то здесь ограничение указано в самом законе: это дела небольшой и средней тяжести. В отношении более тяжких преступлений освобождение возможно только в случаях, которые опять-таки предусмотрены законом.

А что касается ограничений по характеру личности, то медиация может применяться только к лицам, которые оказываются готовыми к деятельности по смягчению своей участи и возмещению ущерба, связанного с совершением преступления. Например, алкоголики, наркоманы вряд ли могут быть готовы к тому, что с ними будут работать в этом плане.

И наконец, последнее. Поскольку мы находимся в стенах академического учреждения, я хотела бы заметить, что тема, которая вынесена на наше обсуждение,

ставит не только ряд практических вопросов, но и некоторые теоретические проблемы. Назову две. Одна проблема состоит в том, чтобы определить, кто должен заниматься правоохранительной деятельностью. В свое время был предложен законопроект, который прошел первое чтение в Государственной Думе и назывался «Об участии граждан Российской Федерации в обеспечении правопорядка». Этот проект Президент Б.Н. Ельцин не подписал и дал разъяснение, почему такой закон нельзя принимать. Аргументов два. Правоохранительная деятельность – это деятельность, возложенная на государство, его органы и органы местного самоуправления – первый тезис. И второй тезис – наделение граждан полномочиями по охране правопорядка есть нарушение Конституции (ст. 32), правоохранительной деятельностью должно заниматься только государство, а не граждане. Это первая теоретическая проблема: можно ли гражданам участвовать в охране правопорядка.

И вторая теоретическая проблема. Уголовное право является отраслью публичного права. Данная позиция отражена и в книге Ховарда Зера, который указывает на общепринятый взгляд: считается, что преступление направлено против правопорядка, а потому роль жертвы приписывается государству. Но если государство считать потерпевшим по любому преступлению, то о каком же соглашении можно вести речь? Тогда никакого соглашения быть не может. Значит, вопрос состоит в следующем: можно ли вносить в отрасль публичного права, к каковому относится уголовное право, элементы частного права? Вот, по крайней мере, два теоретических предложения, которые я хотела бы обсудить с участниками этого семинара.

Вопрос: (Мельникова Э.Б.)

Что понадобится обвиняемому, который совершил преступление, чтобы в ходе досудебного расследования или судебного разбирательства он раскаялся? Что нужно сделать, чтобы он раскаялся?

Ответ.

Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием предусматривает, что если лицо совершило какие-то позитивные действия после этого, то дело можно прекратить. Я думаю, что мы можем ввести в УК новую норму о том, что лицо можно освободить от применения наказания в случае положительного посткриминального поведения. Если будет такая норма восстановительного правосудия, это будет новый вид освобождения от наказания.

Вопрос (Демидов И.Ф.)

Вы правильно говорили, что неотвратимость ответственности не обязательно предполагает неотвратимость наказания. Но возьмем прекращение дела по ст. 25 УПК и по ст. 76 УК. Если, скажем, обвиняемый возмещает вред, который им причинен, то какая же здесь ответственность? Он просто возвращает то, что украл. А ответственность – это какое-то дополнительное бремя, ограничение, которое полагается человеку.

Ответ.

Это касается не только ст. 76 УК, а всего института освобождения от уголовной ответственности. Где здесь ответственность? Я полагаю, что лицо, которое освобождается от обвинительного приговора, от наказания, остается ответственным по другим параметрам. Оно несет судебные издержки, отвечает по гражданскому иску, поскольку не признано невиновным. У него целый ряд тягот, но не в уголовной сфере. Поэтому это не реабилитирующее основание, а только основание для освобождения от уголовной ответственности.

Мельникова Э. Б., доктор юридических наук, профессор, ИГП РАН

Правосудие по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: восстановительный аспект

Я очень старый специалист по ювенальной юстиции, но очень молодой специалист по восстановительному правосудию. Единственное мое оправдание в том, что восстановительное правосудие в мире появилось совсем недавно, а в России и вовсе еще не вышло из младенческого возраста.

Я хочу обратиться к одному интереснейшему историческому эпизоду, иллюстрирующему то, как в середине 70-х годов прошлого века начиналось обсуждение восстановительного правосудия. В 1974 году в Оксфорде проходил Конгресс Международной ассоциации магистратов по делам несовершеннолетних. Одна из его тем была одна, которая близка нам. Называлась она «Вмешательство альтернативных судов в дела несовершеннолетних», и я была по ней генеральным докладчиком. В число моих обязанностей входила обработка анкет из 52 стран. В графе: «Что вы считаете лучшей заменой суду в делах несовершеннолетних?» – примерно половина стран-участников написали: «социальная помощь и социальная защита». В те времена я сочла такой ответ нонсенсом, но теперь понимаю: это был прорыв восстановительного правосудия в самых начальных стадиях его развития.

Всякое новшество возникает тогда, когда существующее положение перестает удовлетворять. В середине 1970-х годов дела с ювенальной юстицией обстояли не очень хорошо. Несовершеннолетние стали значительно чаще совершать правонарушения, и эта проблема вышла на первое место. Конгресс потому и выбрал тему альтернативного вмешательства: может быть, следует заменить ювенальный суд, который существует уже 70 лет, а преступность тем не менее растет. На заседаниях обсуждались альтернативные виды правосудия, очень похожие на восстановительное: спасительное правосудие, общественное правосудие. Однако приверженцы классической доктрины уголовного процесса резко воспротивились новшествам. Ювенальные суды остались, и заменить их общественным правосудием невозможно. Я бы хотела обратить внимание на то, что в юридической доктрине нет другого механизма, кроме судебного, который имеет право осуществлять судебную власть. Итак, все осталось по-прежнему.

Почему я рассказываю сейчас об этом? Потому что ювенальная юстиция и тогда уже активно развивалась. Но общество требует новых форм, которые соответствовали бы развитию общества на данном этапе и давали хорошие результаты в борьбе с преступностью. Так, ювенальная юстиция, плохо воспринятая вначале, привлекла всеобщий интерес, когда выявилась ее эффективность. Первый чикагский суд, проведенный по таким принципам, даже назвали американским чудом, все европейцы съехались туда перенимать опыт. То же самое может произойти и с восстановительным правосудием. Классическая доктрина уголовного процесса и уголовного права препятствует тому, чтобы пропустить неюридический с их точки зрения институт в юридическое пространство. И это на самом деле правда. Восстановительное правосудие действительно пока работает не столько в юридической сфере, сколько в социально-психологической. Следовательно, нужно изменить ситуацию. Важно найти формы деятельности этого института в условиях правосудия, органически вписать его в уголовный процесс. Далее я буду говорить об уголовном процессе, поскольку я специалист в этой области.

У нас только что принят новый Уголовно-процессуальный кодекс. В нем ювенальная тема практически не затрагивается, даже в новой главе 50, которая регулирует производство по делам несовершеннолетних. Общее правило, изложенное в ст. 25 УПК, о делах, которые рассматриваются в общем порядке, приводит к тому, что все несовершеннолетние подпадают под такой порядок.

С. Г. Келина и наш английский коллега уже говорили об этом. И М. Г. Флямер тоже уделил данной теме внимание, когда стал перечислять в докладе пять пунктов. С чем

столкнулись организаторы пилотных проектов? С тем, что у нас нет соответствующего процессуально-правового регулирования. Мы не можем в полной мере пользоваться имеющейся процессуальной базой из-за большого количества ограничений.

Речь, прежде всего, должна идти о правовом пространстве, в котором осуществляется главная процедура восстановления – примирение и компенсация нанесенного ущерба (физического, материального, морального), поскольку возмещение ущерба является обязательным условием примирения.

Если говорить о правовой поддержке примирения и восстановления в целом, то именно нормы уголовного процесса должны включать процессуальный статус каждого из участников процедуры примирения с учетом специфики данной процедуры и всего восстановительного механизма. Права, обязанности, допускаемые законом действия – самостоятельные либо по требованию или с согласия суда – должны получить отражение в уголовно-процессуальном кодексе.

Настораживает здесь то, что медиация производится в отношении и жертвы, и потерпевшего – двух совершенно разных людей. Это может быть взрослый обвиняемый и несовершеннолетний-жертва или, напротив, несовершеннолетний обвиняемый и какая-нибудь старушка, у которой он что-то разрушил... Словом, принцип примирения хорош, но он должен применяться индивидуально.

Если мы говорим о несовершеннолетнем подозреваемом, обвиняемом, то речь идет о человеке с ограниченной дееспособностью и повышенной судебной защитой. В этом случае обязательным является участие в медиации защитника и законного представителя (представителя лиц с ограниченной дееспособностью). Законный представитель сейчас вступает в процесс с момента первого допроса несовершеннолетнего. Итак, эксперимент – это прекрасно, но его ход, участие защитника и законного представителя, наличие их согласия на примирение – словом, вся правовая деятельность определяется исходя из принципа повышенной правовой защиты несовершеннолетних.

Следует отметить, что нормы главы 50 «Судопроизводство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» нового УПК не содержат прямых предписаний о повышенной правовой защите несовершеннолетнего в восстановительном судопроизводстве. А такая защита должна осуществляться, и отсутствие ее не восполняется общими правилами примирения в порядке ст. 25 УПК РФ.

Поскольку определенная часть действий восстановительного характера может дать сведения о фактах, используемых в качестве доказательств, встает вопрос о источнике, относительности, допустимости и достоверности доказательств, полученных в рамках восстановительного правосудия. Оценка доказательств здесь реализуется в общем процессуальном порядке. Процедура восстановления в делах несовершеннолетних сталкивается с другими сторонами уголовного процесса, имеющими самостоятельное значение. Речь идет о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего по основаниям, указанным в ст. 90 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности и наказания) и ст. 93 УК РФ (освобождение от наказания), с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия. Отметим, что и примирение потерпевшего с обвиняемым (подозреваемым), и освобождение от уголовной ответственности и наказания несовершеннолетнего по основаниям, указанным в ст. 90 УК РФ, касаются одного и того же круга правонарушений – небольшой и средней тяжести. Применение принудительных мер воспитательного воздействия не создает судимости, а в перечне этих мер большинство может быть отнесено к воспитательному надзору, который за многие годы его использования в разных странах доказал свою эффективность в ресоциализации личности правонарушителей. Именно наличие воспитательного надзора позволяет проверить результативность решения суда о применении к несовершеннолетнему мер воспитательного воздействия, а не наказания. Этот же вариант важен и для оценки результативности примирения: конечно, раскаяние должно быть

искренним, а примирение добровольным, но подобные действия призваны не исключать, а дополнять воспитательный надзор.

Сказанное свидетельствует о том, что *в настоящее время в УПК РФ есть лишь небольшая часть уголовно-процессуальной базы восстановительного правосудия, и пробелы в данной области должны восполняться на законодательном уровне*¹.

Помимо этого, конечно, необходима разработка криминологических методик, которые позволили бы проверить, насколько реализована акция примирения. Нужно исключить случаи, когда обвиняемому говорят: «Знаешь что, ты давай все-таки примиришься, а то хуже будет...» Должны быть гарантии прав личности несовершеннолетнего, гарантии оспаривания решения.

Мы, слава Богу, добились, что в уголовно-процессуальном законодательстве России несовершеннолетних обеспечили повышенной правовой охраной, как в ювенальных судах мира. Но если мы теперь соединим взрослого и ребенка доктриной и механизмом медиации, то несовершеннолетние снова окажутся вне этой повышенной охраны. А это значит, что результат может быть не такой уж блестящий.

Есть еще круг международно-правовых вопросов. На восстановительное правосудие обратили внимание на высшем международном уровне. Поэтому есть и Рекомендации Комитета министров Совета Европы, и материалы ООН. Это очень хорошо. Здесь прослеживаются не только механизмы экономии репрессии, но и гуманистическая идея, которая пробивает себе дорогу. В 2000 году состоялся 10-й Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, и там говорилось о подготовке документа, касающегося восстановительного правосудия. Можно надеяться, что в последнем случае дискуссия о восстановительном правосудии пойдет по регламенту Конгрессов ООН по предупреждению преступности: сбор необходимых материалов, обсуждение их на национальном, региональном и межрегиональном уровнях и принятие Конгрессом руководящего документа.

Вероятно, просьба подготовить вопросы для дискуссии будет направлена во все международные организации, а значит, может попасть и в наши институты. Нужно сделать так, чтобы все интересные идеи, как технологические, так и касающиеся правовой базы, получили свое отражение. Я думаю, в ряде случаев можно обойтись поправками к закону или аналогичным документам, у меня даже была мысль включить поправки в пекинские правила. Но будет лучше, если появится новый закон, международные стандарты, касающиеся именно восстановительного правосудия. Хотелось бы, чтобы в этой роли выступили Международные стандартные правила ООН по использованию восстановительного аспекта правосудия (по типу Пекинских правил ООН 1985 года и Эр-Риядских принципов ООН 1990 года). На их основе можно создать солидную национальную и международную правовую базу по применению восстановительного аспекта в уголовном процессе России по делам общей и ювенальной юрисдикции.

Яковлева Н. Г., ведущий научный сотрудник НИИ при Генеральной прокуратуре РФ

Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних в связи с примирением с потерпевшим как мера исправления подростка

1. Кризис карательного правосудия и связанные с ним неблагоприятные тенденции преступности несовершеннолетних (рост ее социальной опасности, интенсивное вовлечение несовершеннолетних младших подростковых возрастов и т.п.), а также высокий уровень рецидивной преступности лиц, не достигших совершеннолетия, заставляет искать пути выхода из него с помощью иных способов противодействия преступности. Поиск обусловлен не только ростом преступности несовершеннолетних, но и неблагоприятными тенденциями преступности в целом.

¹ Курсив редактора – АГ.

В процессе поиска таких подходов целесообразно по возможности учитывать рекомендации международных организаций¹ и опыт внедрения правосудия в зарубежных странах.

Расширение арсенала некарательных мер воздействия в отношении несовершеннолетних в настоящее время имеет особую актуальность. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

- суженностью перечня мер уголовных наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних, по сравнению с мерами наказания для взрослых (ст. 88 УК РФ по сравнению со ст. 44 УК РФ);
- крайне редким использованием обозначенных в этом перечне мер наказания, не связанных с лишением свободы, что обусловлено сложностью трудоустройства несовершеннолетних в настоящее время;
- отсутствием условий для организации общественных работ, включенных в перечень ст. 88 УК РФ в качестве мер наказания. Применение их, по заявлению заместителя министра юстиции РФ Калинина, будет возможно не ранее 2004 года.

В итоге несовершеннолетних, совершивших преступление, в настоящее время по приговору суда лишают свободы либо реально (в 24% случаев), либо условно (в 70% случаев). Таким образом, не обеспечивается индивидуализация применения установленных законом мер уголовного наказания, что само по себе является предпосылкой их неэффективности. Помещение же каждого четвертого представшего перед судом несовершеннолетнего в воспитательную колонию в условиях объединения режимов их содержания² создает угрозу роста криминализации подростков, подготовку их к совершению в будущем более тяжкого преступления.

Один из подходов, прорабатываемых в программе судебно-правовой реформы, – углубленное внедрение восстановительного правосудия в правовую систему страны. Термин «восстановительное правосудие», широко используемый в литературе, пока не имеет общепринятого определения. Однако данный термин должен быть связан с вычлениением установленных государством правоотношений, нарушенных в результате совершенного преступления. Проблема состоит в том, чтобы реализация этого требования обеспечивалась не только институтом правовой ответственности и наказания, но и иными мерами уголовно-правового воздействия, исполнение которых основано не столько на принуждении, сколько на воспитании, стимулирующем добровольное законопослушное поведение.

Второй признак восстановительного правосудия связан с возмещением потерпевшему ущерба (физического, материального, морального). Этот признак нашел отражение в расширяющемся институте освобождения лица от уголовной ответственности (прекращения дела) в связи с примирением его с потерпевшим. Причиненный последнему ущерб обвиняемый соглашается загладить добровольно, без государственного принуждения. В УПК РСФСР соответствующая норма (ст. 9) была включена в 1996 году, в действующем УПК РФ диспозиция ее расширена. В настоящее время за примирением с потерпевшим могут быть прекращены дела в отношении лиц, совершивших преступления как небольшой, так и средней тяжести (ст. 25 УПК РФ).

Третий признак восстановительного правосудия, на наш взгляд, должен быть связан с исправлением лица, совершившего преступление, с его частичной либо полной реабилитацией, которая является определенной гарантией от совершения повторного, нередко более тяжкого преступления. Думается, что восстановительное правосудие

¹ Речь, в частности, идет о Рекомендации Комитета министров государствам – членам Совета Европы № R (99) 19, посвященной посредничеству в уголовных делах. Далее этот документ будет называться Рекомендация № R (99) 19.

² Федеральным законом № 25-ФЗ от 09.03.2001 г. изменены ч. III ст. 58 УК РФ. Вместо обозначенных там ранее воспитательных колоний общего и усиленного режима в настоящее время установлен единый вид воспитательных колоний без разделения на режимы.

способно дать стойкий социальный эффект, обеспечить защиту общества от преступности только в том случае, если будет соответствовать всем трем выделенным нами признакам, особенно когда речь идет о преступлениях публичного обвинения.

2. Включение института восстановительного правосудия в правовую систему России возможно, если его задачи будут отвечать указанным в законе целям уголовно-правового воздействия. Специальной нормы, определяющей такие цели, в УК РФ нет. Однако есть норма, устанавливающая цели наказания (ст. 43.2 УК РФ) как одного из видов уголовно-правового воздействия. Сформулированная с помощью широких социологических (криминологических) категорий, эта норма может распространяться на весь спектр мер уголовно-правового воздействия. Согласно ст. 43.2 УК РФ, целью названных мер является:

- а) восстановление социальной справедливости;
- б) исправление лица, совершившего преступление;
- в) предупреждение совершения новых преступлений.

Данные цели способны послужить ориентиром при включении в правовую систему любого нового института, направленного на противодействие преступности.

3. Задачи формирования в рамках российской правовой системы механизма (технологии, алгоритма) реализации института примирения с потерпевшим как одного из видов восстановительного правосудия могут быть решены при условии, что данный механизм обеспечит достижение вышеозначенных целей. Следует оговориться, что хотя с примирением и связано освобождение от уголовной ответственности (прекращение дела), однако в теории этот институт относят к мерам уголовно-правового воздействия¹. Функция создаваемого механизма примирения практически сводится к превращению существующего формального установленного в законе института в эффективную меру уголовно-правового воздействия. Формальность имеющегося института усматривается в том, что даже в случае дел публичного обвинения из-под контроля государственных органов выпадает стадия заключения примирительного договора.

4. Создаваемый механизм института примирения с потерпевшим, который может быть использован при расследовании и судебном рассмотрении дел несовершеннолетних, также должен подчиняться целям, сформулированным в ст. 43.2 УК РФ. Иначе реализация этого института в плане решения криминологической задачи профилактики рецидивной преступности несовершеннолетних будет не столько нейтральной, сколько вредной. Формальное выполнение действующей ст. 25 УПК РФ, когда родители платят за освобождение своих детей от ответственности, вступая с потерпевшим во внепроцессуальный сговор, возмещая ему с лихвой материальный и моральный ущерб в обмен на его заявление о прекращении дела, фактически приводит к безнаказанности несовершеннолетнего и, более того, к демонстрации бессилия правоохранительных органов в ситуации, когда все можно купить. В конечном счете это оборачивается социальной несправедливостью, при которой за одного подростка родители в состоянии заплатить, а за другого (нередко его соучастника, «подельника») нет. Естественно, что такая ситуация обсуждается среди несовершеннолетних, и под ее воздействием у подростков формируется мировоззренческое представление о справедливости, точнее, укрепляется мнение о ее отсутствии.

¹ В литературе указывается: «Наказание – не просто инструмент уголовно-правовой борьбы с преступностью, но главнейшим инструментом (орудие). Иные средства (**освобождение от уголовной ответственности** и наказания, принудительные меры медицинского и воспитательного характера) являются хоть и важными, но все же дополнительными по отношению к наказанию» (Наумов А. Суд как орган борьбы с преступностью и прокуратура как орган общего надзора. – Российская юстиция, № 1, 2002 г.). Аналогичная точка зрения выражена в книге В. Н. Ткачева «Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности по Уголовному кодексу РФ» (Ростов-на-Дону, 2001 г.). Думается, что применение основных и дополнительных мер борьбы с преступлениями должно быть подчинено единым целям.

5. Помимо общего условия – ориентации создаваемого механизма примирения, используемого в делах несовершеннолетних, на цели, обозначенные в ст. 43.2 УК РФ, – этот механизм должен быть специфичным. При его создании необходимо учитывать:

а) особенности возрастной, социально-психологической характеристики несовершеннолетних, совершивших преступления и участвующих в обсуждении условий примирительного договора;

б) социально-правовой статус несовершеннолетних;

в) особенности расследования и судебного рассмотрения дел несовершеннолетних, права несовершеннолетних в уголовном процессе, дополнительные процессуальные гарантии и т.п.

6. Примирение с потерпевшим, на наш взгляд, должно осуществляться в рамках уголовного процесса. Однако регламентировать следует начальную и завершающую стадию дел публичного обвинения. Начальная стадия примирения включает:

а) предложение следователя (дознателя, прокурора, судьи) сторонам начать примирительную процедуру и получение согласия на нее от потерпевшего, обвиняемого и их законных представителей;

б) вынесение постановления о приостановлении дела;

в) привлечение к участию в деле определенного посредника.

Конечная стадия примирения должна выражаться в предоставлении органам расследования или суду заключения, сделанного посредником, где описывается, какие реабилитационные, социальные меры помощи следует принять, чтобы закрепить осознание вины и исправление несовершеннолетнего, которое должно было произойти в процессе примирительной процедуры. Не исключено, что в организации этих мер (в трудоустройстве, поступлении в образовательное учреждение и т.п.) будет необходима помощь суда (следователя, прокурора). Выбор посредника в деле несовершеннолетнего также весьма специфичен. Такой посредник должен быть специально подготовленным, владеющим не только технологией проведения примирительной процедуры, но и знаниями в области возрастной психологии, психологии семейных отношений, педагогики. В связи с этим представляется существенной Рекомендация Комитета министров Совета Европы об организации *аккредитованного* обучения посредников по специальной программе для их последующего участия в делах несовершеннолетних.

7. Процедура выработки условий примирительного договора, по сути, является внепроцессуальной, более того, Рекомендация № R (99) 19 справедливо указывает на необходимость конфиденциальности при составлении договора. В итоговом докладе посредника, подготавливаемом для приобщения к делу, как сказано в Рекомендации, не раскрывается содержание процесса посредничества и не дается оценка поведения сторон в ходе встречи. В случае дел несовершеннолетних соблюдение этих требований особенно важно, поскольку они корреспондируют с общими требованиями о соблюдении конфиденциальности по делам несовершеннолетних, которые установлены в ст. 6 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила).

Вместе с тем в заключительном документе посредника целесообразно отразить степень осознания и раскаяния несовершеннолетнего правонарушителя, которая была достигнута в итоге встречи с потерпевшим и обсуждения примирительного договора. Это важно не только для решения вопроса об освобождении подростка от уголовной ответственности, но и для дальнейшей реабилитационной работы с ним.

8. Заключительный документ, предоставляемый посредником, должен отражать как условия примирительного соглашения, так и *форму участия в нем несовершеннолетнего*. Заглаживание вреда, предусмотренное ст. 76 УК РФ, чаще всего происходит в форме денежной компенсации потерпевшему. Несовершеннолетний может возместить вред в том случае, если у него есть имущество, накопления в сберегательном (или ином) банке или заработок. Условно назовем такое возмещение *непосредственным*. На практике чаще

присутствует *опосредованное* возмещение вреда – силами родителей – когда несовершеннолетний может в той или иной мере компенсировать затраты за счет временных подработок или, например, повышенного старания в учебе, что избавит семью от расходов на репетитора, и т.п.

Помимо этого следует учитывать, что ст. 76 УК РФ содержит термин *заглаживание* вреда, а не *возмещение*. На наш взгляд, он шире, чем простая денежная компенсация потерпевшему: здесь присутствует элемент раскаяния, сочувствия, желания оказать помощь пострадавшему. В заглаживание вреда могут входить действия несовершеннолетнего, свидетельствующие о желании посильно помочь потерпевшему: посещение больницы, помощь в уходе за потерпевшим, покупка ему продуктов, лекарств, взятие на себя обязанности провожать пострадавшего в поликлинику на медицинские процедуры и т.п. Обо всех этих формах участия несовершеннолетнего в заглаживании вреда, равно как о принесении извинения потерпевшему, в договоре должно содержаться упоминание в общей форме, а в заключении посредника, которое передается сотрудникам правоохранительных органов, – подробная запись.

9. Если у несовершеннолетнего в процессе составления примирительного договора сформировалось стойкое намерение компенсировать вред заработанными средствами, но он не имеет работы, посредник должен написать об этом в заключении. В таком случае либо сам посредник, если в его роли выступает социальный работник, либо специализированная служба, которая будет взаимодействовать с правонарушителем далее, должны помочь подростку в трудоустройстве. Это соответствует положениям Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (99) 19.

Желательно, чтобы для добровольного выполнения взятого обязательства по заглаживанию вреда путем заработка были созданы соответствующие социально-экономические условия. В настоящее время трудовое законодательство разрешает подросткам в возрасте 14–17 лет (включительно) работать по 2–3 часа в день в свободное от учебы время (ст. 63 ТК РФ). В декабре 2002 года в Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» были внесены изменения, которые следует учитывать в связи с проблемой трудоустройства несовершеннолетних. В соответствии с новой редакцией ст. 13 данного закона служба занятости обязана предлагать целевые программы для устройства подростков на постоянную и временную работу, организовывать для них специальные рабочие места и устанавливать соответствующие квоты. Думается, с помощью такого целевого планирования подростки, совершившие преступление и желающие своим трудом искупить вину, возместив потерпевшему ущерб, могут быть обеспечены работой. В будущем необходимо предусмотреть бронирование службой занятости рабочих мест в пределах установленных для несовершеннолетних квот.

10. Требование оказания помощи подростку, дело, в отношении которого прекращено по ст. 76 УК РФ, и осуществление контроля за его дальнейшим поведением и выполнением взятых на себя добровольных обязательств обуславливает необходимость работы с ним органов системы профилактики. Вместе с тем в ст. 5 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», где перечисляются категории лиц, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, эти категории подростков не обозначены. Прекращение дела в отношении несовершеннолетних данной группы случаев производится по нереабилитирующим основаниям. Такая невключенность в контингент профилактируемых расценивается как пробел в законе, тем более что органы профилактики работают с несовершеннолетними, в отношении которых определены принудительные меры воспитательного воздействия и дела которых также прекращены по нереабилитирующим основаниям. По нашему мнению, перечень ст. 5 следует дополнить указаниями на необходимость работы с несовершеннолетними, дела в отношении которых прекращены в связи с примирением с потерпевшим. Не исключено, что к данному

вопросу нужно подойти дифференцированно, например не каждого подростка ставить на учет в ПДН, передав решение на усмотрение суда (следователя, дознавателя, прокурора), прекращающего дело. Органу, работающему с несовершеннолетним, должно быть предоставлено право обращения в суд за отменой постановления о прекращении дела и направления материала для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности, как в случае принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90.4 УК РФ).

Цымбал Е. И., НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ

Предпосылки внедрения восстановительного правосудия для несовершеннолетних в России

Вслед за классиком можно выделить три источника или три предпосылки для реализации восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних, соответствующие трем составным частям или трем участникам восстановительного процесса. Особо следует подчеркнуть, что речь идет об объективных предпосылках, необходимых для широкого внедрения восстановительных процедур в правоприменительную практику, а не об отсутствии соответствующей нормативной базы. Как ни парадоксально, проще всего добиться формальной реализации восстановительного правосудия в рамках или вне рамок ювенальной юстиции, то есть внести необходимые изменения в действующее законодательство. Однако это только усугубит драматический разрыв, существующий в настоящее время между буквой закона и правоприменительной практикой, то есть негативно скажется на состоянии законности. Появление нового правового института, который не будет реализован, может лишь дискредитировать его.

О каких же предпосылках восстановительной юстиции для несовершеннолетних идет речь? Во-первых, это личность несовершеннолетнего преступника – она должна быть сензитивна, то есть способна изменяться под воздействием восстановительных процедур. Во-вторых, это правоприменительная система, представители которой должны обладать желанием и возможностью (что не одно и то же) реализовать восстановительные процедуры как альтернативу традиционному уголовно-правовому реагированию на преступление несовершеннолетнего. В-третьих, это община, институт неформального социального контроля, осуществляющий восстановление, или ресоциализацию, правонарушителя; она также должна быть способна и готова к практической реализации восстановительного правосудия.

Рассмотрим каждую из предпосылок детально. *Личность несовершеннолетних преступников* характеризуется следующими особенностями.

1. Глубокая депривированность и социальная запущенность осужденных свидетельствует о необходимости прежде всего социальной реабилитации. Значительная часть несовершеннолетних оказалась исключена из традиционных институтов социализации. Так, в 2001 году (здесь и далее используется статистика 2001 года, поскольку официальные данные за 2002 год при подготовке материала отсутствовали) за совершение правонарушений в органы внутренних дел было доставлено несовершеннолетних: неработающих и неучащихся – 295 190; имеющих только начальное образование – 367 373; не имеющих образования – 45 176; не имеющих родителей – 31 758; не имеющих опекунов или попечителей – 15 670; нуждающихся в помощи со стороны государства – 240 780.

Не работали и не учились 36% осужденных; 13% (6658) из них были нетрудоспособными. 70% преступлений нетрудоспособных подростков приходилось на кражи. В абсолютных цифрах таких краж немного – 4 725, но это преступления от безысходности. Чтобы восстановить таких правонарушителей, прежде всего, необходимо создать им элементарные условия для существования.

2. Семья перестала выполнять социализирующую функцию. Только 6% осужденных несовершеннолетних воспитывались вне семьи. Что представляет собой семья, в которой воспитывается несовершеннолетний правонарушитель, показывают некоторые данные формы 18 МВД (отчет о деятельности ПДН): на учете в ПДН состояли 177 507 родителей, опекунов, попечителей; сотрудниками милиции было направлено 363 393 материалов в отношении родителей и иных лиц, злостно не выполняющих обязанности по воспитанию и обучению детей.

Результаты выборочных исследований, проведенных автором, показывают, что примерно у 56% несовершеннолетних осужденных один или оба родителя злоупотребляли алкоголем, у 58% – не занимались воспитанием детей, причем половина из них привлекалась в связи с этим к административной ответственности. Особо следует подчеркнуть, что в 2/3 семей несовершеннолетних преступников родители не хотели или не могли контролировать поведение своих детей. Отсутствие такого контроля существенно повышает риск рецидива и означает, что в случае реализации восстановительных процедур для этих подростков необходимо искать некую альтернативу семье. О слабости детско-родительских отношений в семьях несовершеннолетних правонарушителей свидетельствует то обстоятельство, что к моменту освобождения из воспитательных колоний после двух лет (в среднем) отсутствия в семье более половины осужденных утрачивают связь с родителями.

3. Интеллектуальная и эмоциональная неразвитость значительной части осужденных при том, что восстановительные процедуры ориентированы на сохранную личность. Стержень восстановительного правосудия – исцеляющий стыд. У значительной части несовершеннолетних этот стыд утрачен или, что более вероятно, не сформирован. 74% изнасилований несовершеннолетние совершают в группе (это почти в два раза больше, чем среди взрослых), 77% из них при этом пьяны. Среди осужденных к лишению свободы несовершеннолетних 50,7% лиц с неснятой и непогашенной судимостью, что также свидетельствует о слабости морального чувства. Через 6 месяцев после окончания амнистии 2000 года вновь совершили преступления 19,8% освобожденных из воспитательных колоний несовершеннолетних.

4. Существенная роль в генезисе противоправного поведения несовершеннолетних принадлежит алкогольному опьянению. Каждый четвертый осужденный несовершеннолетний совершил преступление в опьянении. Пьяными подростками совершено 70% убийств, 77% изнасилований и 63% хулиганств, в 75% случаев причинен тяжкий вред здоровью. Эти показатели у несовершеннолетних существенно выше, чем у взрослых. Следует учитывать, что среди взрослых преступников велик удельный вес больных алкоголизмом с атипичным, агрессивно-дисфорическим характером опьянения, однако они реже совершают преступления в состоянии опьянения. Проблемы наркологической реабилитации в предлагаемой модели не поднимаются вообще.

5. Распространенность психических расстройств. Из почти 28 000 несовершеннолетних преступников, прошедших СПЭ, психически здоровыми признаны только 36%.

Вторая не менее важная предпосылка – *способность и готовность правоприменительной системы* к восприятию восстановительного подхода. Способность системы увидеть в несовершеннолетнем преступнике личность, понять его индивидуальные особенности, и ее готовность отказаться от привычной карательной парадигмы. Сегодня в российском обществе преобладает мнение о приоритетности дальнейшего ужесточения репрессии среди возможных мер противодействия преступности. Ту же точку зрения разделяют большинство работников правоохранительных органов и судов общей юрисдикции. Подростки рассматриваются как наиболее криминогенная часть общества. Это печально, однако объяснимо. Куда больше беспокоит другое обстоятельство: существующая система уголовной юстиции не способна воспринимать личность несовершеннолетнего преступника. Вместо лица

ребенка она воспроизводит то ли серое пятно, то ли черный квадрат – в любом случае нечто крайне далекое от реальности.

Сделать такой печальный вывод позволяют следующие обстоятельства:

1. Система не воспринимает даже те, не побоюсь громкого слова, долгожданные институты, за которые упорно боролись лучшие отечественные юристы. Институты, применение которых призвано обеспечить последовательную реализацию торжественно провозглашенного принципа субъективного вменения. Речь идет о возрастной невменяемости (ч. 3 ст. 20 УК РФ) и ограниченной вменяемости (ст. 22 УК РФ). Изучение экспертной, следственной и судебной практики вынуждает повторить слова древних мудрецов – рожали горы, а родилась мышь.
2. Число лиц, признанных не подлежащими уголовной ответственности в связи с отставанием в психическом развитии, остается незначительным: 1999 год – 1084; 2000 год – 757; 2001 год – 828. В ряде субъектов РФ за все время действия УК РФ эта норма вообще не применялась, например в Камчатской и Магаданской областях; вероятно, там существуют особо благоприятные условия для психического развития несовершеннолетних преступников. Необходимо учитывать, что среди выявленных лиц, совершивших преступления, численность группы 14–15-летних, а это и есть потенциально отстающие в психическом развитии, в указанный период постоянно росла.
3. Ситуация с ограниченной вменяемостью на первый взгляд, по данным экспертной статистики, более благополучна. Начиная с 1999 года ограниченно вменяемыми признается от 5,5 до 6% несовершеннолетних, прошедших экспертизу, или около 1500 подростков, что на 50–100 больше, чем признаваемых невменяемыми. Однако форма 10.2 Судебного департамента Верховного Суда РФ свидетельствует, что суды учитывают ограниченную вменяемость лишь в одном случае из четырех, а в остальных ситуациях игнорируют.
4. По каждому делу должны быть выяснены и указаны в вводной части приговора сведения о личности подсудимого, которые имеют значение для дела, в том числе образование. Изучение приговоров, проведенное автором, показывает, что вид образовательного учреждения не был указан в 40% приговоров несовершеннолетних с психическими расстройствами. С учетом того, что значительная часть подростков с психическими расстройствами обучалась во вспомогательных школах или классах коррекции, это обстоятельство имеет существенное значение. Отсутствие информации или неточное указание вида образовательного учреждения создает искаженное представление об образовательном уровне и интеллектуальных возможностях подсудимого. Так, о семнадцатилетнем подсудимом, окончившем 8 классов вспомогательной школы (что соответствует четырем классам массовой школы) и профессиональное училище в воспитательной колонии (начальное профессиональное образование) в приговоре суда было сказано, что он имеет среднее специальное образование. Указанное в приговорах число классов, окончанных подсудимыми, зачастую не соответствует данным, приводящимся в характеристиках из школы, или записанным в обвинительном заключении. Иногда образование обвиняемого, окончившего 3–5 классов, называется «незаконченным средним».
5. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного доказанным судом, с указанием в том числе характера вины, мотивов и последствий преступления. При рассмотрении дел о правонарушениях несовершеннолетних суды должны обязательно выяснять условия жизни и воспитания подростка, причины и

обстоятельства, способствовавшие совершению им преступления. Такого требования закона, однако на практике мы видим совсем иное: хотя по всем изучавшимся делам проводились психиатрические или психолого-психиатрические экспертизы, содержательно личность подсудимого была описана только в каждом десятом приговоре. 1/4 приговоров вообще не содержала в описательно-мотивировочной части данных о личности подсудимого. Типичным примером такого приговора является формулировка: «При определении меры наказания суд принимает во внимание характер и степень общественной опасности совершенного деяния, данные о личности подсудимого, который в содеянном раскаивается, совершил преступление в несовершеннолетнем возрасте, что суд относит к смягчающим ответственность обстоятельствам. Обстоятельств, отягчающих ответственность, суд не находит». Какие данные о личности суд принял во внимание и каким образом, из приговора понять невозможно. В остальных случаях описание личности психически больного подростка ограничивалось несколькими словами: «по месту учебы (жительства) характеризуется отрицательно (положительно, удовлетворительно)». Такая «характеристика» не поможет суду в принятии решения о виде и размере наказания. Приведенные данные не позволяют сделать вывод, что суд не изучает личность подсудимого, хотя и не исключают его. Однако можно констатировать, что суды уходят в приговоре от анализа собранных по делу доказательств и мотивировки собственных решений. Совершенно очевидно, что это ведет к проявлениям субъективизма при решении вопросов, относящихся к назначению наказания, а также затрудняет рассмотрение дела в кассационной инстанции. Требования ст. 421 УПК РФ о выяснении условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, ч. 2 ст. 73 УПК РФ об установлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в подавляющем большинстве случаев судами не выполняются.

6. Затруднения у суда вызывает не только описание личности обвиняемого, но и установление мотивов содеянного, то есть выявление субъективных причин совершения преступления. Следует отметить, что речь идет не о глубокой психологической оценке мотивации противоправного деяния, а о стандартном наборе мотивов (из корыстных, хулиганских, сексуальных побуждений, из ревности, в ссоре, иные бытовые причины или иная личная заинтересованность), применяемом при учете расследованных преступлений. Такой формальный мотив совершения преступления был определен в 1/3 приговоров. В большинстве приговоров мотив совершения преступления не указывался, а в лучшем случае подменялся целью. Например, часто использовалось выражение «с целью совершения кражи тайно проник...»
7. Согласно ч. 2 ст. 22 УК РФ, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, обязательно учитывается судом при назначении наказания. Только в половине приговоров в отношении ограниченно вменяемых несовершеннолетних суды отметили, что при назначении наказания ими учитывалась ограниченная вменяемость. Содержательно порядок учета ограниченной вменяемости был раскрыт лишь в 1/4 приговоров. В тех случаях, когда суды рассматривали ограниченную вменяемость как обстоятельство, смягчающее наказание, или как исключительное обстоятельство, в приговорах отсутствовало обоснование этого решения. То есть, даже приняв правильное решение, суд оказался не в состоянии аргументировать его.
8. Ни в одном приговоре при обосновании назначения принудительной меры медицинского характера суды не сослались на ч. 2 ст. 97 УК, где определяется категория лиц, к которым могут быть применены принудительные меры медицинского характера. Согласно данной норме, для назначения

принудительного лечения недостаточно одного факта совершения психически больным лицом общественно опасного деяния или преступления и признания такого лица невменяемым или ограниченно вменяемым. Принудительные меры медицинского характера назначаются только в том случае, если психическое расстройство создает возможность причинения этим лицом иного существенного вреда, делает его опасным для себя либо для окружающих.

Итак, проведенное изучение уголовных дел показало, что на досудебной и судебной стадиях процесса уголовного судопроизводства основное внимание уделяется изучению противоправного деяния, а не личности несовершеннолетнего правонарушителя. Иными словами, осуждается преступление, а не преступник. При таком подходе ювенальная юстиция и восстановительные процедуры не нужны и реализованы быть не могут.

Способность и готовность местной общины к практической реализации восстановительного правосудия также вызывает большие сомнения. В ситуации бурных экономических перемен, резкого социального расслоения, торжества философии индивидуализма происходит дезинтеграция общины. В условиях такой дезинтеграции, люмпенизации и алкоголизации значительной части населения, активного распространения криминальной субкультуры община перестает быть институтом неформального социального контроля.

Попытки внедрить элементы восстановительного правосудия при отсутствии объективных предпосылок для этого сравнимы с желанием придать тяжелобольному более здоровый вид с помощью декоративной косметики. Больной нуждается в помощи врача, а не визажиста. Применительно к российской уголовной юстиции можно сказать, что она нуждается в серьезном реформировании для того, чтобы воспринять парадигму восстановительного правосудия.

С учетом рассмотренных выше обстоятельств необходимо адаптировать к отечественной действительности и восстановительные процедуры, и подготовку к их внедрению. Во-первых, восстановительные процедуры должны включать более широкий комплекс мер по социальной, педагогической и психолого-педагогической реабилитации. Само примирение правонарушителя с потерпевшим окажется промежуточным этапом, которому предшествует и за которым следует активная интервенция. Во-вторых, изменение профессионального сознания той части юридического сообщества, которая занята несовершеннолетними, должно стать важнейшим элементом подготовки к внедрению восстановительного правосудия. В-третьих, в реализации восстановительных процедур, по крайней мере на начальном этапе их внедрения, основная роль должна принадлежать профессионалам (в лице субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних), а не общине.

Прежде чем восстановительное правосудие станет идеологией реформирования системы уголовной юстиции в отношении несовершеннолетних, оно должно показать свою эффективность как технология работы по предупреждению правонарушений детей и подростков. Сделать это возможно и в рамках действующего законодательства, если избрать в качестве объекта несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, и несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы условно. Данные уголовной статистики и материалы прокурорских проверок свидетельствуют, что эффективность профилактической работы с названными контингентами остается крайне низкой. Правовым основанием для реализации восстановительных процедур в отношении несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, являются Федеральные законы «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Согласно этим законам, профилактическая работа с несовершеннолетним правонарушителем ведется на основании индивидуального плана. В таком плане, вне всякого сомнения, может быть реализована идеология восстановительного правосудия. Правовым основанием для осуществления

восстановительных процедур в отношении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы условно, является ст. 73 УК РФ. При условном осуждении суд вправе возложить на осужденного любые обязанности, в том числе участие в восстановительных процедурах.

Карнозова Л. М., ведущий научный сотрудник ИГП РАН

Модель восстановительной работы с несовершеннолетними обвиняемыми (российский опыт)

Я расскажу о практическом опыте Центра «Судебно-правовая реформа», касающемся формирования модели восстановительной работы с несовершеннолетними обвиняемыми.

Мои коллеги уже говорили о том, как Центр начинал работу с идеей восстановительного правосудия. Областью реализации идеи стало производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Это область наиболее благоприятная, поскольку несмотря на отсутствие ювенальной юстиции в современной России и законодательство, и наша судебная практика здесь в меньшей степени ориентированы на уголовную репрессию, чем в отношении взрослых преступников. Во всяком случае, мы встречали определенное понимание со стороны представителей правоохранительных органов и судов, что позволило организовать подобную работу.

Прежде, чем представить конкретную модель, я задам некоторые штрихи контекста, в котором она складывалась.

Первый момент касается *типологии моделей восстановительного правосудия*. Эти модели можно объединить в несколько групп; я расскажу о двух. В первой группе представлены различные варианты внутреннего устройства самих программ восстановительного правосудия, во второй – способы увязывания этих программ с уголовным процессом. Здесь я позволю себе реплику в сторону: наш Центр работал не только с уголовными делами, мы проводили программы восстановительного правосудия и в сотрудничестве с Комиссиями по делам несовершеннолетних – в случаях, где ребенок не достиг возраста уголовной ответственности. Есть специальное направление деятельности, связанное с программами примирения в школе, но я буду говорить только о той работе, которая касается уголовного процесса.

Имеется определенное разнообразие типов программ восстановительного правосудия в зависимости от их внутреннего устройства. Программа примирения жертвы и правонарушителя, или *«медиация лицом к лицу»*, – самый распространенный, но не единственный тип. Есть *«челночная медиация»*, когда связь между жертвой и правонарушителем осуществляется только через посредника, из-за каких-то обстоятельств они не встречаются лично. Существуют специализированные программы – *программы по возмещению ущерба*. Совершенно другой тип программ восстановительного правосудия – *общинные* (Австралия) и *семейные конференции* (в официальной ювенальной юстиции Новой Зеландии семейные конференции выступают в качестве основного звена этой системы). Последние формы отличаются гораздо более широким кругом участников и тем, что решение выносится в результате соглашения между семьями сторон или общиной. Есть и такая форма, как *«Круги правосудия»*, и пр.

Мы начали работу с освоения и реализации наиболее распространенного в Европе и Северной Америке типа, а именно *программы примирения жертвы и правонарушителя*. В переводе на язык уголовного процесса речь идет о программах примирения потерпевшего и обвиняемого, где в качестве обвиняемого выступает несовершеннолетний. Что касается потерпевших, то здесь были как дети, так и взрослые.

Теперь о второй группе моделей восстановительного правосудия – относительно связи программы примирения с уголовным процессом (либо допроцессуальными стадиями): здесь тоже имеются разные конструкции. Об этом отчасти говорил Леонид Витальевич

Головко, более подробно можно прочитать в его книге¹. В данной группе выделяют, например, такую типологию (Mark Groenhuisen): медиация (посредничество) как *альтернатива* уголовному процессу, как его *часть* и как *дополнение*. В первом случае дело выводится из уголовного процесса на достаточно ранних стадиях или до возбуждения уголовного дела; во втором медиация как составляющая уголовного процесса включена в судопроизводство. Это не значит, что посредничество обязательно регулируется уголовно-процессуальными нормами, но тем не менее оно становится неким технологическим элементом уголовного процесса. Здесь медиация не является альтернативой, просто последующая стадия судопроизводства учитывает результаты восстановительной программы, в частности, когда возможна отсрочка приговора и суд выносит окончательное решение с учетом результатов медиации. И наконец, о медиации как дополнении к уголовному процессу сегодня говорил Брайан Уильямс: это медиация в тюрьмах, проводимая уже *после* вынесения судебного решения. Ее смысл не столько в юридических последствиях, сколько в достижении гуманитарных эффектов, хотя, по мнению Софьи Григорьевны Келиной, и в этом случае возможны юридические последствия, например, условно-досрочное освобождение.

С точки указанной типологии мы фактически начали встраиваться в уголовный процесс, рассматривая медиацию как его часть, а не как альтернативу. Почему? Здесь мы прежде всего ориентировались на наше законодательство. Ст. 25 УПК РФ расширила возможности прекращения дел за примирением сторон, включив сюда дела о впервые совершенных преступлениях средней тяжести. Однако мы начали работать тогда, когда этой нормы не было, мы располагали лишь ст. 76 УК РФ и ст. 9 УПК РСФСР, т.е. прекращение дел за примирением касалось только преступлений небольшой тяжести. Для несовершеннолетних есть еще норма, предусматривающая освобождение от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия, где речь идет и о преступлениях средней тяжести. Но если мы возьмем уголовную статистику, то около 60% в структуре преступлений несовершеннолетних составляют кражи, причем подростки часто совершают кражи вдвоем (группой), а это уже относилось к категории тяжких преступлений (норма о кражах изменилась лишь недавно - Законом от 31.10.2002, а начали мы работать в 1997–1998 годах). Мы не хотели отказываться от работы с такими случаями, поскольку их было большинство. Поэтому в качестве юридического последствия примирения нужно было иметь в виду не только прекращение дела, но и смягчение наказания – согласно п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ возмещение ущерба и иные действия, направленные на заглаживание вреда, служат смягчающими обстоятельствами. Следовательно, важно было использовать процедуру примирения не столько как альтернативу, сколько как новый элемент в ходе процесса, который предполагал бы определенные юридические последствия.

Есть и другие типологии, касающиеся, к примеру того, *кто* может проводить восстановительные программы, но сейчас нет возможности на них останавливаться.

Второй момент, касающийся обстоятельств нашей работы. Сегодня уже говорилось о том, что в 1997–1998 годах Центр «Судебно-правовая реформа» начал сотрудничать со структурами уголовного судопроизводства – со следствием, прокуратурой, затем с судом. Были разработаны определенные юридические алгоритмы взаимодействия Центра и органов внутренних дел, которые передавали информацию о случаях правонарушений. Но должна сказать, и это назрело для обсуждения в юридическом сообществе, что алгоритм – дело вторичное. Главное – люди, с которыми мы работали. Уволился начальник следственного отдела из РОВД «Таганский», ушел прокурор Таганского района – и перестала поступать информация о случаях для проведения программ примирения. Мы сотрудничали в общем-то не со структурами, а с людьми, которые понимали значимость такой работы, и с их уходом все прекращалось. Наиболее устойчивое сотрудничество, где

¹ Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб., 2002.

действительно стала выстраиваться модель, о которой мы можем сегодня говорить, удалось сложить с Черемушкинским районным судом г. Москвы.

Работа с судом строилась на основе договора. Неотъемлемой частью договора стал юридический алгоритм, в котором прописывалась взаимосвязь новых действующих лиц (введенных экспериментом) с судом. Суд, естественно, сохранял свою независимость в вынесении решений; нам нужно было построить механизм получения информации о делах, чтобы проводить программы примирения, и обеспечить приобщение результатов программы к материалам дела.

А теперь я хочу обратиться к двум тезисам, которые звучали сегодня в докладах участников нашей конференции: что восстановительное правосудие не сводится к медиации и что программы восстановительного правосудия с несовершеннолетними должны учитывать специфику субъекта правонарушения. Я попробую продемонстрировать их реализацию на той модели, которую мы создали в порядке эксперимента.

Первой фигурой, новой позицией, которую мы ввели в алгоритм (это уже элемент модели), стал не медиатор, а социальный работник. Медиатор (мы его называем ведущим программы примирения) стал второй фигурой, хотя ее наличие определило качественную характеристику целого. Таким образом, в работу с несовершеннолетними были включены две новые позиции. Почему? Здесь есть несколько обстоятельств, также относящихся к разным элементам контекста.

В конце 1990-х годов в России стали разворачиваться проекты по ювенальной юстиции. Это движение началось в Москве, Санкт-Петербурге и сейчас успешно продолжается в Ростове-на-Дону, Саратове и других городах. Первым шагом всех экспериментов по ювенальной юстиции было введение социального работника для сбора информации о социальной ситуации несовершеннолетнего правонарушителя и проведения необходимых реабилитационных мероприятий. Дело в том, что ювенальная юстиция есть принципиально иная юстиция в сравнении с общеуголовной. Именно социальная защита и социальная помощь являются неотъемлемым атрибутом, конституирующим элементом ювенальной юстиции. Если общеуголовная юстиция рассматривается в рамках «преступление – наказание», то ювенальная (в том виде, в каком она существует в мире уже больше ста лет) – в рамках «преступление – реабилитация». Таким образом, социально-реабилитационная инфраструктура вокруг несовершеннолетнего обвиняемого представляет собой важнейший специфический элемент ювенальной юстиции, и ювенальный судья – это уже совсем другой судья. Включение в российские эксперименты по ювенальной юстиции фигуры социального работника стало знаком того, что речь идет именно о ювенальной юстиции. У нас еще нет ювенальных судов, у нас нет судей, специально рассматривающих дела несовершеннолетних (хотя тенденция есть, и суды по возможности пытаются это делать), но введение фигуры социального работника уже имело определенное символическое значение. Одновременно такой ход оправдан и нашим законодательством, поскольку относительно несовершеннолетних обвиняемых расширяется предмет доказывания: для принятия решения необходимо иметь информацию об условиях жизни и воспитания подростка, о факторах, способствовавших совершению преступления, об особенностях личности и т.д. Поэтому судьям такая позиция - социального работника-помощника, собирающего нужную информацию, – достаточно выгодна процессуально: это делает их работу более качественной. С точки зрения прагматической судья был готов принять такую фигуру.

Однако функция такого «судебного» социального работника состоит не только в сборе информации, но и в проведении реабилитационной работы с несовершеннолетним обвиняемым, причем подобная работа должна начаться до стадии судебного разбирательства, чтобы при принятии решения судья имел возможность учесть начавшийся процесс реабилитации. Российские эксперименты по ювенальной юстиции

были тем фоном, на котором Центр начинал сотрудничество с Черемушкинским судом, введение фигуры социального работника было подготовлено этой ситуацией. А дальше, продолжая эксперимент, мы стали встраивать программы восстановительного правосудия в социально-реабилитационный процесс как его новый компонент, благодаря чему введение этих программ (и соответственно позиции ведущего) стало достаточно органичным. Одновременно и эффективность восстановительной работы определяется не только проведением процедуры медиации, но и предшествующей и последующей реабилитационной работой.

Это российская ситуация. А теперь рассмотрим линию складывания восстановительного правосудия в мире, например в Северной Америке или Европе. Область реализации восстановительного правосудия определяется двумя моментами: категорией преступлений и субъектом правонарушения. Речь идет о корыстных преступлениях, хулиганстве, вандализме и т.п. Что же касается субъекта, то прежде всего имеются в виду молодые правонарушители: если человек молодой и если это не профессиональный преступник, то вопрос о *способе реагирования* на преступление – воистину вопрос всей его дальнейшей жизни. Здесь точка бифуркации: в зависимости от способа реагирования возможны принципиально разные траектории жизни этого человека. Поэтому восстановительные программы направляли свои усилия в первую очередь на контингент юных правонарушителей и имели дело с преступлениями, по которым возмещение материального ущерба представляется наиболее разумной и справедливой формой разрешения криминальной ситуации. Формирование практики восстановительного правосудия происходило на Западе (я сейчас не дифференцирую по странам, как это делал Л.В. Головкин) на фоне и в какой-то мере в самих структурах *существующей ювенальной юстиции*. А ювенальная юстиция, как уже говорилось, характеризуется «социальной насыщенностью», причем в разных странах этот принцип реализуется в различных формах: службы пробации, социальные и психологические службы, общинные образования и пр. Важно одно: восстановительное правосудие, выходя на социальную арену как новый способ реагирования на преступления, устанавливает связи кооперации не с «чистым» уголовным процессом, а с уголовным процессом, уже находящимся в социально-реабилитационной инфраструктуре. Весьма существенная деталь.

Еще одно обстоятельство. Хочу напомнить и усилить то, о чем говорила Эвелина Борисовна Мельникова: в 60-70-х гг. в мире заговорили о кризисе ювенальной юстиции. Ответом на правонарушения детей были реабилитационные программы, а преступность несовершеннолетних росла. Исходная модель ювенальной юстиции строилась на представлении о том, что преступление, совершенное подростком, есть симптом его неблагополучия – социального, психического и т.п.; следовательно, ребенку надо помочь. Отсюда классическая модель ювенальной юстиции – реабилитация вместо наказания. Здесь требуется небольшое пояснение: несмотря на тождество значений слов «реабилитация» и «восстановление», речь идет о разных моделях ювенальной юстиции – реабилитационной и восстановительной.

Классическая реабилитационная модель строилась *вне принципа ответственности*, речь шла лишь о том, что ребенку нужно помочь в решении его проблем. И в международных документах: в Конвенции о правах ребенка, в Пекинских правилах – во главу угла ставится именно *благополучие* ребенка. Но рост детской преступности сигнализировал о том, что модель неэффективна. Восстановительное правосудие осуществило принципиальный поворот в «детском» правосудии, введи принцип *ответственности*, хотя и не уголовной. Фактически восстановительное правосудие, как пишет Г. Бэйзмор, задает новую парадигму ювенальной юстиции¹. Оно «входит» в ювенальную юстицию с уже существующей социально-реабилитационной

¹ Бэйзмор Г. Три парадигмы ювенальной юстиции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М., МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 67-99.

инфраструктурой, не отменяя ее, но привнося новые принципы и цели: исцеление жертвы, обязательство правонарушителя в заглаживании вреда и т.д.

Сказанное имеет прямое отношение к той модели, которую мы выстраиваем. Поскольку в России нет подобной ювенальной социально-реабилитационной инфраструктуры, нам приходится одновременно решать две задачи. К уголовному процессу по делам несовершеннолетних мы стали подключать инновационную единицу деятельности, которую схематически можно изобразить в форме матрешки: в «оболочку» социальной работы с несовершеннолетним обвиняемым «вложена» деятельность ведущего программы примирения. Содержание внутреннего компонента определяет специфическое качество формируемого целого. Думается, ядро модели работы с несовершеннолетними правонарушителями должно быть именно таким. Деятельность, которую мы осуществляем совместно с судом, можно обозначить как эксперимент по *ювенализации* российского уголовного процесса в отношении несовершеннолетних. «Суд – социальная работа – программа примирения» – это минимальная клеточка, которая в свернутом виде содержит необходимую структуру должной ювенальной юстиции. *Восстановительная ювенальная юстиция* и есть перспектива предлагаемой нами модели.

Конечно, существует множество проблем. Сегодня – при отсутствии соответствующего законодательства – реализация в России идеи восстановительного правосудия возможна лишь в ходе экспериментов. Однако сами эксперименты не носят программного характера со стороны государства – законодателя и правоприменителя, а проводятся на уровне общественной самодеятельности и ограничиваются доброй волей отдельных правоприменителей. Здесь очень многое зависит от правосознания юристов, которое характеризуется некой двойственностью. Люди, с которыми мы общаемся, – судьи, следователи, прокуроры – нередко говорят нам: «Как юрист, подчиняющийся закону, я вам скажу "так делать нельзя"; как человек и гражданин я скажу "так делать необходимо"». Ближайшая задача состоит, по-видимому, в том, чтобы перевести это гражданское правосознание в юридическую форму.

Возникает и ряд конкретных вопросов (часть из них уже в самом начале нашего семинара сформулировал Михаил Флямер), я могу продолжить перечень:

1) о процессуальном статусе новых фигурантов – социального работника и ведущего программы восстановительного правосудия;

2) о легитимизации передачи информации о случаях правонарушений в программы примирения (не только медиаторы или представители структур уголовного процесса должны понимать, что в их действиях нет нарушения закона, но и потерпевший, обвиняемый, их законные представители должны быть уверены, что все делается легально);

3) о доступности посредничества в уголовных делах (см. Рекомендацию Комитета министров Совета Европы № R (99) 19 (п. 3);

3) об определенности юридических последствий и процессуальном статусе примирительного договора;

4) о соотношении участия обвиняемого в программе примирения и презумпции невиновности: Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R (99) 19 (п. 14) на практике может оказаться малоприспособленной к реализации;

5) о подготовке и сертификации ведущих и способах поддержания необходимого стандарта в проведении программ и др.

Перечень можно продолжить. Вопрос о правовой основе восстановительного правосудия в России становится насущным.

АНОНС

Грасенкова А.

**Интернет-страница для сети
«Партнерство в сети восстановительного правосудия»**

Благодаря появлению дополнительных финансовых средств, мы получили возможность более плотно и содержательно продолжить наши контакты со всеми нашими региональными партнерами. Эта работа направлена не столько на развитие московской команды, сколько на развитие всей сети восстановительного правосудия в целом. Мы создаем интернет-страничку «сети», призванную осветить всю ее работу и стать дополнительным средством коммуникации между нашими партнерами.

Целями появления сайта (подсистемы основной страницы Центра СПР) являются:

- ✓ представление самых разных направлений сети и продвигающих их специалистов;
- ✓ углубление и обогащение содержательной работы «сети»;
- ✓ укрепление связей разных партнеров и предоставление им возможности общаться напрямую, в том числе и без посредничества ОЦ СПР.

Также важно и то, что благодаря существованию такой страницы, каждый из наших потенциально важных *будущих партнеров*, зная о существовании такого сайта, сможет зайти на него и ознакомиться с направлениями работы и индивидуальными резюме любого из сотрудников сети.

На этой странице мы предполагаем размещать любые материалы о сетевой работе в рамках общего направления «восстановительный подход». У каждой команды есть свой путь движения в этом направлении, свои победы на этом пути и трудности в реализации основной стратегии. И на сегодняшний день каждому члену сети было бы важно и интересно узнать о том, в каком направлении двигаются другие партнеры, какое направление сейчас в их организации является приоритетным. Возможно, что со временем, проанализировав представленную на интернет-странице ситуацию в разных городах, мы будем вместе развивать какое-то одно большое направление работы, организуя его обсуждение не только на сайте, но и на семинарах и личных встречах.

При создании сетевого сайта для мы учитываем несколько обстоятельств:

- 1) сайт предполагается сделать долговременным и регулярно обновляемым (примерно 1 раз в месяц);
- 2) эта страничка будет использоваться (посещаться) не только членами сети, но и теми, кто с ними сотрудничает;
- 3) на сайте будет содержаться материал не только информационного, но и публикационного характера. При этом, если информационный по большей части будет собираться московской группой и представляться в виде дайджеста новостей сети, то публикации будут поставляться из регионов любым членом команды сети, что не исключает публикаций и из иностранных источников. Таким образом, на сайте будет представлено два типа публикаций – отечественные и зарубежные;
- 4) Публикации из регионов представляются партнерами в отредактированном виде;
- 5) Материалы, помещаемые на сайте, будучи тематическими, должны охватывать проблемы становления «группы» продвигенцев восстановительного подхода и стратегию развития продвигающей группы с ее темой;
- 6) По-возможности, на сайте будут появляться аналитические обзоры ситуации о тенденциях в региональной (городской, областной, окружной) политике. Причем обзор может делаться из рамки «Социальное партнерство в области новых социальных технологий»;
- 7) На сайте будут отдельно представлены описания интересных случаев программ ВП, проходивших в сети;
- 8) На сайте будет вкладка «отзывы» о помещаемых публикациях;
- 9) Возможно на сайте будет «архив» ежемесячно обновляемых материалов, так, чтобы можно было время от времени возвращаться к старым публикациям и отзывам о них;

- 10) На сайте будут постоянные, неизменные материалы о членах региональных команд (их резюме, биографические данные и т.д.);
- 11) На сайте будет делаться отсчет посетителей.

Предполагаемые «вкладки» сайта:

- ✓ **Регистрация посетителей**, включающая в себя краткую информацию о пользователе страничкой: Ф.И.О, личный E-mail, организацию/место работы, город проживания);
- ✓ **Дайджест** сетевых новостей (сетевая хроника);
- ✓ **Объявления** о будущих сетевых мероприятиях и мероприятиях внутри отдельных проектов любого из членов сети с приглашением к участию и просьбой присылать (поместить) резюме и цели участия в проекте;
- ✓ **Новые проекты** (краткое – не проектное по форме – описание стратегии развития конкретной темы и способов ее реализации);
- ✓ **Новые публикации** (зарубежные, отечественные) по теме «ВП»;
- ✓ **Наши сетевые партнеры** (краткие биографические справки и резюме членов сети, их должности, направления деятельности);
- ✓ **Программы восстановительного правосудия** (описания интересных случаев);
- ✓ **Отзывы на публикации**;
- ✓ **Ресурсы сети** (предложения от любого члена сети об обмене имеющимися ресурсами: литературой, специалистами, срочной информацией; ценным советом);
- ✓ **Нас посетили...** (статистика посетителей за текущий и предыдущий месяцы).

Конференция «Укоренение и легитимизация восстановительного подхода через создание служб примирения» 12-14 сентября 2003 г. в Москве (или ближнем Подмосковье)

В рамках задач проекта, реализуемого ОЦ СПР, *"Развитие сети партнеров через совместную деятельность по продвижению темы"* мы планируем проведение сетевого мероприятия – конференции «Укоренение и легитимизация восстановительного подхода через создание служб примирения».

Конференция будет посвящена разработке таких понятий как «служба примирения», и «укоренение подхода», а также индивидуальному проектированию каждой сетевой командой ее стратегии укоренения восстановительного подхода.

Форма конференции – деловая игра. На конференции будут работать секции:

1. «Восстановительное правосудие на российском правовом пространстве: проблемы и возможности»,
2. «Примирение в школе: проблема проектирования служб»,
3. «Восстановительный подход в социальной сфере: партнерство органов, направленных на профилактику правонарушений несовершеннолетних».

От каждого региона (города и области) приглашаются по два участника (на выбор команды). На конференции будут работать приглашенные эксперты.

Итогом конференции предполагается увидеть разработанные каждой командой (внутри тематического секционного направления) индивидуальные стратегии продвижения восстановительного подхода в ее регионе. По итогам конференции в «Вестнике восстановительной юстиции №6» будут изданы материалы.

Получить дополнительную информацию и прислать свои заявки вы можете, связавшись с нами напрямую.

Координаты для связи:

тел. (095) 286-54-06 или e-mail: triandisilidis@mtu-net.ru (Анна Грасенкова), а также

тел. (095) 129-98-01 или e-mail: center_SPR@mtu-net.ru (ОЦ «Судебно-правовая реформа»).

Добротна Вуйчик

Всемирный конгресс по криминологии

Всемирный Конгресс по криминологии пройдёт в Рио-де-Жанейро (Бразилия) 10 - 15 августа 2003 года.

Любую информацию о конгрессе Вы можете получить в Международном обществе по криминологии, телефон (331) 458-800-23, факс (331) 458-896-40, e-mail: crim.sic@wanadoo.fr

Одна из секций конгресса: «Посредничество: практические вопросы и результаты». В этой секции мы планируем следующие мастерские:

1. Христа ПЕЛИКАН

"Восстановительное правосудие - определение его цели - нахождение его места - устанавливание его практики"

Институт права и криминальной социологии

Postfach 1, A-1016 WIEN [Венна, Австрия]

Tel. 0043 - 1 - 526-15-16

Fax. 0043 - 1 - 526-15-16-10

christa.pelikan@irks.at

<http://www.irks.at>

2. Жан-Пьер Бонафе-Шмит, «Работа посредников» (на французском)

Jean-Pierre BONAFE-SCHMITT

GLYSI-CNRS (Universite Lyon II ISH) [университет Лиона]

14 avenue Barthelot 69363 LYON CEDEX 07

tel. 33 (0) 472 726 416

fax. 33 (0) 472 726 418

jean-pierre.bonafe-shmitt@ish-lyon.cnrs.fr

www.ish-lyon.cnrc.fr

www.iukb.ch

www.amely.ifrance.com/amely

3. Проф. Бернд-Дитер МАЙРЕР

1. **"Принципы посредничества" и**

2. **"Рекомендация Совета Европы N R (99) 19 по посредничеству в уголовных делах"**

Prof. Dr. Bernd-Dieter MEIER

Universitat Hannover Fachbereich Rechtswissenschaften [Университет Ганновера, факультет правоведения]

Postfach 6047 D-30060 Hannover Tel. 49 - 511 - 762-82-60 или 82-61

Fax. 49 - 511 - 762-82-63

meier@strb.uni-hannover.de

www.jura.uni-hannover.de/meier

4. Иво Айрстен

1. **"Посредничество и тяжёлое преступление"**

2. **"Посредничество, исправление и возмещение вреда в тюремном контексте",**

3. «Посредничество и его отношение к уголовному правосудию» (вместо темы "Посредничество в местных сообществах")

Dr. Ivo AERSTEN Catholic University of Leuven Department of Criminal law and Criminology
HOOVERPLEIN 10 3000 Leuven Belgium

Tel. 32-16-32-53-02

Fax. 32-16-32-54-63

ivo.aersten@lav.kuleuven.ac.be

Если Вы заинтересованы в участии в конгрессе и представлении любых материалов, пожалуйста, связывайтесь с лицом, ведущим мастерскую или со мной, как лицом, которому поручена организация этой секции:

проф. *Доброчна Войжик*

E-mail: iws@iws.org.pl

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РЕГИОНАХ. ХРОНИКА

ДЗЕРЖИНСК

Лайша Т.

Стратегия движения в рамках проекта «Восстановительное правосудие в России»

Задачи, реализуемые Отделением Центра «Судебно-правовая реформа» в рамках проекта:

1. Разработка схемы применения принципов ВП на пилотной площадке «Дзержинск» и механизмов ее внедрения в правоприменительную практику по делам несовершеннолетних.
2. Распространение информации о ВП в обществе и среди ключевых заинтересованных организаций, разъяснение эффективности технологий ВП при рассмотрении дел преступника и жертвы и при социальной реабилитации трудных подростков.
3. Консультанты будут отвечать за оказание квалифицированных, эффективных, своевременных услуг, перечисленных в Меморандуме проекта и Логической рамке. Они будут работать совместно с российскими партнерами для реализации цели проекта, а именно, над внедрением технологии ВП для несовершеннолетних в российской уголовной юстиции.
4. Распространение навыков и примеров успешной работы в использовании принципов ВП в работе с малолетними правонарушителями, особенно, среди организаций гражданского общества, сотрудников уголовной юстиции (Прокуратуры, судей, милиции, служб надзора за условно осужденными и тюрем), молодежи и социальных работников.
5. Организация совместно с ЦСПР и Прокуратурой обучения координаторов ВП, юристов и социальных работников методам ВП.
6. Распространение информации о ВП в обществе и среди ключевых заинтересованных организаций, разъяснение эффективности технологий ВП при рассмотрении дел преступника и жертвы и при социальной реабилитации трудных подростков.

Мероприятия и события.

1. *Создание алгоритма организации и проведения восстановительных ресоциализирующих программ для несовершеннолетних*

В ходе контактов координатора проекта Лайши Т.Н. с прокурором г.Дзержинска, Председателем Дзержинского городского суда, и.о. заместителя мэра по социальным вопросам г.Дзержинска, начальником МОБ УВД г.Дзержинска, заместителем начальника следственного Управления УВД г.Дзержинска происходили разработка, обсуждение и

утверждение юридического алгоритма организации и проведения восстановительных ресоциализирующих программ для несовершеннолетних.

2. *Рабочие встречи на местах* (прокуратура, суд, УВД, Дзержинская городская администрация) регионального координатора с руководителями этих структур и оформление соглашения с прокуратурой о сотрудничестве с Нижегородским областным отделением ЦСПР;

3. *Проведение выездных мероприятий:*

1) встреча с руководителями управления образования;

2) поездка в подростковый клуб по месту жительства «Лира». Проведение британскими специалистами экспертизы состояния профилактической работы с подростками группы риска.

4. *Проведение программ восстановительного правосудия* по случаям (уголовным делам) предложенным прокуратурой и следственными органами.

1 программа

Источник информации о случае – прокуратура.

Ход и итоги программы

Программа завершилась принятием решения семьей подростка-правонарушительницы о переводе ее в другую школу и повышении роли отца девушки в контроле за ее окружением (компанией). Примирительная встреча не проводилась, но, учитывая, что потерпевшей стороной являлась бабушка несовершеннолетней, то предварительные встречи со сторонами способствовали восстановлению отношений между сторонами конфликта.

2 программа

Источник информации о случае – ПДН.

Ход и итоги программы

Программа проводилась по уголовному делу о хулиганстве с нанесением легких телесных повреждений. Информация об этом случае была получена после того, как стороны решили вопрос о возмещении ущерба (в том числе и морального). Это явилось причиной отказа сторон от участия в примирительной встрече.

3 программа

Источник информации о случае – следственный отдел №1 ОМ УВД

Ход и итоги программы

Примирительная встреча была проведена полностью с оформлением примирительного договора и передачей его следователю.

5. *Визит в г. Дзержинск британских и российских специалистов и руководителей проекта.*

6. *Подготовка и проведение семинара-тренинга «Обучение ведущих для программ примирения в уголовном процессе».*

Семинар состоял из 2-х частей: *информационно-дискуссионной и обучающей*. В первой части приняли участие 25 человек, в том числе заместитель начальника УВД г. Дзержинска, начальник Следственного управления, зам. начальника СУ, первый заместитель прокурора г. Дзержинска, начальники 1,2,3 следственных отделов УВД г. Дзержинска, заместитель директора Центра социальной помощи населению Управления социальной защиты населения.

Во 2-й, обучающей части семинара приняли участие 18 человек (социальные педагоги, психологи, специалисты отдела по делам молодежи).

Индикаторами успеха семинара можно считать:

- проведенную сразу после него программу примирения на этапе предварительного расследования, завершившуюся принятием примирительного договора с приобщением к материалам уголовного дела.

- достигнута договоренность о разработке совместного плана по созданию центра социальной реабилитации подростков с руководством муниципального образовательного учреждения «Апогей», специалисты которого участвовали в семинаре.

7. *Телерепортаж* о визите британско-российской делегации, *интервью* с проф. Брайаном Уильямсом и *20-минутная телепередача «Между прочим – гость»*, посвященная теме восстановительного правосудия и реализации проекта.

ИРКУТСК

Шакина В.

**Стратегия движения в рамках проекта
"Развитие сети партнеров через совместную деятельность по продвижению
восстановительного правосудия и ювенальной юстиции»**

Задачи, реализуемые «Байкальским центром правовых реформ» в рамках проекта:

1. Объединить интеллектуальные и организационные усилия в постановке практических задач и проектировании способов взаимодействия с представителями системы образования внутри темы «Восстановительное правосудие»;
2. Привлечь представителей системы образования к созданию пространства восстановительной и ювенальной юстиции с целью создания на территории их учреждений служб примирения;
3. Провести серию образовательно-обучающих мероприятий с социальными педагогами и психологами школ города;
4. Изучить и использовать потенциал уже действующей социально-реабилитационной инфраструктуры города, работающей с несовершеннолетними группы риска (в том числе правонарушителями);
5. Принять участие в создании Ассоциации членов сети восстановительного правосудия в России.

Мероприятия и события

За период январь-март месяцы реализация проекта *"Развитие сети партнеров через совместную деятельность по продвижению восстановительного правосудия и ювенальной юстиции»* в г. Иркутске проходила в несколько этапов.

Первый этап – ознакомительный. В январе месяце сотрудники «Байкальский центр правовых реформ»¹ ознакомились с сетевым проектом ОЦ «Судебно-правовая реформа», оценили свою роль в его рамках и возможности сотрудничества. Было принято решение о продвижении темы «Восстановительного правосудия» в систему образования, в т.ч. в сиротских учреждениях. Для достижения поставленной цели предполагается проведение серии тренингов по обучению технологиям восстановительного правосудия социальных педагогов и заместителей директоров по воспитательной работе.

На втором этапе реализации проекта (февраль) составлено документальное обоснование о целесообразности проекта для представления в Департамент образования г. Иркутска.

Проведены переговоры о сотрудничестве в рамках проекта с директором Департамента – Малявкиной Т.Р., руководителем социально-правовой службы Департамента – Зинчук Т.Д. и специалистом службы – Засухиной Т.В.

В связи с тем, что сотрудниками «БЦПР» уже проводились семинары по «Восстановительному правосудию» для представителей системы образования и было установлено сотрудничество с несколькими общеобразовательными школами и сиротскими учреждениями, это позволило сформировать предварительный список участников тренингов.

¹ Далее используется аббревиатура «БЦПР»

Департамент образования так же представил список возможных участников. В ходе совместной встречи было выбрано 6 социальных педагогов из школ г. Иркутска, спецшкол и детских домов. Это специалисты, которые ранее уже принимали участие в семинарах по ВП. Со всеми специалистами были проведены рабочие встречи и получено согласие на участие в проекте.

В марте сотрудниками «БЦПР» был проведен семинар по теме «Восстановительное правосудие» и сделано короткое введение в тему «Ювенальная юстиция» для социальных педагогов и заместителей директоров школ г. Иркутска. На семинаре присутствовало 57 человек. В ходе семинара был представлен сетевой проект, задачи проекта и возможности принять в нем участие.

Итогом этого мероприятия стал расширенный список участников тренинга, включающий в себя 4 представителей сиротских учреждений, 3 социальных педагогов из школ и 8 заместителей директоров школ по воспитательной работе.

В рамках семинара слушателям была предоставлена информация о возможных вариантах ведения в школах правовых уроков, создания правового поля, проведения правовых мероприятий (конференций, олимпиад и т.д.), выпуска правовых стенгазет и проведения классных часов для детей с 3 по 11 класс. Акцент был сделан на том, что это позволит оздоровить школьную среду, повысить правосознание учеников, воспитает в них чувство собственного достоинства и уважения к правам другого человека, а, следовательно, научит соблюдать свои обязанности. Это вызвало большой интерес у педагогов и заинтересованность в специализированной литературе, которой в школах нет.

Информация о Восстановительном правосудии и школьных конференциях стала завершением данного семинара и была воспринята более гладко, чем на семинарах, которые начинались сразу с рассказа о ВП. Такой переход позволил более доступно объяснить педагогам преимущества программ ВП и заинтересовать их в продвижении этих технологии у себя в школах.

ТЮМЕНЬ

Обрядина Е.

Стратегия продвижения восстановительного правосудия в систему УВД и прокуратуры г. Тюмени

Проделав ранее определенную работу по внедрению программ восстановительного правосудия в практику комиссий по делам несовершеннолетних (КДН) и ознакомив социальных педагогов школ с примирительными технологиями, члены нашей рабочей группы поняли, что деятельность в этом направлении необходимо не просто продолжать, но поднимать ее на новый уровень, заручаться поддержкой органов власти и привлекать бюджетные средства.

События и мероприятия.

В конце июля 2002 года специалист по восстановительному правосудию в Тюмени Галицких Г.В. была приглашена на встречу с *советником Уральской окружной инспекции аппарата полномочного представителя президента РФ в Уральском федеральном округе Борзенковым А.Н.*¹ На этой встрече она подробно рассказала об эксперименте по внедрению программ восстановительного правосудия в практику КДН Ленинского административного округа. Советник положительно оценил тюменский опыт и выразил желание *распространять эту практику на весь регион.*

В сентябре началось обсуждение нового этапа сотрудничества тюменской команды с ОЦ «Судебно-правовая реформа» в рамках российско-английского проекта «Восстановительное правосудие в России». Договоренность о партнерстве наших двух

¹ Здесь и далее курсив редактора – АГ.

команд в этом проекте была достигнута, что и ознаменовало начало работы в новом направлении - с правоохранительными органами, прокуратурой.

Первым шагом движения в сторону сотрудничества с представителями уголовного процесса стало информирование органов прокуратуры г. Тюмени о круглом столе в Москве на тему «Формы и методы взаимодействия прокуратуры с общественными объединениями» и представление результатов его работы. Тогда же началась подготовка к первому визиту английского представителя проекта в Тюмень.

Месяцем позже, в октябре, мы организовали встречу между *заместителем губернатора Тюменской области Н.А.Шевчик* и Имонном Кенаном - специалистом технологий примирения Центра социального действия Университета Де Монтфорт (Великобритания). На этой встрече участники нашей рабочей группы проинформировали Шевчик Н.А. о начале нового этапа деятельности по продвижению технологии ВП в Тюмени в рамках совместного проекта с Центром социального действия. Имонн Кенан рассказал о работе центра, об эффективности примирительных технологий, об опыте их применении в практике Великобритании. Шевчик Н. А., с самого начала одобрявшая идею продвижения технологий восстановительного правосудия в нашем городе, на встрече подтвердила желание власти города Тюмени поддерживать дальнейшую деятельность по внедрению восстановительного правосудия при положительных наработках.

В ноябре состоялась беседа Рустема Максудова и представителей тюменской команды со *старшим помощником прокурора Тюменской области Медой Н.А.* Она получила информацию о взаимодействии Генеральной прокуратуры с Центром «Судебно-правовая реформа» в области проведения программ ВП по делам несовершеннолетних и обещала свою поддержку проекта в нашем городе.

В декабре Галицких Г.В. и Обрядина Е.Д. приняли участие в научно-практической конференции Юридического института МВД РФ совместно с представителями правоохранительных органов г. Целле (Германия) - «Проблемы профилактики и борьбы с преступностью несовершеннолетних». Галицких Г.В. делала доклад об использовании технологий ВП в работе КДН.

В январе 2003 года Минулин Р.М., преподаватель кафедры уголовного процесса Юридического института МВД РФ, в рамках процесса продвижения и укоренения восстановительного правосудия начал разработку проекта Договора и юридического алгоритма взаимодействия с правоохранительными органами по возбужденным уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Минулин Р.М. опирался на результаты анализа статистических данных о прекращении дел за примирением в отношении несовершеннолетних за последние два года.

Разработанные документы были предложены для обсуждения участникам круглого стола «Взаимодействие правоохранительных органов, прокуратуры и суда с представителями общественных организаций по внедрению примирительных технологий в правоприменительную практику», который проходил 24 января 2003 года. В работе круглого стола принимали участие английские партнеры – Имонн Кенан и Винсент Мерсэ, российские – Михаил Флямер, *представители прокуратуры Тюменской области и округов, представители ГУВД Тюменской области и УВД г. Тюмени.* Участники круглого стола (представители прокуратуры и УВД) высказали свои сомнения и замечания по поводу разработанных документов.

Одновременно с вышеописанными событиями нами велась постоянная работа с социальными педагогами школ. В феврале состоялся семинар для социальных педагогов школ г. Ялуторовска, в котором принимало участие 18 человек из 6 учреждений (5 средних школ и 1 школа-интернат). А 19 марта прошел семинар для социальных педагогов школ г. Тюмени. В нем участвовало 96 социальных педагогов школ города. На подобных семинарах всегда проявляется большая заинтересованность представителей школ примирительными технологиями.

Начальник Управления по молодежной политике Тихомирова О.А. после встречи с членами рабочей группы и Михаилом Флямером (в марте 2003-го года) заинтересовалась прогрессивными технологиями и согласилась с нами сотрудничать в этом направлении.

На сегодняшний день разработано Положение о службе примирения в составе структуры внешкольного центра «Дзержинец», который является официальным подразделением Управления по молодежной политике. Основная задача службы - установление партнерских отношений с правоохранительными органами, прокуратурой, судом; введение технологий восстановительного правосудия в практику уголовной юстиции.

Тогда же, в марте, началось наше активное взаимодействие с представителями УВД.

После многочисленных телефонных переговоров и согласований встреч мы провели беседы с *Якимовой Л.В.* – начальником отдела дознания Центрального АО, *Морозовой Г.А.* - начальником отделения следственного управления Центрального АО, *Орловой Н.С.* -, начальником отделения следственного управления Ленинского АО (занимающиеся несовершеннолетними)

Сотрудники правоохранительных органов, работающие с несовершеннолетними правонарушителями, выясняя цели ВП и механизм взаимодействия с примирителями, не выражали негативного отношения и высказывали готовность к сотрудничеству.

Очень сдержанно, даже скептически отнесся к данным идеям *начальник УВД Центрального АО Марченко Ю.Н.* По его словам, органы УВД не должны заниматься воспитанием, «для этого есть семья и школа», а «...вор должен сидеть». Руководство УВД выражает сомнения и опасения по поводу влияния деятельности посредников на процесс следствия и на отношении к этому органов прокуратуры.

Складывается впечатление, что правоохранительные органы нашего города очень плохо информированы об общей тенденции к смягчению мер в отношении несовершеннолетних правонарушителей. В этих кругах бытует мнение, что возбужденное уголовное дело должно быть доведено до логического конца.

Это создает определенные трудности для внедрения программ примирения в практику правоохранительных органов.

Но нас это не пугает. Мы продолжаем целенаправленно продвигать идеи ВП в нашем городе.

2 апреля состоялись встречи с *прокурором Центрального АО Хамитовым А.Ф.* и с его помощником *Милевской И.И.* Прокурор Центрального АО ознакомился с документами, положительно отнесся к нашей деятельности и дал согласие подписать необходимые документы. Мы оцениваем это, как решающий момент, который поможет нам установить конструктивное взаимодействие с органами УВД.

УРАЙ

Болковая С., Соколова О., Камнева М.

Стратегия продвижения идей восстановительного правосудия в городе Урае.

Приоритетное направление.

Восстановительное правосудие мы не отделяем от комплексного подхода в работе с подростками и их семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. Приоритетное направление в работе Ювенальной службы - это комплексная помощь конкретному подростку, группе подростков и семьям, где воспитываются несовершеннолетние.

Сами процедуры восстановительного правосудия являются ядром всего комплекса мер помощи в конкретной ситуации.

Стратегия продвижения.

Стратегия продвижения, на наш взгляд, заключается в следующем:

1. создание в городе условий для формирования устойчивого спроса на услуги Ювенальной службы;
2. осознание всеми специалистами, с которыми мы контактируем, необходимости деятельности Ювенальной службы, в том числе и проведения программ восстановительного правосудия.

Наши контакты.

Теперь о том, с кем мы контактируем в своей работе:

1. Учебные учреждения.

Комментарий.

Работа с "трудными" классами по программе "Я сам строю свою жизнь...". Ее осуществляют два человека, работающие в паре: психолог Соколова Ольга и юрист Марина Камнева. Программа действует на основе заключенных со школами договоров о совместной деятельности.

Направления работ программы:

- 1) тренинги для ребят (личностного роста, коммуникативные, правовые);
- 2) восстановительные процедуры («примирение в семье» и «круги заботы»);
- 3) участие в классных и выездных (на предприятия) родительских собраниях (на них разбираются травмирующие ситуации с детьми и педагогами, конфликты, даются правовые консультации).

Основные результаты действия этой программы:

- a. переориентация или уход негативных лидеров из подростковых групп;
- b. негативные лидеры больше не имеют влияния на большинство и не вовлекают ребят в криминальную жизнь;
- c. появление ребят-переговорщиков, ориентированных на поиск мирного разрешения возникающих конфликтов в школе;
- d. повышение статуса у ребят с прежде низким статусом;
- e. регуляция взаимоотношений между педагогами и родителями;
- f. помощь родителям и педагогам в воспитании детей.

2. Работа с родителями на родительских собраниях.

Комментарий.

Выступления по заказанной тематике и рассказ о работе Ювенальной службы и о том, какие услуги она предоставляет.

Комментарий.

В результате совместной работы у многих директоров школ сложились хорошие отношения со специалистами Ювенальной службы, и сформировалось мнение о том, что, внедрившись в школьное сообщество, Ювенальная служба не только не навредит, но и поможет управлять глубинными процессами в подростковой среде. Уже 2 школы сами изъявили желание организовать в своих стенах службы примирения из школьников. Но это пока только в тех школах, где их директора задействованы и заинтересованы в работе Ювенальной службы. Те люди, которые были обучены в апреле 2001 года, за малым исключением, по проведению программ ВП не работают официально, то есть применяют технологию в своей работе, но официально об этом не говорят и не отчитываются... Причина такой "секретной" работы в том, что далеко не все директора школ понимают важность работы с ребятами. И основным направлением деятельности образовательных учреждений у нас считается - образовательный процесс, все остальное вторично и не столь важно... Но мы этому стараемся сопротивляться.

3. Центр помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

Комментарий.

С детьми, поступившими в приют и проживающими в отделении длительного пребывания, ЮС работает по программе "Я сам строю свою жизнь..." Директор Центра и

социальный педагог, которые прошли обучение на семинаре, на наш взгляд, не применяют эту технологию в своей работе, так как считается, что эта технология слишком "демократична" для того контингента детей, которые помещены в Центр;

4. Управление социальной защиты населения.

Комментарий.

В Управлении организован «отдел по работе с семьей». Но на программы примирения в семье и круги заботы направляют клиентов в нашу Ювенальную службу. И очень бы хотели, чтобы в их структуре была Ювенальная служба, хотя все для собственной работы с семьями у них есть: отделение психолого-педагогической помощи семье и детям, высококвалифицированные специалисты – психологи. Однако с кризисными семьями отдел отказывается работать...

5. Городской отдел внутренних дел.

Комментарий.

Следствие приглашает специалистов Ювенальной службы на допросы несовершеннолетних. И, благодаря этому, они получают информацию о возбужденных уголовных делах, начиная параллельную работу с несовершеннолетними правонарушителями. С подразделением по делам несовершеннолетних (ПДН) такого контакта нет, но инспектора (в основном женщины) направляют на программы примирения в семье - для нормализации отношений между членами семьи.

6. Городской суд.

Комментарий.

Договора с судом у Ювенальной службы официально нет. Но примирительные договоры, передаваемые представителями Службы, судьи принимают и прекращают дела за примирением сторон даже не выходя в процесс. Договора о примирении представляют сами стороны программы примирения.

7. Прокуратура.

Комментарий.

Прокуроры никогда не отказывают в процессе работы по программам восстановительного правосудия в консультациях. И всегда проговариваются о том, что Ювенальная служба делает очень важное дело. Особенно это касается программ примирения жертвы и правонарушителя.

8. Городские предприятия.

Комментарий.

Специалисты Ювенальной службы совместно с работниками комиссии по делам несовершеннолетних проводят выездные родительские собрания на предприятиях. И в процессе этой работы информируют людей о тех услугах, которые оказывает Ювенальная служба, в том числе и по программам восстановительного правосудия.

На наш взгляд, единственное, что тормозит нашу работу по внедрению технологии восстановительного правосудия – это отсутствие в Ювенальной службе достаточного количества штатных единиц. Есть еще одна причина трудностей: такая особенность маленького города как очень жесткая административная регламентация: без разрешения начальства «не моги» применять в своей работе ничего нового. А то, как бы чего не вышло...

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Заманова Т.В.

Стратегия внедрения восстановительного подхода.

Новгородская организация продолжает внедрение восстановительного подхода в работе с несовершеннолетними правонарушителями в работу учреждений и органов системы профилактики правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних.

В августе 2002 года Новгородское региональное отделение межрегиональной общественной организации «Общественный центр «Судебно-правовая реформа» реализовывал проект «Подросток и закон» по внедрению принципов восстановительного правосудия в работу Центра временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей.

Цель проекта – отработать программу на подростках, находящихся в ЦВИНП, направленную на:

1. правовое и психологическое просвещение подростков-правонарушителей;
2. социализацию подростков-правонарушителей;
3. создание условий для получения и проживания эмоционального опыта в ситуациях правонарушения – эмоциональное состояние обидчика и жертвы.

Одна из целей нашей организации:

Внедрение в практику работы различных организаций восстановительного правосудия для исключения карательного способа реагирования на правонарушения несовершеннолетних.

Опыт работы специалистов различных организаций, работающих с подростками, показывает, что только репрессиями, наказаниями не удастся изменить несовершеннолетних правонарушителей. Необходимы новые технологии, которые помогут подростку и их родителям осознать свое поведение и принять ответственность за происходящее.

Подросток, помещенный по решению суда в центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей, часто не считает себя виновным в совершении правонарушения. Про жертву, в отношении которой оно было совершено, знает очень мало. Подросток стоит на позиции незаслуженно наказанного, более того – героя, т.к. в подростковой среде помещение в ЦВИНП не считается чем-то зазорным, а наоборот, участие в уголовном деле считается едва ли не подвигом.

Специалисты нашей организации, работая в школе №34 (создавая школьную службу примирения, обучая подростков и взрослых навыкам ведения программ восстановительного правосудия) узнали многое из правил поведения и организационной иерархии в подростковой среде. Эти знания показывают, что далеко не у всей молодежи высокие идеалы. В среде подростков процветает «дедовщина», имеют место вымогательства, драки, «стрелки», достаточно жесткие и небезобидные забавы, которые ведут к правонарушениям, за которые наступает уголовная ответственность. В школе мы работаем на профилактику правонарушений среди подростков школы. Подростки, которые уже совершили серьезные правонарушения, выпадают из поля деятельности школ.

В ходе реализации проекта планировалось:

1. Провести тренинги с ребятами и:
 - Научить подростков позитивному общению с окружающими людьми;
 - Научить подростков осознавать свои переживания и управлять ими;
 - Научить подростков разрешать возникающие конфликты без ущерба для себя и окружающих;
 - Привить навыки, позволяющие отказаться от насилия и противоправного поведения;
 - Научить подростков соблюдать законы;
 - Ознакомить подростков с уголовным, административным и семейным кодексами в отношении несовершеннолетних.
2. Провести занятия по ознакомлению с принципами восстановительного правосудия для сотрудников центра.

3. Подготовить методические материалы для сотрудников учреждения и выпустить буклеты для подростков по правовым вопросам, восстановительному правосудию, способам разрешения конфликтов.

Что получилось?

1. Ознакомить подростков с уголовным, административным и семейным законодательством в отношении несовершеннолетних. Знания законодательства проверить в игровых ситуациях, в которых разбирались права и обязанности несовершеннолетних. Для закрепления материалов подростки получили буклеты. Знакомство с законами для подростков самая легкая задача. И они в этой части сами много знают, что не мешает им нарушать законы. Часть законодательства по защите своих прав уже менее известна и требует усилий для освоения.
2. Провести тренинг по ознакомлению со способами разрешения конфликтов, получения навыков по осознанию своих переживаний и управления эмоциями, разрешения конфликтов без насильственных способов, соблюдения законов. Этот тренинг позволил только подвести ребят к новому поведению. Для закрепления полученных навыков и осознания приобретенных знаний и умений требуется длительное время и поддержка ребят на этапе становления. Часть ребят в ЦВИНП проживает в области, а те ребята, которые проживают в Новгороде, имеют возможность участвовать в программах длительное время.
3. Скорректировать программу для подростков, имеющих разную степень криминализации.
4. Получить опыт работы с несовершеннолетними правонарушителями, заключенными под стражу:
 - ознакомиться с их индивидуальными особенностями, идеологией криминальных подростков и ее влиянием на подростков, впервые поступивших в ЦВИНП,
 - осознать необходимость индивидуальной работы с каждым подростком с обязательным привлечением социального окружения (возможная реабилитация родителей, которые внесли свой вклад в криминализацию подростка).

Истории успеха.

Павел и Максим (мальчики из района) согласились на примирительные встречи с жертвами своих преступлений. Они активно и заинтересованно участвовали в подготовке этих встреч, которая заключалась в ролевом разыгрывании примирения, а также принятия решения о возмещении ущерба.

При установке контактов с семьей Сергея К. (Великий Новгород) тоже возникли сложности, так как мать долгое время подвергалась клеймению и не доверяла никому, отказывалась от любых контактов со специалистами. Успех заключается в том, что нам удалось донести смысл наших восстановительных способов разрешения криминальных ситуаций до матери, создать для нее ощущение безопасности и контакта с нами. Ольга Леонидовна согласилась сотрудничать с нами. Сейчас проводятся реабилитационные мероприятия с подростком и его семьей. Сергей, который в учреждении вел себя вызывающе и демонстрировал свое превосходство над другими подростками, вне стен ЦВИНПа согласился на сотрудничество и делает первые шаги по изменению своей судьбы.

Что не получилось?

1. Собрать планируемое количество ребят, так как с введением нового УК, летом снизилось количество подростков, направляемых в ЦВИНП.
2. Для полного освоения задуманных навыков количество выделенных часов тренинга явно недостаточно.

3. Наличие в группе подростков с большим «криминальным прошлым» мешает групповым занятиям.
4. Наличие в одной группе детей с разной степенью криминализации и бахвальство «старожилов» навеивает ореол славы и бравады над теми, кто помещается в ЦВИНП. Это мешает новичкам осознать свою вину и принять наказание, как ответственность за содеянное.
5. Для подбора группы и более продуктивной работы в группе требуется более длительная индивидуальная подготовка ребят.
6. Явно не достаточно времени для подготовки персонала к работе в новых условиях: некарательного способа реагирования на правонарушения. Система УВД является карательным органом, и трудно перестроить сознание работников на то, что только карательным способом «не исправить» подростка, и требуются новые подходы и технологии профилактики правонарушений. Для качественных изменений в системе надзора и исполнения наказания требует больше времени и изменений в управлении на более высоком уровне.

Почему не получилось?

1. Для нас это был первый опыт групповой работы с подростками, имеющими опыт нарушения законов.
2. Внедрение восстановительного способа реагирования на правонарушения несовершеннолетних в систему исполнения наказания, надзора только начинается.

Дальнейшее развитие проекта.

После окончания проекта установленные контакты с сотрудниками ЦВИНП и заинтересованность начальника учреждения позволяют надеяться на внедрение в работу сотрудников (вероятнее всего психолога) учебно-реабилитационных программ, для чего в ЦВИНП переданы методические материалы и буклеты.

Поддерживается связь с подростками, участвующими в проекте, проводятся реабилитационные мероприятия с семьями (три семьи из В.Новгорода).

Отрабатывается программа работы с несовершеннолетними правонарушителями, заключенными под стражу и условно-осужденными. Проведены встречи с сотрудниками Управления исполнения наказания по Великому Новгороду и Новгородскому району.

Выводы.

1. *Восстановительный способ реагирования на правонарушения несовершеннолетних из социальной сферы переносится в работу карательных органов¹.*
2. Отрабатываются технологии работы с криминализированными группами подростков.
3. Отрабатываются технологии индивидуальной работы с несовершеннолетними правонарушителями, имеющими длинный список «похождений».

В декабре 2002 года Новгородское региональное отделение межрегиональной общественной организации «Общественный центр «Судебно-правовая реформа» реализовывал проект «Подросток и закон-2» по внедрению принципов восстановительного правосудия в работу специалистов, занимающихся условно-осужденными подростками.

Цель проекта - внедрение восстановительного правосудия в работу специалистов, занимающихся условно-осужденными подростками.

Сотрудники инспекций, освоив новые методики, смогут помочь части осужденных подростков не повторить ошибок и не совершать новых преступлений.

¹ Курсив редактора – АГ.

Привлечение к этой работе (внедрение новых методик при работе с несовершеннолетними правонарушителями) сотрудников инспекций позволит увеличить число подростков, вставших на путь изменения.

В ходе реализации проекта планировалось осуществить **начальный этап обучающей программы по применению специалистами восстановительных технологий в работе с условно-осужденными подростками**, который включал проведение:

1. семинара-тренинга для сотрудников, занимающихся условно-осужденными подростками;
2. двух учебно-демонстрационных программ восстановительного правосудия с участием несовершеннолетних.

Результаты проведенной работы:

Специалисты ознакомлены с:

- ценностями восстановительного правосудия,
- этапами работы по проведению программ,
- задачами примирительных и предварительных встреч.

Специалисты освоили навыки:

- безоценочного выслушивания,
- ориентации в точке зрения собеседника,
- помощи в принятии негативных чувств,
- помощи в разрешении конфликтов,
- ведения встреч с участниками конфликта.

Специалисты освоили алгоритм ведения программ, а также получили пакет методических материалов для дальнейшего изучения и совершенствования навыков.

Дальнейшее развитие проекта.

Задача проекта состояла в получении инструмента для работы с несовершеннолетними правонарушителями и их семьями. Повышение чувства компетентности сотрудника является залогом дальнейшего использования полученных навыков в повседневной работе. Пройдя обучение и анализируя свою работу, сотрудники и руководители среднего звена осознали, что карательные меры по изменению поведения подростков и профилактики повторных нарушений неэффективны. В учебных занятиях участвовали не только непосредственные исполнители, но и руководители среднего звена, от которых зависит оценка деятельности специалиста.

На сегодняшний момент в работе учреждений нет критериев оценки успешности деятельности специалиста, которые мотивировали бы специалистов к получению новых навыков и технологий для повышения эффективности своей работы.

Приобретенные знания и навыки позволяют изменить данную ситуацию и замотивировать специалистов к обучению.

Задача нашей общественной организации - поддержание интереса к данным технологиям, супервизия проведения программ, методическая помощь.

Для внедрения в практику работы специалистов новых технологий необходима работа с высшим звеном управления по использованию восстановительного подхода в реагировании на преступление.

События и мероприятия.

В школе №34 продолжает работать школьная служба примирения. Вовлекаются новые члены. В настоящий момент в службе около 10 постоянных членов. Каждый из членов службы провел по 2-3 примирительные встречи. Каждую неделю специалисты

центра (Панова и Заманова) участвуют в заседаниях службы, на которых обсуждаются успехи и неудачи, проводятся супервизии случаев, отрабатываются приемы ведения встреч.

Сотрудники организации в настоящий момент разрабатывают программу по распространению опыта школы №34 на другие образовательные учреждения города. Вера Иванова выступает на заседаниях методического совета социальных педагогов школы и совещаниях заместителей школ города.

С апреля месяца подростки школы №34 начали прием в общественной приемной для подростков «Согласие», в которой планируется консультировать и разрешать конфликтные ситуации подростков города. В настоящий момент идет рекламная кампания: выступления на радио, листовки, информационные листки.

Продолжается внедрение восстановительного подхода в работе с асоциальными семьями с помощью специалистов Центра социальной помощи семье и детям. С сотрудниками проводятся занятия: тренинги по освоению приемов ведения встреч, разбираются конкретные ситуации с семьями и проигрываются возможные ситуации при установлении контактов с членами семей, которые позволили бы создать мотивацию у семьи на участие в реабилитационных программах. С заведующими отделений Центра проводятся тренинги по рефлексии использования инновационных методик в работе социальных работников, разрабатываются критерии оценки руководителей и специалистов, которые бы способствовали освоению новых методик сотрудниками.

СЛУЧАИ ИЗ ПРАКТИКИ

ДЗЕРЖИНСК

Программа восстановительного правосудия

1. Информация о деле поступила в Отделение ЦСПР от Инспекции по делам несовершеннолетних №1 ОМ УВД г.Дзержинска 31 января 2003г.

2. Фабула дела:

2 девушки 16-и лет, познакомившись с тремя парнями лет на пять старше, зашли в кафе. А там, рядом за соседним столиком, сидела компания людей постарше. Между ними завязалась словесная перепалка. По словам хозяйки кафе (впоследствии по делу проходящей как «потерпевшая сторона») одна из несовершеннолетних – Вика¹ - стала кричать, бить посуду. По заявлению хозяйки кафе было возбуждено уголовное дело по факту хулиганства. Она же свидетельствовала, что Вика на нее напала, поцарапала и сорвала золотую цепочку.

Впоследствии потерпевшей хозяйкой кафе был заявлен иск о материальном ущербе размером в 300 рублей (за побитую посуду) и 5 тысяч рублей за моральный ущерб. Родители (в основном переговоры с потерпевшей вел отец Вики) правонарушительницы выплатили эти деньги, но сочли несправедливой такую огромную сумму за моральный ущерб, считая, что потерпевшая слишком «сгустила краски».

На момент организации программы примирения стороны конфликта - потерпевшая и отец Вики – уже имели встречу, на которой обсудили вопрос о возмещении морального и материального ущерба. К моменту включения Отделения ЦСПР в работу по данному делу с целью проведения программы восстановительного правосудия материальный и моральный ущерб был возмещен, и потерпевшая сторона написала заявление, встречное исковому, с ходатайством о прекращении уголовного дела. И, хотя возмещение ущерба и произошло, но уголовное дело не прекратили.

¹ Все имена реальных участников программы (кроме ведущих программы примирения) изменены в целях сохранения конфиденциальности.

Ход программы.

3. Ведущие: специалисты Отделения ЦСПР Лайша Т.Н. и Пинчукова Ю.В.

4. Ход работы.

Предварительные встречи.

Сторона правонарушителя

1. Состоялась предварительная встреча с правонарушительницей Викой для исследования ее жизненной ситуации и характера личности. На конфиденциальной встрече выяснялись ее условия жизни и воспитания, причины, способствовавшие совершению преступления (ст.п.3 ч.1 и ч.2 ст. 73 и ст.421 УПК РФ), выявление возможностей направления на примирение (или другую программу восстановительного правосудия) и, при необходимости, составление индивидуальной программы реабилитации.

2. Были проведены две беседы с родителями Вики.

Все беседы были продолжительными и обстоятельными.

Результаты этих встреч показали:

1) Особенности личности несовершеннолетней Вики.

Вика обладает хорошим интеллектом, адекватно оценивает происшедшее и готова принести искренние извинения потерпевшей хозяйке. С Викторией была достигнута договоренность о продолжении встреч по вопросу обсуждения ее жизненных планов и ориентации в выборе профессии.

3) Беседы с родителями выявили их недостаточную включенность в переживания и внутренний мир дочери. Методы воспитания носят скорее формальный характер и проявляются в виде сверх-контроля и санкций материального характера. Так, мама в конце беседы признала: «Я, может, сама виновата, что ее (Викю) достаю». При этом отец выразил большую озабоченность отсутствием у него времени для полноценного общения с дочерью.

Оба родителя считают неожиданным для себя все случившееся и сильно обеспокоены судьбой дочери. Встречу с потерпевшей считают нецелесообразной, поскольку ущерб (в виде суммы, по их мнению, неадекватно высокой), уже возместили.

Встреча с потерпевшей

Предварительная встреча с потерпевшей стороной состоялась после исследования семейной ситуации правонарушительницы Вики и определения степени ее готовности принести свои извинения. Потерпевшая Евгения Петровна тоже рассказала о своих чувствах относительно происшедшего. Она считает, что, в первую очередь, виноваты родители в таком плохом поведении их дочери. Сказала, что ей было бы интересно «посмотреть на родителей, воспитавших такую дочь». И поскольку, она уже видела отца в процессе передачи ей денег за причиненный ущерб, то считает, что ей незачем снова встречаться с этой семьей.

5. Результаты программы восстановительного правосудия.

1. В связи с отказом потерпевшей стороны примирительная встреча не состоялась. Однако в результате проведенной работы была составлена индивидуальная программа реабилитации Вики.

2. После предоставления отчета о программе примирения (хотя и не закончившейся примирительной встречей) уголовное дело относительно Вики было прекращено.

3. Результаты исследования ситуации Вики показали, что она осознает свой негативный поступок и раскаивается в содеянном, и вместе с тем, в виду особенностей развития характера, нуждается в психологической помощи. Была заключена договоренность о проведении с ней психологических консультаций.

4. После двух продолжительных бесед с родителями Вики у них произошло осознание недостатков в воспитании дочери. После чего они обещали выполнить следующие рекомендации специалистов (психолога и педагога) Отделения ЦСПР:

- маме Вики: пройти в Психолого-педагогическом центре г.Дзержинска «Тренинг родительской эффективности»;
- отцу Вики заняться вопросом профессиональной ориентации дочери, строя на этом свое полноценное общение с ней.

6. Следующая (повторная) встреча с Викой и ее родителями намечена была на 15 марта. Целью этой встречи является выяснение степени выполнения достигнутых договоренностей и планирование дальнейшей психосоциальной реабилитационной работы.

ТЮМЕНЬ

Программа примирения в семье

Ведущий: Галицких Г.В.

Источник информации о случае: КДН Ленинского административного округа

Ожидание источника: разрешить конфликт между родителями по поводу того, с кем будет жить сын после их развода.

Фабула.

Семья находилась в состоянии развода. Единственный ребенок в семье, девятилетний Ваня, очень переживал, т.к. ощущал себя причиной конфликта и боялся агрессивных действий отца по отношению к матери. Без согласия матери отец увез ребенка в деревню, где тот обучался в школе и занимался сельским хозяйством. Мать посещала сына тайком, опасаясь агрессии со стороны отца. Родители не могли прийти к удовлетворяющему обоим выходу из сложившейся ситуации.

Ход и результат встреч:

В ходе предварительных встреч выяснилось, что отец требовал либо лишения матери родительских прав, исключая при этом ее общение с Ваней, либо воссоздания семьи. Женщина отказывалась от обоих вариантов.

Примирительная встреча состоялась в одном из помещений комиссии по делам несовершеннолетних. На ней каждый отстаивал свою позицию, но в итоге заключили примирительный договор. Мама мальчика дала согласие на то, чтобы ребенок находился на воспитании у отца в деревне, но при условии, что она сможет видеть ребенка в любое время, забирать его к себе на каникулы. При этом отец согласился не претендовать больше на совместное проживание.

От мамы Вани ведущий знает, что после примирительной встречи ребенок, живя с отцом в деревне, во время каникул приезжал и к ней.

Программа примирения в семье

Ведущий: Галицких Г.В.

Источник информации о случае: КДН Ленинского административного округа.

Ожидание источника: примирить находящиеся в конфликте мать с бабушкой и дочь, вернув ее домой.

Фабула дела.

Настя, ученица 9 класса, ушла из дома в семью своего любимого человека, которого абсолютно не принимали ее мама и бабушка (семья состояла из трех человек). Настя не только перестала посещать школу, но и не шла на контакт со своей семьей, скрываясь дома у Эрика, своего парня.

Ход и результат встреч:

Во время предварительных встреч ведущая выяснила, что причинами неприятия молодого человека стали его возраст (19 лет), материальное положение его семьи (по мнению мамы и бабушки, он был очень состоятелен) и национальность (армянин). Мать Эрика, со своей стороны, не препятствовала их отношениям.

В примирительной встрече участвовали Настя, ее мама и бабушка, Эрик и его мама. Они договорились, что Настя вернется домой и пойдет в школу. Эрику разрешили приходить к девушке домой, а ей – возвращаться домой к 22 часам.

От бабушки Насти ведущая узнала, что молодые люди продолжают встречаться, а девушка ходит в школу.

Программа примирения в школе

Ведущие: Галицких Г.В., Тарасюк О.С.

Источник информации о случае: личное обращение представителя конфликтующей стороны

Ожидание источника: выяснение причины возникновения конфликта.

Фабула дела.

Учитель средней школы – Мария Петровна, знакомая с технологиями ВП, обратилась к ведущим с целью разрешения конфликта между ее сыном Петей, учеником 4 класса этой же школы, и четырьмя подростками на два года старше. Во время перемены в школе они сильно избили Петю, в результате чего у него была сломана рука. Мария Петровна подала документы в суд, но посчитала нужным выяснить истинную причину конфликта.

Ход встреч:

В ходе предварительных встреч ведущие выяснили, что поводом для избиения Пети стала месть ребят своей учительнице за плохое, по их мнению, к ним отношение. Ведущие предложили провести примирительную встречу учителя с мальчиками. Петя не присутствовал.

На примирительной встрече Мария Петровна извинилась перед учениками, они же, в свою очередь, пообещали больше не обижать Петю.

Петя перешел в другую школу, а Мария Петровна ушла в отпуск. Конфликт между ребятами разрешен, сейчас они дружат.

Дело по возмещению морального и материального ущерба передано в суд.

УРАЙ

Программа примирения в семье

В 2002 году через программу примирения у нас прошло 20 семей, из них:

- полных семей – 7, из которых одна патриархальная (состоящая из нескольких поколений)
- неполных – 8,
- деформированных – 5.

Количество человек, прошедшее через программу «Примирение в семье» – 49.

В 12 семьях работа закончилась примирительным соглашением, в 8 семьях работа продолжается.

Во время примирительной встречи родители и дети в спокойной обстановке с помощью ведущего формулируют и выражают претензии друг к другу. Ведущий помогает:

- осознать членам семьи наличие проблемы,
- помочь участникам сформулировать пути выхода из создавшейся ситуации,

- при необходимости предоставляет участникам сведения о реабилитационных программах.

Запрос на проведение программы «Примирение в семье» в основном поступает из КДНиЗП, школ или в результате непосредственного обращения в Ювенальную службу. Основная причина, с которой обращаются – деформированное поведение подростка: уход из семьи, пропуски занятий в школе, и как следствие, снижение успеваемости, связь с «сомнительными» друзьями. А в результате работы выясняется причина данного поведения – это физическое и сексуальное насилие, перенесенное несовершеннолетним, употребление наркотиков и ВИЧ-инфицирование, и т.д. При перенесении несовершеннолетним травмирующих ситуаций, они не получили эмоциональную поддержку. Часто эти ситуации связаны с разводом родителей, утратой одного из родителей, потерей друга и т.д. В это время сами взрослые нуждаются в помощи и часто не могут служить поддержкой своим детям.

При работе с семьей главный акцент делается на восстановлении, а методы реализации зависят от особенностей жизненного сценария семьи. В одних случаях результат восстановительной работы – примирение в семье, в других случаях – семья не сохраняется, но отношения восстанавливаются. При работе с семьей обязательно проводится диагностика детско-родительских отношений.

Следует отметить данные прошлого года и нынешнего: если в прошлом году конфликты были связаны с гиперопекой со стороны родителей и, связанные с этим типом воспитания ограничениями и запретами, то в этом году большое количество обращений связаны с эмоциональным отвержением детей, повышенными требованиями к ребенку и пониженным вниманием к его потребностям. Многие из родителей, обратившиеся в Ювенальную службу, психически травмированы, а взрослый, который не может помочь сам себе, не может помочь своему ребенку. В связи с этим деятельность ювенальной службы направлена на оказание комплексной помощи семье и требует межведомственной сплоченности для конструктивного разрешения каждой конкретной ситуации.

Очень настораживает один факт: при работе по программам примирения в 80% случаях несовершеннолетние проговаривают о суициде, как выходе из сложившейся конфликтной ситуации. При этом даже рассказывают подробный план осуществления. В истории многих подростков уже были попытки к суициду в виде сознательной передозировке алкогольными напитками, вскрытии вен, попытки ухода из жизни через повешение. 50% подростков и их родителей проговаривали, что суициды были у них в роду, а также среди близких знакомых и друзей. Как правило, близкие скрывают этот страшный факт и не хотят пользоваться услугами местных специалистов, мотивируя тем, что Урай - город небольшой.

Следует отметить, что за помощью в основном обращаются женщины и в программе реабилитации мужчины категорически отказываются участвовать, считая, что их основная роль в семье – материальное благополучие, что очень осложняет работу с семьей.

К сожалению, не всегда программа примирения завершается примирительным соглашением. В нашей практике это связано с авторитарным стилем воспитания и нежеланием родителей воспринимать ребенка как личность, а за помощью они обращаются для того, чтобы усыпить общественное мнение.

Круги заботы

В процессе работы мы пришли к выводу, что необходимо межведомственное взаимодействие. И Ювенальная служба является связующим звеном между учреждениями города, с помощью которых реализуется эта программа.

В 2002 году через программу «Круги заботы» прошли 11 семей, из них:

- полных семей – 2, одна из них – патриархальная;
- деформированных – 5;
- неполных – 3;
- опекунская – 1.

Общее количество человек прошедших по программе «Круги заботы» - 70, из них 7 завершены и 4 находятся в работе.

Программа примирения жертвы и правонарушителя

Количество семей, прошедших через данную программу - 9. Общее количество человек – 37.

Все они были связаны с конфликтами, влекущими уголовную ответственность. Все случаи закончились примирением жертвы и правонарушителя и подписанием примирительного договора. *В 2 случаях они были приняты во внимание в суде при назначении наказания (явились смягчающим обстоятельством), и в 2 случаях уголовные дела были закрыты за примирением сторон, а также за примирением сторон не были поданы заявления в милицию о возбуждении уголовного дела (в 2 случаях).*

Во всех программах «Восстановительного правосудия» были налажены взаимоотношения между участниками конфликтных и криминальных ситуаций.

ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА

Надежда Марченко,
социальный работник в Черемушкинском
районном суде г. Москвы

Особенности социальной работы с подростками-правонарушителями: первичная диагностика и установление контакта (рекомендации специалистам-практикам)

Каждое событие в жизни человека, каждая встреча оставляет след. И тем более, если он находится на перепутье. Формальное отношение к человеку, недоверие, агрессия могут травмировать его, спровоцировать какие-то антисоциальные поступки. Однако, если вы вовремя окажете ему поддержку, позволите поверить в себя, в свои силы, в реальность более позитивного решения проблемы, это, возможно, послужит толчком к его исправлению.

Первичная социально-психологическая диагностика молодого человека, подростка, будучи проведена достаточно основательно, может сэкономить время, идущее на сбор разнообразных формальных характеристик, а иной раз и сама послужит профилактикой дальнейших правонарушений. От этого разговора будет зависеть, почувствует человек себя еще более одиноким и неуверенным или у него появится возможность выбраться из ситуации, в которую он попал.

Первичная диагностика включает в себя следующие процедуры:

1. Установление контакта.

Контакт – уровень взаимодействия между людьми, при котором общение происходит не из приемлемой в данный момент, а следовательно, социально желательной роли, а на основе лично окрашенного взаимопонимания и доверия людей. Только при таком контакте могут проявиться истинные цели, предпочтения, жизненная позиция человека, его характер.

В обычной жизни человек очень редко действительно нуждается в установлении контакта. В социальной психологии считается, что во время общения двух людей А и Б на самом деле в диалоге участвуют 6–8 человек (по разным теориям). Например,

1. А, каким он хочет, чтобы его видели;
2. А, каким его видит Б;
3. А, каким он думает, что его видит Б;
4. А на разных уровнях осознаваемой собственной ситуации;
- 5, 6, 7, 8 – то же про Б.

Естественно, при обычном разговоре людям не хочется прикладывать усилия для того, чтобы добраться до 4-го и 8-го пункта, которые требуют определенной глубины осознания. Установленный же настоящий контакт между людьми помогает как сэкономить время, так и оказать положительное воздействие на дальнейшую судьбу человека. Ничто не влияет столь позитивно, как те моменты, когда кто-то вдруг увидел в нас человека, понял нас, поверил в наши силы, помог определить путь разрешения ситуации.

Для того чтобы установить контакт, причем не только при социально-психологическом обследовании, но и в обычной жизни, необходимо пользоваться следующими правилами.

1. Активное слушание.
2. Поза, поза по отношению к другому человеку.
3. Открытость и подвижность.
4. Внимание, направленное на другого человека, его невербальные реакции.
5. Внимание, направленное на разговор.

Активное слушание – чисто психологический термин. При обычном разговоре мы применяем методы активного слушания только в тех случаях, когда тема очень живо нас затрагивает. Правила активного слушания достаточно просты: полностью сконцентрироваться на собеседнике, обращать внимание не только на слова, но и на позу, мимику, жесты; проверять, правильно ли поняты слова собеседника (для этого используется прием перефразирования¹), не давать оценок, советов. Есть достаточное количество упражнений, помогающих выработать навык активного слушания.

Поза и позиция. Эти понятия тождественны. Когда твоя позиция по отношению к другому человеку довлеющая, то поза будет определяться как «нависание» над партнером, часто при помощи стола. Эрик Берн описал три позиции по отношению к другому человеку: «Ребенок», «Родитель», «Взрослый». Первые две позиции, к тому же усиленные позой, не могут привести к доверительности. Тем более что официальное лицо уже предполагает позицию «Родитель». Поэтому надо обратить внимание на свою позицию во время беседы, приведя себя и партнера к позиции «Взрослый»: занять открытую, ненапряженную позу; желательно, чтобы уровень глаз обоих собеседников совпадал. Что касается открытых и закрытых поз вообще, то здесь необходимы более глубокие навыки и понятие раппорта, или подстройки, под позу и дыхание партнера.

Открытость, подвижность. Если раньше мы говорили о вещах, имеющих под собой управляющую позицию одного из собеседников, в некотором роде манипулирование, то этот и следующие пункты предполагают работу над собой. Обычно, беседуя с человеком, мы хотим, чтобы он был максимально открыт, забывая, что обычная самозащита требует от человека инстинктивного напряжения и закрытости, когда он видит перед собой непробиваемую стену или камень. Основатель айкидо Морихей Уэсиба писал, что необходимо «выработать привлекательность, которая позволяет втянуть всего противника в себя». Обычная физика говорит о том, что жидкие вещества могут растворить даже

¹ Выражается в переспрашивании услышанного и начинается, как правило, со слов «Если я тебя правильно понял...», «Ты имеешь в виду...», «Ты думаешь, что...», «Ты говоришь, что...» и т.д. Кроме того, перефразирование помогает собеседнику услышать сказанное им со стороны, внести коррективы, оценить собственную позицию, продолжить разговор, если он «застопорился».

камень. Вода не напряжена, открыта, свободна, текуча. Открытость не подразумевает «выворачивание души наизнанку» – это чувствительность, восприимчивость, открытость для мира. Поэтому перед началом общения необходимо проверить, нет ли в вас зажимов, не закрыты ли вы непроницаемой оболочкой своих проблем, своих взглядов, своей жизненной позиции, нет ли в вас чего-то такого, что сделает всякую откровенность вашего собеседника опасной для него.

Внимание, направленное на другого человека, и внимание, направленное на разговор. У любого человека есть собственные проблемы, свой постоянный внутренний диалог. Сохранять на ком-то или на чем-то внимание в течение какого-то времени очень сложно, тем более если это обязанность. Нетренированный ум начинает сопротивляться, нетренированная голова болеть. Но следует ли делать такие усилия для получения информации, если половина ее будет сразу же утеряна в связи с постоянной утратой фокуса внимания на человеке и на получаемых от него сведениях? Большая часть необходимой информации содержится в позе, мимике, жестах, произвольных фразах собеседника. Бесполезно два часа разговаривать с человеком для того, чтобы потом начать собирать справки, характеристики для выяснения пропущенного во время беседы.

Установление контакта происходит обычно уже в процессе разговора. Естественно, видя перед собой официальное лицо, тем более связанное с той ответственностью, которую повлек за собой его противоправный поступок, человек будет вести себя тем способом, который считает социально желательным. То есть он станет говорить из некоторой роли, которую на себя примет.

Как правило, контакт не возникает сразу. Он будет развиваться и крепнуть в процессе разговора.

Многие люди слушают музыку, знакомы с компьютером и с Интернетом, занимались или занимаются спортом, туризмом. Практически каждый человек имел в своей жизни какие-то интересные переживания. Естественно, в ходе беседы возникнет вопрос о том, как человек проводит свой досуг, поскольку, как известно, избыток свободного времени можно тратить и на различные общественно не одобряемые дела. Разговор об увлечениях и досуге с наибольшей вероятностью поможет найти какие-то точки соприкосновения. Надо не пожалеть времени на обсуждение этой темы. Причем очень важно говорить искренно, а не из роли. Предположим, собеседник – подросток, который увлекается тяжелой музыкой, а вы когда-то действительно пытались ее слушать. Вы можете честно сказать о своей реакции на такую музыку и выслушать мнение подростка, как если бы это было мнение значимого для вас человека. Существует и множество других точек соприкосновения, естественных для двух людей, которые стремятся к контакту.

Обычно после нахождения таких точек контакт устанавливается гораздо легче. Но не надо торопить события. Если в процессе беседы контакт так и не установлен, надо ограничиться деловой сферой и позиционным соответствием «Взрослый–Взрослый».

Не стоит думать, что желание помочь человеку определяет ваши отношения как желательные для него. Чаще всего бывает наоборот: человек считает унижительным принять помощь, за которую он не может расплатиться деньгами. Такое положение обычно вызывает замкнутость и агрессию или заставляет человека очень плотно надеть на себя социально-желательную роль, мешающую контакту, не говоря уж об истинности подобной диагностики. Рекомендации здесь просты:

- во-первых, нельзя заострять внимание на том, что ваша встреча – помощь;
- во-вторых, нельзя для себя делать упор на фактор помощи;
- в-третьих, нельзя стремиться во что бы то ни стало завоевать доверие и установить контакт.

Надо постараться быть внутренне раскрепощенным и принимать ситуацию взаимоотношений без каких-либо особых требований к себе или собеседнику.

Не следует давать никаких прямых обещаний. Социальная или юридическая роль в такой беседе должна присутствовать, но не превалировать. Есть вопросы, которые вы

должны задавать, насколько бы болезненными они ни являлись. И собеседник должен знать о том, что вы обязаны задавать эти вопросы. Но если они вызывают очень сильное отторжение, нельзя настаивать. При возникновении любого сопротивления со стороны собеседника лучше оставить эту тему в стороне. Можно спросить потом, когда контакт будет более полным; можно дождаться, пока человек сам заведет об этом речь; можно использовать какие-либо гипотетические вопросы или ситуации. Иногда требуется тестирование, выполняемое в форме игры, которой особого значения не придается. Это тестирование допустимо оформлять как необходимость, но очень осторожно. В итоге некоторые запутанные темы становятся более понятными. Или, заявив о ряде результатов тестирования, взрослый даст понять, что секретов для него не существует, и тогда можно говорить о тех проблемах, которые первоначально вызывали отторжение. Подробнее о тестировании будет сказано ниже.

2. Разговор о семье.

С разговора о семье следует начать. Сперва он оформляется, как необходимость записать некоторые данные о лицах, которых человек определяет как свою семью. Или о лицах, с которыми этот человек проживает.

Затем целесообразно плавно перейти к взаимоотношениям между членами семьи: кто является поддержкой, кто, наоборот, подавляющим фактором.

В результате можно получить довольно обширную информацию. Во-первых, это категория лиц, имеющих возможность осуществлять контроль за правонарушителем, на которых можно положиться в дальнейшей работе. Кроме того, выявляется, имеется ли вообще контроль со стороны близких людей, есть ли у него поддержка, в какой степени он самостоятелен, ответственен, насколько для него приоритетно мнение людей из криминальной среды.

Во-вторых, сведения о семье проясняют характер самого человека, различные травмирующие обстоятельства его жизни (такие, например, как алкоголизм или агрессия родителей или родителя; желательность норм, применяемых в семье, и т.д.). Все это является условиями формирования его характера.

В-третьих, значимость для человека его позитивных контактов определяет уровень значимости круга его криминального общения.

Особенной важностью обладают следующие вопросы: когда у тебя проблемы, к кому из членов семьи ты обратишься; кто твой близкий человек, твоя поддержка; как семья отреагировала на твой поступок; расскажи, что за человек твоя мама (твой папа, жена и т.п.); помогали ли тебе родители делать домашние задания в младших классах, и кто из родителей помогал; приходилось ли тебе скрывать свои плохие отметки; тебя родители когда-нибудь ругали, наказывали за твои отметки или поступки; как родители относились к твоей успеваемости; кто повлиял или влияет на выбор твоей дальнейшей профессии или на твои планы на будущее. Если у подростка контакт с близкими членами семьи в какое-то время был потерян, то желательно узнать, когда это произошло и по каким причинам.

Не следует ожидать предельной честности при ответе на названные вопросы. Всегда можно определить, насколько сильно человек придерживается в разговоре с вами своей социально желательной роли. Вопросы не должны быть очень конкретными, и надо все время следить за реакцией и делать поправку на социальную желательность ответов. Когда получены ответы на достаточное количество вопросов, общая картина все равно становится ясной. Это не стандартизированный тест, а просто разговор.

3. Разговор о круге общения.

Такой разговор очень важен при общении с подростком. Со взрослым говорить о круге общения также целесообразно. Но если у подростка неформальная среда часто занимает первое место, для взрослого это тот же досуг. Кроме того, взрослый вряд ли будет выносить на обсуждение наличие вокруг него какой-либо криминальной среды. Тем не

менее такой разговор позволяет узнать стиль взаимоотношений, характер, наличие лидерских качеств, уровень агрессии, отношение к спиртным напиткам и наркотическим веществам, стиль времяпрепровождения, нормы, принятые в неформальной группе, и отношение к ним самого человека. При этом надо обязательно разделять наличие друзей и наличие товарищей или приятелей. Обычно у мальчика-подростка или любого взрослого имеется довольно большое количество приятелей и всего один-два друга, которым он полностью доверяет. У девочек-подростков гораздо реже встречаются взаимоотношения, которые в полной мере можно было бы назвать дружескими. Несмотря на то что со своими проблемами она способна обращаться к любому человеку из окружения, это не значит, что подобные отношения являются сколько-нибудь прочными. На этой стадии беседы такие различия между подростками-мальчиками и подростками-девочками должны обязательно учитываться.

Кроме того, нужно задавать вопросы, касающиеся наличия различных норм, по которым происходит общение в группе, и что эту группу вообще объединяет. Люди могут, например, просто встречаться по вечерам, чтобы погулять, попить пива, совместно отмечать праздники. Сказанное не значит, что в подобной группе нет никаких норм, которые должен выполнять человек, в нее попавший. Достаточно редки группы по интересам. Это в основном компьютеры или спорт (футбол, волейбол, баскетбол). Также существует общение между коллегами по работе. Чаще встречаются группы по территориальным признакам. В них объединяющим фактором является именно времяпрепровождение.

Если, говоря о круге общения, вы не смогли сделать вывод об отношении к алкоголю или наркотическим веществам, то можно задавать вопросы об отношении к постановке на учет в отделение внутренних дел или наркологический диспансер, вообще об отношении к спиртным напиткам и наркотическим веществам. Но обычно достаточно разговора о круге общения.

Вопросы о том, в какое время происходит общение, проясняют, насколько над подростком осуществляется контроль со стороны родителей, насколько он сам в состоянии распределять свое время, насколько серьезно относится к своей учебе и будущему.

Очень важен вопрос о приемлемости лидерства в группе и вытекающий отсюда вопрос о том, насколько важна для человека его группа, насколько он подвержен постороннему влиянию, какую роль для него играет иерархия взаимоотношений. Что касается подростков, то достаточно большое количество правонарушений в их среде совершается для доказательства своей социальной желательности в группе. Причем, если подросток по характеру стремится быть лидером, то его не втянут в правонарушение – он будет нести ответственность за себя и свои поступки. Но могут возникать проблемы, связанные именно с его лидерством: постоянное стремление это лидерство доказывать и часто коррелирующая с ним внутренняя агрессия. Кроме того, следует обращать внимание на истоки образования такой черты характера.

Также можно узнать, насколько человек общителен, поддается ли влиянию со стороны своего окружения, оценить степень его инфантильности, агрессии. Если выяснение этих особенностей было затруднено замкнутостью, недоверчивостью или социально желательной позицией, можно выполнить тестирование, в частности с помощью рисуночных тестов.

4. Разговор о школе.

Разговаривать о школе очень важно с подростком. Взрослому тоже можно задавать вопросы о ходе его образования: в каких школах учился; если менял школы, то когда и по каким причинам; какая была успеваемость по всему ходу обучения; где учился потом или учится сейчас; что послужило причиной выбора; какие были или есть любимые предметы; какие предметы даются легко, какие сложно, почему; тяжело ли было сидеть на уроках;

насколько легче было «высидеть» интересный урок, чем неинтересный; как, в каком порядке и в какое время выполняются домашние задания. На этом этапе беседы пока еще нет хорошего человеческого контакта, а подобный разговор проясняет сразу несколько обстоятельств жизни, интересов и характера.

Во-первых, можно узнать, как в течение жизни менялся характер взаимоотношений с родителями. Насколько родители авторитарные, доверяющие, или наоборот – безразличные, предоставляющие ребенка самому себе. Как проходил процесс индивидуализации, инициации. Насколько велико взаимное доверие в семье. Способен ли человек нести ответственность за свою судьбу и свой выбор.

Во-вторых, становятся очевидны жизненные приоритеты.

В-третьих, выявляется наличие определенных способностей, склонностей, интересов. Одной из причин девиантного поведения может быть именно отсутствие каких-либо интересов в обучении подростка и поиск их во внешкольном общении. Если обучение давалось или дается трудно и ребенок в школе не видел своей ценности, он мог стремиться к признанию в своем уличном окружении, бороться за популярность. В таком случае, если достижение социальной желательности у подростка связано с совершением каких-нибудь антиобщественных поступков, он будет их совершать: в противном случае его самоутверждение не состоится.

В-четвертых, у подростка может выявиться наличие каких-либо небольших физиологических отклонений (минимальная мозговая дисфункция), которые служат причиной его асоциального поведения. Такие подростки агрессивны, вспыльчивы, их настроение быстро меняется. Они, не имея возможности самоутвердиться социально приемлемыми способами, делают это в своем уличном окружении, где часто становятся лидерами. Процесс обучения для них крайне сложен. Причем, если даже в настоящий момент никаких отклонений нет, нагнать учебную программу такой подросток уже не в состоянии. Наличие минимальной мозговой дисфункции можно предполагать, если ребенок говорит, что обучение для него очень затруднено, что, особенно в младших классах, он с трудом «высидел» урок, внимание его отвлекалось уже через 15–20 минут после начала урока, что внимание он может удерживать только при условии сильной заинтересованности. Допустимо задать подростку или его родителям вопрос о наличии у него черепно-мозговой травмы, полученной в какой-то период жизни или при рождении, о сложных родах, употреблении токсических или наркотических веществ. Также можно во время тестирования предлагать специальные тесты, выявляющие наличие черепно-мозговой травмы.

Что касается выбора той или иной специальности, рекомендуется спросить, самостоятельно ли подросток сделал выбор, был ли выбор учебного заведения обусловлен его территориальной близостью или тем, что туда поступили друзья. Таким образом выясняется, ответственен ли человек за свою жизнь, насколько он инфантилен и подвержен влиянию, насколько важным фактором в его жизни является судьба.

5. Разговор об увлечениях.

Легче всего устанавливается контакт именно на этой стадии разговора, особенно при общении с подростком. Человек говорит о том, что ему действительно интересно в жизни, что происходит по его собственному выбору. Он способен найти в себе дисгармоничность и немного рассказать об этом. Кроме того, появляется очень ценная информация о характере, стиле жизни и индивидуальных взглядах.

Здесь можно узнать, насколько человек сложился как личность, насколько он самостоятелен в выборе интересов, жизненных приоритетов, как проходит для него процесс самоутверждения; определяется его позитивная занятость.

Характер человека, как известно, существенно влияет на выбор его интересов. Например, предпочтение тяжелой музыки предполагает наличие у подростка сдерживаемой агрессии или слабость характера. Увлечение компьютерными играми

может быть следствием желания спрятаться от жизни. Занятия спортом могут иметь как позитивный характер, поскольку спорт помогает уравновесить внутреннюю агрессию, так и негативный, если спорт воспринимается только как способ завоевать уважение и преклонение других людей, как самоутверждение, служит иллюзией силы и вседозволенности. Даже чрезмерное увлечение книгами иногда свидетельствует о наличии некоторых начатков аутизма, невозможности ужиться в социальной среде.

Говоря об увлечениях, следует задавать наводящие вопросы для прояснения истока этих увлечений, а также вопросы о самостоятельности их выбора. При тестировании может помочь тест «Человек» и «Незаконченные предложения».

6. Разговор о будущем.

О будущем можно разговаривать как конкретно, если человек видит свое будущее достаточно определенно, так и гипотетически. При возникновении трудностей поможет рисуночный тест «Человек», но его надо выполнять не на данном этапе беседы, а вместе с остальными тестами. Во-первых, этот тест дает и другую информацию; во-вторых, тестируемый не должен знать, какие сведения вы получаете из каждого конкретного задания, чтобы избежать ответов из социально желательной роли.

Кроме того, настрой на будущее помогает избежать дальнейшего совершения преступлений. Хорошо, если вы в процессе разговора сможете дать настрой на будущее, уверенность в себе и своих силах, видение будущего в более ярких и обнадеживающих тонах.

Очень часто человек, испытывая трудности в достижении какой-либо цели, определяет эту цель для себя как нереальную и впадает в уныние, что ведет к употреблению спиртных напитков, наркотических веществ, влечет за собой попытки выйти из состояния фрустрации криминальным путем. Если вы выявили у собеседника наличие такого пессимистического взгляда на будущее, нужно дать ему понять, что вы готовы поддержать его. Можно предложить аналогию достижения цели при стрельбе из лука. Цель – это мишень. Если на пути к цели возникла преграда, не следует пытаться пробить ее стрелой, разбить об нее голову. Лучше исследовать эту преграду: реально ли ее обойти, так ли она велика, как кажется на первый взгляд, есть ли она на самом деле (может, она только в мыслях?). Или представить цель как вершину горы, на которую, имея мужество, можно взойти. Твердое намерение поможет преодолеть все преграды, все, что является помехой, будет расступаться перед ним. Но с вершины горы, когда цель уже достигнута, все эти помехи кажутся маленькими и незначительными. Обязательно надо дать установку на твердое намерение. Допустимо также совместно с человеком разработать детальный план достижения цели.

Таким образом, на этом этапе беседы можно не только провести диагностику, получить информацию, но и осуществить минимальную психотерапию с точки зрения профилактики дальнейших преступлений.

7. Разговор о характере, личных проблемах, личных взглядах.

Такой разговор может быть как конкретным, так и гипотетическим. Если до начала этого этапа беседы хороший контакт не установлен, не стоит тратить время на конкретные вопросы. Лучше отложить их до тестирования, спрашивать, как бы основываясь на результатах тестов. Говорить о характере, например, можно, опираясь на тест «Человек». Когда тестируемый нарисует человека, поинтересоваться, какой у этого человека характер, как он смотрит на вещи, как поступает в каких-то конкретных ситуациях, нравится ли этот человек подростку, и если нет, то что не нравится и почему, хочется ли подростку быть похожим на него. Обычно люди, выполняя тест, проецируют на нарисованного человека либо свои индивидуальные, либо желательные для себя черты, либо то, что вызывает агрессию. Важно позволить в этот момент свободно фантазировать,

всячески стимулировать собеседника, потом можно завести разговор о его характере. Если человек не обладает невероятно мощной защитой, он будет достаточно откровенен.

Также подходит тест «Незаконченные предложения», «Несуществующее животное», другие рисуночные тесты, в том числе «Пиктограммы», – они позволят выяснить личные проблемы и личные взгляды.

Но если контакт уже сложился, лучше поговорить на эти темы до тестирования.

Допустимо беседовать о гипотетических вещах. Например, попросить рассказать о каких-то знакомых или популярных людях, об их характере, что в них хорошо, что неприемлемо, на кого из них человек хотел бы быть похожим, что ему нравится или не нравится в окружающих. Полезно поговорить о книгах, которые он читал, о героях фильмов.

Также можно попросить вспомнить какие-то важные, хорошие, плохие и переломные моменты в жизни.

На этом этапе беседы рекомендуется провести следующий тест. Нужно начертить несколько линий, и на их концах написать: «Здесь живут самые умные люди, а здесь – самые глупые»; «Здоровые – Больные», «Хорошие – Плохие», «Общительные – Замкнутые», «Веселые – Грустные», «Счастливые – Несчастливые», «Везучие – Невезучие». Попросите отметить на каждой линии, где ваш собеседник видит себя, где он хотел бы быть. После каждой отметки интересуйтесь, почему он себя рассматривает именно здесь; что надо, чтобы быть там, где хочется; что значит «умный человек»; какие люди живут на каждом полюсе; есть ли у него такие знакомые, и как он к ним относится. Данный тест очень информативен, и совсем не обязательно оформлять его именно как тест, а также сообщать об этом подростку. Рисунок должен выглядеть просто как иллюстрация к разговору.

8. Разговор о правонарушении.

Об этом лучше всего говорить после обсуждения предыдущих тем. Во-первых, событие может быть достаточно травмирующим, как бы спокойно человек ни относился к нему внешне. Во-вторых, вас интересует не его юридическая позиция в данном вопросе, а личное отношение к своему поступку. В-третьих, на этом этапе обычно уже складывается какой-то контакт.

Ваш собеседник не должен видеть перед собой следователя. Дайте ему понять или объясните, что результаты разговора не нужны вам для информирования кого-то, напротив, вы сами хотите лучше понять, что же все-таки произошло. Вы можете сказать, что с материалами дела вы ознакомлены, но «бумажка есть бумажка», а вас интересуют реальные чувства, то, как сам человек видит это происшествие и свое в нем участие.

Здесь же нужно спросить, испытывает ли он чувство вины; каково его отношение к потерпевшему; как отнеслись к событию его родные, друзья, особо значимые люди; чувствует ли он себя виноватым перед ними; как бы он мог избавиться от чувства вины; что было наиболее травмирующим для него в этом событии. Допустимо задать вопрос о возможности примирения. Также следует поговорить о том, что правонарушитель испытывал в момент задержания.

Дальше можно спросить, уверен ли подросток, что больше не совершит преступления, чувствует ли он ответственность перед собой, перед значимыми людьми, перед потерпевшими, чтобы доказать им, что он будет в дальнейшем более внимателен к своей жизни.

При таком разговоре ваш собеседник должен твердо знать: то, что он скажет, не будет иметь юридических последствий, это нужно только для него и для того, чтобы вы могли оказать ему какую-либо помощь неюридического характера.

Данный этап разговора является наиболее сложным, наиболее травмирующим, наиболее связанным с чувством стыда. Некоторые вещи настолько болезненны, что человек предпочитает о них не думать, не говорить, заменять их более приемлемыми. Вы

должны помочь ему раскрыться, но не забывайте, что этим можете его травмировать. Если вы не уверены, что не причиняете вреда, о каких-то вещах лучше не говорить: иначе вам придется просто успокаивать собеседника, тем самым, возможно, помогая ему снять с себя ответственность за содеянное.

Учтите, что, вызывая чувство вины, воспоминания о проступке, вы должны реабилитировать собеседника, предложить ему реабилитацию *без снятия с него ответственности*. Например, рассказать о программе примирения, оставив работу с ответственностью на этот этап. В любом случае усиление чувства вины без реабилитации только ухудшит ситуацию, послужит дальнейшему самооправданию и обвинению других в своих бедах.

9. Тестирование.

Тестирование можно проводить в самом конце беседы, чтобы прояснить оставшиеся непонятными моменты. Можно проводить его в начале, что уменьшит время разговора, но снизит его информативность. Некоторые простые тесты в силах проводить и неспециалист в области психологии, однако он должен уметь обрабатывать их, – тогда тесты будут просто помощниками, хоть и не принесут достаточного объема данных.

Целесообразно проводить следующие тесты.

Тест «запоминание 10 слов». Выполняется в начале, потому что необходимо проконтролировать отсроченное воспроизведение в конце тестирования. Тест позволяет проверить память, наличие физиологических отклонений (минимальная мозговая дисфункция), внимание, характер мыслительных процессов, наличие логики мышления. Также он хорош как переход к тестированию вообще, настрой на тестирование. К тому же, если подросток выполняет его хорошо, то похвалы в его адрес помогут поднять настроение, снять защиту.

Тест «Пиктограммы». Очень информативен. Когда человек рисует пиктограммы, можно задавать ему вопросы, которые помогут лучше узнать его характер, взгляды, предпочтения. Также здесь определяются физиологические отклонения, уровень креативности¹, особенности мыслительного реагирования.

Тест «Счет от 100 по 7». В основном свидетельствует о наличии физиологических отклонений. Но также показывает логику мышления, выявляет чрезмерную самоуверенность или, наоборот, неуверенность в себе и в своих силах.

Интересны и весьма информативны прожективные методики²: «Несуществующее животное», «Дом», «Дерево», «Человек», «Незаконченные предложения».

Можно пользоваться тестом ММРІ, если вы предполагаете наличие асоциальной психопатии, но такой тест даже в его компьютерном варианте необходимо выполнять специалисту.

Шакина В.А.

Директор «Байкальского Центра правовых реформ»

Криминологические аспекты восстановительной юстиции.

Социальный контроль, существующий в нашем обществе, проявляется очень разнообразно и на различных уровнях жизнедеятельности общества. Превентивная деятельность, направленная на причины и условия, детерминирующие преступность, является составляющей социального контроля. Очевидно, что на сегодняшний день преобладающей мерой, сдерживающей преступность, является наказание. Однако оно преимущественно не достигает поставленных перед ним целей, и поэтому ставка должна

¹ Способности к творчеству.

² В основном речь идет о рисуночных тестах. Используется и термин «проективные», поскольку во время их выполнения формируются проекции на черты характера, личность.

делаться в первую очередь на допреступную профилактику. Важную роль в такой профилактике может играть восстановительное правосудие. Но надо лишь определить его место в этой системе.

Согласно общепринятой концепции превенции, по объему и направленности применения предупредительных мер различают: общую, особенную и индивидуальную профилактику. Общие профилактические меры направлены на причины и условия преступности в целом. Особенности меры осуществляются в отношении причин и условий отдельных видов и форм преступности. Индивидуальная же профилактика состоит в непосредственном воздействии на криминогенные детерминанты индивидуального преступного поведения. Непосредственными объектами индивидуального предупреждения преступности являются конкретные лица, представляющие собой носителей антиобщественной направленности и криминогенной мотивации, а также окружающая их микросреда.

Меры индивидуального предупреждения преступности¹ сводятся к двум основным группам: 1) меры правовой ответственности и 2) иные меры. К мерам правовой ответственности относят: 1) меры воспитательного характера, 2) меры взыскания административного, гражданского и уголовного характера.

Индивидуальное предупреждение преступлений направлено на достижение таких целей, как ликвидация субъективной основы преступного поведения, воплощенной в личностных свойствах самого человека, и нейтрализация криминогенной микросреды его жизнедеятельности.

Представляется, что именно в данном аспекте восстановительное правосудие близко к ИПП и именно поэтому представляется возможным назвать восстановительное правосудие одной из мер ИПП, так как здесь воздействие осуществляется на человека тоже в целях нейтрализации субъективной основы преступления.

Следовательно, восстановительное правосудие (как одна из мер ИПП) может применяться *вместо*² мер правовой ответственности, *перед* мерами правовой ответственности или *параллельно* с ними.

Выделяется четыре разновидности ИПП, каждая из которых имеет свои задачи и цели. В зависимости от стадий развития деформаций личности ИПП делится на следующие виды: раннюю профилактику, непосредственную профилактику, пенитенциарную и постпенитенциарную. Восстановительное правосудие пронизывает все четыре разновидности ИПП, однако наиболее эффективно и корректно использование данных технологий именно на первой стадии ИПП.

Это связано с тем, что ранее предупреждение направлено на личность, находящуюся на начальном этапе своей криминализации. Оно представляет собой социальную помощь конкретным лицам, на которых активно воздействуют неблагоприятные жизненные условия еще до того, как у них сформировались искаженные ценности и мотивации, приведшие к личностным деформациям. Таким образом, ранняя профилактика, в основном, имеет корректирующее воздействие на лиц, находящихся в неблагоприятной для них микросреде.

Как известно, в качестве элемента микросреды выступает школа и школьный коллектив. Для школы характерно множество конфликтных ситуаций, которые способны впоследствии перерасти в правонарушения или стать основой для развития криминогенной направленности личности подростка. В обществе функционируют определенные институты, в компетенцию которых входит работа с подростками на данном этапе. Это комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, подразделения по делам несовершеннолетних, социально-правовые службы Департаментов образования. В качестве первичного элемента профилактики правонарушений в школах выступают социальные педагоги. Именно на их долю

¹ Далее используется аббревиатура «ИПП».

² Курсив редактора – АГ.

приходится функция разрешения конфликтов в подростковой среде, корректировка девиантного поведения, установление доверительных отношений. Они одни из первых, кто начинает работать с аморальными поступками подростков, способными привести подростка в сферу уголовного правосудия.

В связи с этим представляется, что технологии восстановительного правосудия очень лаконично вписываются в деятельность таких специализированных субъектов профилактики, как социальные педагоги. В данном случае возможно реализовать такую форму восстановительного правосудия, как школьные конференции. Эта программа предназначена для нормализации групповых отношений, снижения агрессивности в группе или для повышения статуса подростка-изгоя. А также она позволяет, опираясь на здоровое ядро класса, активизировать группу на решение проблемы.¹ Организационно программа представляет собой дискуссию в классе по поводу сложившейся ситуации и принятие классом решения, как ее разрешить. Как правило, в программе принимают участие сами ученики, администрация учебного заведения, учителя, родители.

Реализовать подобную программу в школах позволяет создание специальной службы примирения. В рамках деятельности службы должны применяться меры, которые достигают наибольшего позитивного результата с минимальными социальными потерями и карательными элементами в их содержании. Служба примирения должна разрешать, как минимум, две задачи: первая – это нормализация отношений в отдельном коллективе, вторая – оздоровление школьной микросреды и переключение подростков на позитивные сферы деятельности.

Однако очевидно, что применение технологий восстановительного правосудия на неподготовленной почве будет чрезвычайно трудно. В связи с этим, представляется, что наибольший эффект в работе службы примирения может быть достигнут *при комплексной работе со школьной микросредой*². Неотъемлемым элементом такой работы должна стать деятельность по повышению уровня правовой грамотности учеников и учителей и повышению уровня правосознания подростков. Опыт практической работы с социальными педагогами и заместителями директоров по воспитательной работе показывает, что это крайне необходимо.

В марте 2003 года в г. Иркутске прошел семинар для 57 сотрудников городских школ. Подавляющее большинство из них изъявили желание усилить работу в своих школах правовыми мероприятиями, уроками права, созданием правовых бюллетеней, которые освещали бы позитивную жизнь школы и отражали объективную действительность по нарушению прав подростков. И, как следствие, после организации правового поля практически каждый педагог захотел, чтобы в их школе начала функционировать служба примирения.

Такое сочетание названных элементов необходимо еще и потому, что позволит изменить силовые методы, свойственные для деятельности педагогов и социальных педагогов, на иные – восстановительные.

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Марк Гроенхейзен

Медиация жертвы и правонарушителя: правовые и процедурные гарантии. Эксперименты и законодательство в

¹ См.: Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа. Учебное пособие. Под ред. Л.М.Карнозовой – М., МОО Центр “Судебно-правовая реформа”, 2001.

² Курсив редактора – АГ.

судебной практике некоторых европейских стран¹

Проблемы, связанные с традиционными способами разрешения уголовных дел, хорошо известны и неоспоримы. Уголовное судопроизводство обладает очевидными недостатками, в то время как его положительные стороны едва заметны как для участников, так и для сторонних наблюдателей. Следовательно, вполне логично, что прикладываются серьезные усилия заменить формальное уголовное судопроизводство альтернативными методами, более обещающими с точки зрения достижения положительных результатов. Одна из таких потенциальных замен называется медиация жертвы и правонарушителя. Медиация жертвы и правонарушителя является частью большого движения, называемого в целом восстановительным правосудием. Это явление приобрело международный размах и ориентацию, оно обладает различными формами и способами. С одной стороны настоящее положение дел может стать великолепной темой для сравнительного правового исследования. Однако, с другой стороны довольно часто использование ключевых слов в области медиации и восстановительного правосудия создает путаницу. Не далее как в 1997 году Уайтекамп совершенно справедливо заметил следующее: *«Рассматривая историю развития парадигмы восстановительного правосудия, я должен отметить, что в литературе термины: возмещение ущерба, заглаживание вины, компенсация, примирение, искупление вины, восстановление - взаимозаменяемы...»* (Уайтекамп, 1999).

Уайтекамп прав, описывая то, как эти основные понятия используются в обычной повседневной речи. Хотя, с правовой точки зрения такое положение вещей делает любую дискуссию на эту тему практически бессмысленной, т.к. она должна была бы включать самые разнообразные восстановительные стратегии, используемые в отношении правонарушений. Так что, для проведения научного анализа нам необходимо более точное определение феномена медиации. На ум быстро приходят два примера. Первый из них можно найти в документе организации «Медийшн Ю.Кей»: *«Медиация: процесс, в котором жертва(ы) и правонарушитель(и) общаются с помощью беспристрастной третьей стороны, либо напрямую (лицом к лицу), либо опосредовано через третью сторону, позволяющий жертве(ам) выразить свои чувства и рассказать о потребностях, а правонарушителю(ям) принять на себя обязательства и действовать в соответствии с ними»* (Mediation UK, 1994). И второй пример из «Объяснительного меморандума» Совета Европы к «Рекомендациям, касающимся медиации в уголовных делах»²: *«Медиация в уголовных делах определяется как процесс, посредством которого жертва и правонарушитель могут получить возможность добровольно принимать активное участие в разрешении проблем, вызванных преступлением, с помощью беспристрастной третьей стороны или медиатора»*.

В этих определениях следующие элементы являются основными:

а. В медиации главное место занимает процесс. Это значит, что она скорее динамичная, чем статичная по характеру. Процедура сама по себе составляет свою истинную ценность. Именно процесс придает результату важность и законность, а не материальная часть любых принятых решений.³ Это свойство позволяет медиации сделать свой вклад в то, что недавно получило название «процедурного правосудия» (Wemmers, 1996).

¹ Перевод сделан Смагловой Надеждой по изданию Marc Groenhuijsen (from the Netherlands): 'Victim-offender mediation: legal and procedural safeguards. Experiments and legislation in some European jurisdictions'. VICTIM-OFFENDER MEDIATION IN EUROPE MAKING RESTORATIVE JUSTICE WORK Edited by The European Forum for Victim-Offender Mediation, Leuven University Press.

² Council of Europe, Recommendation #R (99) 19 of the Committee of Ministers to Member States Concerning Mediation in Penal Matters, Strasbourg, September 15th, 1999. (Совет Европы, Рекомендация № R(99) 19 Комитета Министров странам-участницам по поводу медиации в уголовных делах. Страсбург, 15 сентября 1999 года.)

³ В социологическом исследовании этот эффект открытых процедур был проанализирован Луманном (1969).

б. Все в медиации сосредоточено на участии главных сторон: жертвы и правонарушителя. Процесс должен стимулировать их взаимодействие. Это означает, что стороны принимают непосредственное участие; они участники процесса, а не объекты или сторонние наблюдатели в системе, находящейся в руках правительства или общества. Активное участие помогает избежать чувства отчуждения, столь характерного для традиционной системы уголовного правосудия.

в. Процесс медиации предоставляет жертве возможность рассказать о своих нуждах. Это важно чтобы действовать в интересах жертвы. Такой подход снизу вверх гарантирует настоящее признание виктимизации. Тем не менее, у этой точки зрения есть две – взаимосвязанные – проблемы. Одна проблема заключается в том, что медиацию не следует применять как стратегию для облегчения положения в традиционной системе уголовного правосудия, как это можно увидеть в судебной практике довольно многих стран. И вторая проблема рассмотрения потребности жертвы в качестве отправной точки состоит в том, что жертвы, когда их об этом спрашивают, в реальной практике очень редко считают встречу с правонарушителем лицом к лицу самым главным. Эти факты нужно всегда принимать в расчет при планировании и проведении программы медиации.

г. Одной из главных определяющих черт медиации является то, что в процессе правонарушитель берет на себя ответственность за случившееся. Данное требование формирует практическую и необходимую основу для взаимодействия между сторонами. Однако, объем и, с другой стороны, границы этого требования едва ли когда-нибудь исследовались. Так что, к этим положениям я вернусь ниже, в разделе 4.

д. Чтобы процесс проходил гладко, очень важна помощь третьей беспристрастной стороны. Третья сторона должна обладать необходимой компетенцией. Некоторая степень беспристрастности может быть также полезна для облегчения взаимодействия между основными участниками процесса. Беспристрастность обычно представляется как условие для добровольного участия жертв и правонарушителей.¹ Из этих основных замечаний ясно, что медиация жертвы и правонарушителя в уголовных делах это конструктивная, восстановительная реакция на преступность.² Она затрагивает денежный вопрос постольку, поскольку часто включает соглашения о денежной компенсации или возмещения ущерба. Но она также учитывает и нефинансовые вопросы. Нематериальные аспекты, такие как возмещение морального ущерба, возложение и принятие вины и т.п., по крайней мере, также важны, как и возмещение материального ущерба.

Следовательно, первый вопрос правового характера, который надо разобрать, это взаимоотношение между медиацией жертвы и правонарушителя и традиционной системой уголовного права и уголовной процедуры. Как усилия медиации жертвы и правонарушителя связаны с традиционной системой уголовного правосудия, которая, с одной стороны, прочно институционализована, а, с другой стороны, столь очевидно ориентирована на общественный интерес? Этот вопрос будет рассмотрен в разделе 2. Далее будут обсуждаться основные преимущества наличия официального законодательства по медиации жертвы и правонарушителя (раздел 3). Затем я вкратце

¹ В пункте 6 проекта документа «Конгресс ООН по преступности и основополагающие принципы использования восстановительного правосудия», подготовленного Рабочей Партией по восстановительному правосудию в октябре 1999 года целый раздел посвящен положению фасилитаторов процесса. Так как эта проблема не будет рассматриваться отдельно в последующих главах данной работы, здесь я привожу наиболее значимые высказывания: (17) Фасилитаторы должны привлекаться из всех слоев общества и должны обладать хорошим знанием местных особенностей культуры и местных сообществ. (...) (18) Фасилитаторы должны выполнять свои обязанности в беспристрастной манере, основанной на знании фактов дела, потребностях и желаниях сторон. Они всегда должны уважать достоинство сторон и следить за тем, чтобы стороны проявляли уважение друг к другу. (19) В обязанность фасилитаторов должно входить обеспечение безопасной и подходящей обстановки для восстановительного процесса. (...) (20) Прежде чем брать на себя обязанности фасилитатора они должны пройти предварительное обучение, а также подготовку на рабочем месте. (...)

² Медиация жертвы и правонарушителя это *часть* более широкого понятия процесса восстановительного правосудия. См. проект документа ООН (сноска 3 выше), пп. 1 и 4.

изложу стандартные части содержания любого законодательства такого рода (раздел 4). Будет показано, что в этой области некоторые проблемы и дилеммы гораздо интереснее быстрых и простых ответов. И финальная часть данной работы содержит выводы (раздел 5).

1. Медиация жертвы и правонарушителя и система уголовного правосудия

Уже неоднократно отмечалось, что медиация жертвы и правонарушителя может принимать разные виды и формы. В мои намерения не входит повторение или краткое изложение предыдущих попыток классифицировать все виды деятельности, которые охватывает медиация жертвы и правонарушителя. Для целей настоящей работы гораздо важнее различать три типа или модели медиации жертвы и правонарушителя в зависимости от их взаимосвязи с традиционной системой уголовного правосудия. Эти модели основаны на проектах и законодательстве по медиации жертвы и правонарушителя, которые я наблюдал в Австрии, Германии, Бельгии и Нидерландах.

Первая модель используется, когда медиация жертвы и правонарушителя является *частью* обычного уголовного процесса. Например, эта модель применяется, когда на определенной стадии уголовного процесса дело направляется медиатору, на которого возложена обязанность, достичь соглашения между жертвой и правонарушителем. Если соглашение достигнуто, оно повлияет на результат открытого судебного разбирательства: либо обвинения будут сняты, либо соглашение повлияет на наказание. Эта модель используется во многих европейских судебных системах. Примерами являются «strafbemiddeling» (уголовная медиация)¹ в Бельгии, «Täter-Opfer-Ausgleich»² в Германии и «Ausergerrichtliche Tatausgleich»³ в Австрии.

Во второй модели медиация жертвы и правонарушителя представляет собой реальную альтернативу уголовному законодательству (т.е. является отклонением⁴). Она применяется, когда на очень ранней стадии дело выводится из системы уголовного правосудия. В таких случаях медиация жертвы и правонарушителя полностью заменяет собой любую другую реакцию на совершенное преступление. Основным примером такого подхода служит голландский проект по “dading”.⁵ Он предполагает урегулирование путем переговоров отношений между жертвой и правонарушителем, носящее характер частного права. В идеале урегулирование такого рода предотвращает возвращение дела в систему уголовного правосудия.⁶

В третьей и последней модели медиация жертвы и правонарушителя примыкает к традиционной системе уголовного правосудия. Она является дополнительным средством, часто используемым после окончания уголовного суда. Такой тип вмешательства обычно

¹ See circular letter on penal mediation, October 1994; Law of February 10, 1994; Royal Decree of October 24, 1994; and Tony Peters a.o., 1995. (См. циркулярное письмо по уголовной медиации за октябрь 1994 года; Королевский Указ от 24 октября 1994 года; и Тони Питерс за 1995 год).

² Существует огромное количество публикаций на эту тему. Я обращаюсь к наиболее ценным источникам: Bannenberg and Uhlmann, 1998; Dünkel, 1989; Hassemer, 1998; Kilchling, 1996.

³ Löschnig-Gspandl, 1996 с многочисленными сносками далее. С тех пор австрийское законодательство подверглось значительным изменениям в 55. Bundesgesetz, Strafprozessnovelle, 1999. Интересные сравнительные размышления приводятся в Löschnig-Gspandl and Kilchling, 1997.

⁴ Здесь и далее термином отклонение (от классического процесса) переводится diversion (англ. «отклонение», «отход») – прим. Ред.

⁵ Этот проект направлен на достижение соглашения по возмещению ущерба исключительно в соответствии с частным правом.

⁶ Следует заметить, что это происходит даже тогда, когда правонарушитель не выполняет обязательств, указанных в контракте. Даже когда такое случается, должно хватать мер, предусмотренных гражданским правом.

используется в случаях наиболее тяжких преступлений и в условиях тюремного заключения.¹

Так что ключевыми являются следующие слова: иногда медиация жертвы и правонарушителя является *частью* системы уголовного правосудия, иногда она используется *вместо* нее и в некоторых случаях это программа используется *в дополнение* к структуре уголовного правосудия. Эти модели имеют четкую связь с догматическим обоснованием медиации жертвы и правонарушителя и с вопросом соблюдения процедурных гарантий.

Сначала вкратце остановлюсь на догматическом обосновании медиации жертвы и правонарушителя. Вековая цель уголовного права и процедуры - это восстановить правовой порядок после совершения преступления. Однако эта цель включает в себя и восстановление прав отдельных жертв. Рассматривая медиацию жертвы и правонарушителя в этих рамках, можно сказать, что она достигает всех целей наказания превентивным способом (Löschnig-Gspandl, 1996). Из принципа вспомогательности и функции *ultimo remedium* уголовного права следует, что нужно как можно дольше избегать официального наказания и даже уголовного суда. С этой точки зрения медиация жертвы и правонарушителя является законным средством отклонения и там, где оно невозможно, например, в силу тяжести преступления, она приемлема как средство смягчения карательного подхода системы уголовного правосудия. Кроме того, можно утверждать, что принцип минимизации уровня страдания в целом является современным эквивалентом утилитарного подхода. Под этим углом зрения выгоды, которые несет медиация жертвы и правонарушителя, следует освещать в любых догматических рассуждениях. И, наконец, медиация, гораздо больше способствует реинтеграции и реабилитации правонарушителей, чем традиционный карательный подход. В результате мы приходим к выводу, что медиация жертвы и правонарушителя может быть оправдана доминирующими составляющими философии традиционного уголовного права. Такая точки зрения гораздо более значимая и гибкая, чем та, что предлагают защитники подхода «справедливого возмездия».

Что касается процедурных гарантий, из описания моих трех моделей следует, что там, где медиация жертвы и правонарушителя является частью публичного процесса принятия решения по обвинению в совершении уголовного преступления, применяется статья 6 Европейской Конвенции по Правам Человека (Рим, 1950 год). Более подробно это замечания будет обсуждаться в 4 разделе, посвященном содержанию соответствующего законодательства.

2. Основные аргументы в пользу законодательства по медиации жертвы и правонарушителя

В Рекомендации Совета Европы R(99)19 содержится такой принцип: (6) Законодательство должно облегчать медиацию в уголовных делах». ² Очевидно, формальные, письменно оформленные юридические правила будут больше способствовать целям медиации жертвы и правонарушителя. На мой взгляд, в поддержку этой точки зрения можно рассмотреть следующие аргументы:

а. Как соображение, имеющее наиважнейшее значение, можно привести довод, что законодательство предлагает самые лучшие условия для широкого реального внедрения медиации жертвы и правонарушителя. Там где существует такого рода законодательство

¹ В проекте документа ООН по основополагающим Принципам (см. примечание 3 выше) сказано в этой связи: «Программы восстановительного правосудия должны быть доступны на всех стадиях уголовного процесса» (с. 5).

² В документе «Конгресс ООН по преступности и основополагающие принципы использования восстановительного правосудия» (примечание 3 выше) более осторожная формулировка: «(11) Следует определить гарантии и стандарты законодательно, когда это необходимо, ...» (выделение мое).

менее вероятно, что правовые возможности для медиации жертвы и правонарушителя останутся неиспользованными или будут сведены только к «закону в книгах» в противоположность «закону в действии». Опыт показал, что полное использование условий медиации жертвы и правонарушителя в значительной степени поддерживается установлением обязательства давать аргументированное объяснение в случаях, когда принимающие решения лица отказываются от их использования. Очевидно, что довольно часто здесь имеет место проблема отношения. Многие облеченные властью люди, чаще всего судьи, не желают использовать новые подходы, такие как медиация жертвы и правонарушителя. Узаконенное обязательство аргументировано объяснить не использование этих возможностей поможет преодолеть такого рода препятствия.¹

б. Официальное законодательство дает правовую уверенность и предсказуемость, а также равенство в правах. Пример из модели, в которой медиация жертвы и правонарушителя является частью системы уголовного правосудия, может привести к недооценке этого момента. В судебной практике многих стран действует такой принцип, что компенсация, добровольно выплаченная жертве правонарушителем, рассматривается как смягчающее обстоятельство при вынесении наказания. Довольно часто, однако, правонарушители сомневаются или чувствуют неуверенность в том, как и в какой степени их попытки возместить ущерб, на практике повлияют на их приговор. Например, в Нидерландах многие подзащитные говорят своим адвокатам, что такая неопределенность заставляет их примириться со своей судьбой вместо того, чтобы выплатить компенсацию. Опасения такого рода можно свести к минимуму, закрепив законодательно правовые последствия возмещения ущерба. Например, параграф 46а немецкого Уголовного Кодекса дает больше уверенности: *«Когда правонарушитель, пройдя через процесс медиации с жертвой, выплатит компенсацию жертве или приложит для этого серьезные усилия, суд может смягчить наказание, установленное законом, а когда наказание предполагает тюремное заключение на год или менее (или среднего размера штраф), суд может вообще отказаться от наложения какого-либо наказания».*

Так как такое условие все-таки дает судье выбор (*«может смягчить...», может отказаться...»*), можно даже подумать и сделать еще один шаг, введя обязательные меры. В некоторых судебных практиках закон предусматривает, что компенсация, выплаченная правонарушителем, автоматически ведет к сокращению наказания, например, на одну треть. Хотя на первый взгляд такое решение выглядит привлекательно, я чувствую, что добавочная стоимость такого подхода не велика. Проблема в том, что большинство судей заранее рассчитывают конечный результат выносимого ими приговора. Это означает, что они просто добавляют обязательную «скидку» к наказанию, предполагаемому ими ранее, а затем уменьшают наказание в соответствии с законом, чтобы достичь результата, к которому стремились.

Равенство всех граждан перед законом поддерживается законодательством, в котором закреплена медиация жертвы и правонарушителя, потому что это, как правило, ведет к более гармоничной практике во всей судебной системе. С другой стороны, медиация жертвы и правонарушителя на базе эксперимента по определению ведет к риску серьезной территориальной дифференциации и расхождению, предлагая выгоды жертвам и правонарушителям в отдельных частях страны, лишая таковых живущих в других местах. Не хочу быть неправильно понятым: я не возражаю против того, чтобы эксперименты по медиации жертвы и правонарушителя были одобрены и письменно

¹ Аналогию можно проследить в английских положениях по так называемому распоряжению о компенсации. Сразу после введения оно не дало никаких результатов. Затем судьям было законодательно установлено указывать причины в своем вердикте, когда они не выдавали распоряжения о компенсации в тех случаях, где это уместно *prima facie*. Впоследствии количество распоряжений о компенсации значительно выросло.

закреплены законом.¹ Дело в том, что эксперименты должны помогать приобретать опыт и знания. В зависимости от результатов полученные таким образом знания затем следует применять в более широких масштабах. С практической точки зрения это означает, что специальные проекты и эксперименты всегда должны иметь фиксированную и ограниченную продолжительность.

в. И, наконец, законодательство предоставляет возможность принимать четкие решения по деталям соглашений, достигнутых в процессе медиации жертвы и правонарушителя, в разных обстоятельствах и на различных стадиях уголовного процесса. Позвольте мне привести здесь лишь несколько пунктов, требующих закрепления недвусмысленным способом. С самого начала должно быть ясно, какого рода дела могут быть рассмотрены за пределами суда на основе медиации жертвы и правонарушителя и при каких условиях. Следующее, закон должен устанавливать временные рамки. Как долго после совершения преступления все еще можно рассматривать возможность использования медиации жертвы и правонарушителя? Здесь должна быть хорошо продуманная связь с законами об исковой давности. Затем следует рассмотреть вопрос о периоде времени, выделенном для выполнения обязательств, установленных в соглашении между жертвой и правонарушителем.² И последнее, хотя и не менее важное: законодательство должно полностью определить правовые последствия различных модальностей медиации жертвы и правонарушителя. Не должно быть сомнений, что освобождение от ответственности на основании достигнутого в результате медиации соглашения будет иметь такую же силу, как и решения или приговор суда, и должно, например, препятствовать судебному преследованию по тем же фактам (*Ne bis in idem* или «риск дважды понести ответственность за одно и то же преступление»)³ И результат медиации должен быть задокументирован аналогично вердиктам суда. Австрия может служить хорошим примером лучшей практики в этом отношении. Уголовно-Процессуальный Кодекс предписывает в § 90m StPO, вступившем в силу с января 2000 года, сохранять соответствующие дела в течение 5 лет. Это позволяет иметь достоверные данные по рецидивной преступности.

3. Содержание законодательства по медиации жертвы и правонарушителя

Что должно составлять законодательство, регулирующее медиацию жертвы и правонарушителя? Опять же, настоящая работа не предназначена для детального рассмотрения того, что должно быть включено в положения законов. Я лишь укажу пункты наиболее общего характера и подходящие для всех европейских судебных систем.

Основополагающей процедурной гарантией является заключение договора в результате медиации жертвы и правонарушителя только на добровольной основе. В соответствии с Рекомендацией Совета Европы медиация в уголовных делах должна иметь

¹ См., например, сообщение Европейской Комиссии «Жертвы преступлений в Европейском Союзе – размышления о стандартах и действиях», Брюссель, 14 июля 1999 года COM (1999)349, 9, где Комиссия отмечает, что следует рассмотреть «дополнительные исследования и эксперименты в медиации жертвы и правонарушителя с оценкой соответствующих интересов жертв» (курсив мой). Следует отметить, что в мире буквально тысячи проектов по медиации. См., например, Fagan and Gehm, 1993.

² Здесь можно провести интересную аналогию с развитием санкции общественных работ и других альтернатив тюремному заключению. В большинстве стран эти альтернативные санкции также начинались с экспериментов, а впоследствии были в деталях отрегулированы положениями законов.

³ Рекомендация Совета Европы № 17; «Конгресс ООН и основополагающие принципы использования восстановительного правосудия» (примечание 3 выше) № 14: «Освобождение судом от ответственности на основе соглашения, вытекающего из программ восстановительного правосудия должно иметь тот же статус что и судебные решения или приговоры и препятствовать судебному преследованию в отношении тех же действий».

место, только если стороны выражают добровольное согласие (общий принцип № 1).¹ «Добровольное согласие» также означает информированное согласие. Отсюда следует, что стороны должны иметь полную информацию о своих правах, характере процесса медиации и возможных последствиях своих решений (Ibid., № 10). Более того, ни жертву, ни правонарушителя нельзя склонять к медиации нечестными средствами (№ 11). И медиацию не следует продолжать, если одна из участвующих сторон не в состоянии понять смысл процесса (Ibid., № 13). Концепция свободного согласия или добровольного участия имеет жизненно важное значение в связи с требованиями ст. 6 Европейской Конвенции по Правам Человека. Эта статья предусматривает свободный доступ к суду, когда выдвинуты обвинения в совершении уголовного преступления («справедливое и открытое слушание... независимым и беспристрастным судом, установленным законом»). Медиация жертвы и правонарушителя может быть принята только в том случае, если это право не нарушается. Однако Европейский Суд в Страсбурге потом вынес постановление, что подзащитный может отклонить свое право на доступ к суду «при условии, что в отношении такого отказа будет проявлена большая осторожность». В деле Дьюи было предусмотрено, что самое главное - это был ли отказ сделан при надлежащих обстоятельствах, т.е. обстоятельствах, когда обвиняемого не принуждали принять предложение согласиться на рассмотрение дела уголовным судом.²

К этим наблюдениям необходимо добавить одно критическое замечание. Одновременно интересно и вызывает некоторое беспокойство то, что требование добровольного участия привлекает больше внимание в связи с правонарушителем, чем с пострадавшим. Здесь, однако, есть масса причин обратить больше внимания на эту сторону истории. Опыт, накопленный разными государственными организациями, оказывающими поддержку жертвам, говорит о том, что даже простой вопрос о разрешении жертвы или согласия на участие в медиации может сам по себе иметь печальные последствия. Основным примером тому может служить довольно большое количество жертв, страдающих от негативных последствий, - например, чувства вины - после отказа принять участие в процедурах отклонения.³ В этой связи я бы порекомендовал провести более серьезные исследования о воздействии на жертву неудачи или прекращения попыток достичь соглашения между жертвой и правонарушителем.

Вопрос языка представляет собой проблему, с которой сравнительно просто иметь дело на уровне принципов. В связи с все большим распространением виктимизации за пределами своей страны и растущего числа мигрантов, не проживающих в своих родных странах, все чаще и чаще процедуры будут осуществляться на языке, незнакомом жертве или правонарушителю.⁴ Из концепции информированного согласия можно сделать вывод, что помощь переводчика должна быть доступна для участников, не понимающих язык, используемый в медиации жертвы и правонарушителя. Это основополагающее право признается всеми международными документами, устанавливающими процедурные стандарты в этой области.⁵

¹ «Конгресс ООН и основополагающие принципы использования восстановительного правосудия» (примечание 3 выше) добавляет: «(7) Восстановительные процессы следует использовать только с добровольного и свободного согласия сторон».

² Дело Дьюи, Европейски Суд по Правам Человека, 27 февраля 1980 года, Серия А, том 35.

³ Результаты исследования количества и соотношения жертв, отказавшихся принять участие в медиации, приводятся в работе Aertsen and Peters, 1998 (в примечании 20).

⁴ В сообщении Европейской Комиссии от 14 июля 1999 года проблемы *иностраннных* жертв приводятся как сильные дополнительные аргументы в поддержку программ медиации: «Для иностранных жертв медиация имеет два преимущества. Во-первых, немедленное использование медиации полицией или прокурором. Это идеально решает проблему - например, получить назад (частично) украденную собственность или возмещение ее стоимости прежде чем покинуть страну - еще до того, как преступление будет зарегистрировано. (...) Во-вторых, участие в медиации третьей стороны, т.е. где посредник действует в интересах жертвы, пытаясь достичь соглашения, очень полезно когда жертва уже вернулась в свою страну проживания» (с.9).

⁵ В Рекомендации Совета Европы № R (99)19 говорится о праве на перевод.

Но существует еще множество вопросов гораздо более сложных с правовой точки зрения. Первый из них – это вопрос юридической помощи. В Рекомендации Совета Европы этот вопрос не рассматривается как проблема. Там просто говорится: «стороны должны иметь право на юридическую помощь» (№ 8). Конечно, совет адвоката может быть полезен для обеспечения получения информированного согласия. Однако, на мой взгляд, далеко не ясно, целесообразно ли жертве и правонарушителю иметь поддержку адвоката *во время* процесса медиации. Результаты исследования скорее говорят, что шансы на успешное достижение соглашения обычно *уменьшаются* от присутствия или участия адвокатов. Проблема здесь в том, что адвокаты довольно часто сопротивляются медиации. Подоплека их нежелания двояка: они хотят сохранить свою монополию на судебный процесс, и они финансово заинтересованы в использовании традиционных правовых процедур. Правовая помощь в традиционном смысле этого слова, следовательно, подвергает опасности достижение целей медиации жертвы и правонарушителя. В этом вопросе я прихожу к заключению, что участники должны иметь доступ к соответствующей правовой информации. Но, по крайней мере, возникает сомнение, должно ли это принимать форму конкретной помощи адвоката во время процесса медиации. В документе ООН по основополагающим принципам в этом отношении имеется следующее руководство, где говорится что «стороны должны иметь право на юридический совет *до* и *после* восстановительного процесса».¹

Другую сложную проблему представляет требование презумпции невиновности (ст. 6 § 2 Европейской Конвенции по Правам Человека). В соответствии с мудростью конвенции, воплощенной или подтвержденной комментарием к Рекомендации Совета Европы по медиации в уголовных делах: *«Это нормальное требование для медиации, что жертва, также как и обвиняемый, принимает основные относящиеся к делу факты. Без такого общего понимания возможность достижения соглашения во время медиации ограничена, если не исключена. Нет необходимости, чтобы обвиняемый помимо этого признавал свою вину, а органы уголовного правосудия могут не выносить решения до рассмотрения дела, чтобы не нарушать принципа презумпции невиновности (ст. 6.2 ЕКПЧ). Достаточно того, что обвиняемый допускает определенную ответственность за то, что случилось. Более того, подчеркивается, что участие в медиации не должно использоваться против обвиняемого, если дело вернется назад в органы уголовного правосудия после медиации. Кроме того, признание фактов или даже «признание вины» обвиняемым в контексте медиации не должно быть использовано как доказательство в последующем судебном разбирательстве по тому же делу»* (с. 22).²

Я лично сомневаюсь в том, что на этом история заканчивается. Поразительно, что все принципы, регулирующие медиацию жертвы и правонарушителя, называют главных участников жертвой и правонарушителем. И лишь когда рассматривается презумпция невиновности, вдруг правонарушителя перестают называть правонарушителем, а вместо этого называют *обвиняемым*. Я подвергаю большому сомнению мудрость такого подхода. Насколько я вижу, основная черта любой медиации описана в определении, приведенном во вступлении, где говорится, что она позволяет жертве выразить свои чувства и рассказать о потребностях, а правонарушителю принять на себя обязательства и действовать в соответствии с ними. Мне не понятно, как правонарушитель может явно принять ответственность за совершенное преступление, не признавая своей вины в юридическом смысле этого слова. Так что, из концептуального и теоретического обоснования медиации жертвы и правонарушителя следует, что правонарушитель, добровольно согласившийся на участие в процессе, таким образом отказывается от своего

¹ См. примечание 3 выше, № 12.

² Практически тоже понимание выражено в изложении ООН основополагающих принципов (примечание 3 выше) № 8: «Все стороны обычно должны признать основные факты дела как основу для участия в восстановительном процессе. Участие не должно использоваться в качестве доказательства признания вины в последующем судебном разбирательстве».

права, воплощенного в презумпции невиновности. Если правонарушитель хоть сколько-нибудь претендует на невиновность, процесс медиации никогда не будет по-настоящему служить интересам жертвы. Я прихожу к выводу, что теоретические изыскания об основах медиации жертвы и правонарушителя, по крайней мере, в отношении презумпции невиновности пока, в лучшем случае, не закончены. Эта тема, безусловно, требует большего внимания в будущих исследованиях.

Законодательство должно также определять правовые последствия неудачи в заключении соглашения в процессе медиации. В первой модели, где медиация является частью обычной уголовной процедуры – эти последствия вполне очевидны. Обвинения сняты не будут; «скидки» при определении наказания не будет.¹ В третьей выделенной мной модели, - где медиация предпринимается после того, как уголовный суд завершит свою работу, - вопрос последствий от неудачи в заключении соглашения не стоит.² Во второй модели – медиация как средство отклонения – неудача в заключении соглашения или выполнении условий договора неизбежно приводит к возобновлению обвинений и судебному преследованию.³

Наконец, существующее законодательство в некоторых европейских судебных системах приводит к вопросам размера – и возможных границ – различных модальностей, в которых результат медиации жертвы и правонарушителя может повлиять на решение, принятое в ходе уголовного судопроизводства. Для прокурора может стать очевидным, и он сочтет возможным закрыть дело на основании того, что обвинение больше не отвечает общественным интересам.⁴ Такое решение, однако, возможно только на предварительных стадиях рассмотрения дела и легче достигается в системах, приемлющих принцип целесообразности. Если дело возвращается в суд после достигнутого урегулирования в процессе медиации, в соответствии с немецким подходом вина правонарушителя сокращается до такого размера, что вынесения наказания уже больше не требуется (§46a StGB). С догматической точки зрения это довольно интересно, т.к. традиционно вину оценивали на момент совершения преступления («виновная воля», «вина»). Австрийское законодательство делает еще один шаг вперед. В действительности, существующие на данный момент положения закона предусматривают, что деяние может перестать быть уголовным по характеру в силу восстановительных действий, совершенных правонарушителем *ex post facto*. Я лишь упоминаю эти различные правовые методы как примеры гораздо более широкого круга возможностей сделать медиацию жертвы и правонарушителя частью современной системы уголовного правосудия. Большое разнообразие доступных возможностей с самого начала говорит о том, что необходимы дальнейшие исследования для достижения полного понимания наилучших путей развития медиации жертвы и правонарушителя с хорошей правовой регулировкой.

4. Заключение

Медиация жертвы и правонарушителя заняла определенную позицию в судебной практике многих европейских стран. Опыт показал, что такой способ рассмотрения дела в равной степени благотворный и для жертвы, и для правонарушителя, и в тоже время он

¹ Интересно, что в документе ООН по основополагающим принципам (примечание 3 выше) отмечается, что «отсутствие соглашения не может быть использовано как основание для более сурового приговора в последующем судебном разбирательстве». С догматической точки зрения, это, несомненно, правильно. Хотя в реальной практике это может быть сложнее. Судьи могут счесть неудачу в достижении справедливого соглашения доказательством отсутствия раскаяния со стороны правонарушителя и принять это во внимание как отягчающий фактор при вынесении наказания.

² С возможными исключениями влияния на решения об условном или досрочном освобождении. Не уверен, что это следует закреплять положениями закона.

³ Это обязательно в австрийской системе. В Бельгии и некоторых других проектах, осуществляемых в Нидерландах, так происходит не всегда.

⁴ Таким примером служит ст. 167 Уголовно-Процессуального Кодекса Нидерландов.

позволяет избежать многих ошибок традиционной системы уголовного правосудия. В этой работе я утверждал, что медиация жертвы и правонарушителя – как часть уголовного процесса и как средство отклонения – может быть обоснована основными положениями философии традиционного уголовного права и процедуры (например, принцип дополнения, «*ultimum remedium*» и т.д.). На ранних стадиях в большинстве случаев в судебной практике начинали с использования медиации жертвы и правонарушителя на базе специальных проектов или экспериментов. На следующей стадии развития полезно создать установленный законом статус. Это повышает шансы реального внедрения медиации и обеспечивает большую правовую уверенность и предсказуемость, также как и равенство в правах. Более того, процесс медиации должен быть как можно более неформальным. Участие адвокатов в переговорах должно быть сведено к минимуму, чтобы не превратить медиацию в завуалированный мини-суд. Медиация жертвы и правонарушителя стимулирует нас к дальнейшим исследованиям в будущем. Я выделил несколько тем, требующих внимания. Одна из них касается некоторых специфических потребностей жертв, которые до настоящего времени были упущены: в качестве примера приведу потенциально печальные последствия, когда жертвы отказываются принять участие в процедуре медиации. Я также утверждаю, что нам нужен более тонкий подход к сложным проблемам, касающимся презумпции невиновности. Когда нам удастся хорошо овладеть этими вопросами, медиация жертвы и правонарушителя может сыграть еще более важную роль в качестве инструмента реформирования устаревших и плохо работающих частей традиционных систем уголовного правосудия по всей Европе.

References

- Aertsen, I. and Peters, T. 'Mediation for Reparation: The Victims' Perspective', *European Journal for Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 1998, 106-124.
- Bannenberg, B. and Uhlmann, P., 'Die Konzeption des Täter-Opfer-Ausgleichs in Wissenschaft und Kriminalpolitik', in Dölling, D. e.a., Bundesministerium der Justiz (ed.), *Täter-Opfer-Ausgleich in Deutschland. Bestandsaufnahme und Perspektiven*, Bonn, Forum Verlag Godesberg, 1998, 1-47.
- Dünkel, F., 'Täter-Opfer-Ausgleich und Schadenswiedergutmachung - neuere Entwicklungen des Strafrechts und der Strafrechtspraxis im internationaler Vergleich', in Marks, E. and Rössner, D. (eds.), *Täter-Opfer-Ausgleich*, Bonn, 1989, 394-463.
- Fagan, H. and Gehm, J. (eds.), *Victim-Offender Reconciliation & Mediation Program Directory*, Indiana, Valparaiso, 1993.
- Hassemer, E., 'Praktische Erfahrungen mit dem Täter-Opfer-Ausgleich - Befunde und Konsequenzen', in Dölling, D. e.a., Bundesministerium der Justiz (ed.) *Täter-Opfer-Ausgleich in Deutschland. Bestandsaufnahme und Perspektiven*, Bonn, Forum Verlag Godesberg, 1998.
- Kilchling, M., *Aktuelle Perspektiven für Täter-Opfer-Ausgleich und Wieder-gutmachung im Erwachsenenstrafrecht. Eine kritische Würdigung der bisherigen höchstrichterlichen Rechtsprechung zu § 46a StGB aus viktimologischer Sicht*, NStZ, 1996, 309.
- Löschnig-Gspandl, M., *Die Wiedergutmachung im österreichischen Strafrecht*, Wien, Verlag Österreich, 1996.
- Löschnig-Gspandl, M. and Kilchling, M., 'Victim/Offender Mediation and Victim Compensation in Austria and Germany - Stocktaking and Perspectives for Future Research'. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 1997, 58-78.
- Luhmann, N., *Legitimation durch Verfahren*, Darmstadt, Neuwied, 1969.
- Mediation UK, *Victim/offender mediation: guidelines for starting a service*, Bristol, Mediation UK, 1994.

- Peters, T. a.o., 'Strafbemiddeling en herstelbemiddeling. Justitie op nieuwe wegen', *Tijdschrift voor Criminaliteitsbeheersing en preventie*, januari 1995.
- Weitekamp, E., 'The Paradigm of Restorative Justice: Potentials, Possibilities and Pitfalls', in van Dijk, J. a.o. (eds.), *Caring for Crime Victims: Selected Proceedings of the 9th International Symposium on Victimology*, Monsey, New York, Criminal Justice Press, 1999, 115-125.
- Wemmers, J.-A., *Victims in the Criminal Justice System*, Amsterdam/New York, Kugler Publications, 1996.

Кэй Праниц

Восстановительное правосудие, социальная справедливость и возвращение полномочий маргинальным группам населения¹

1. Введение

Перед движением восстановительного правосудия были поставлены серьезные и важные вопросы, касающиеся его способности повлиять на структурное неравенство, которое считают основной причиной преступности. Такие факторы как расизм и бедность находятся за пределами влияния отдельных правонарушителей. Без ответственности за зло, которое несет социальное неравенство, привлечение к ответственности людей за зло, приносимое каждым из них, рискует усугубить несправедливый социальный порядок.

Я полагаю, что у восстановительного правосудия есть потенциал для решения проблем социальной несправедливости. Однако насколько эффективно будут решаться проблемы, вызванные социальным неравенством, будет зависеть от четких связей между ценностями и практикой и открытого информационного взаимодействия с теми, кто не имеет равного доступа к ресурсам и власти.

Восстановительное правосудие в последнее время критикуют за то, что оно не занимается этими вопросами, и отсутствие литературы на эту тему расценивают как его несостоятельность. В развитии философии и практики восстановительного правосудия созданию книг, и школы вообще, не отводилось ведущей роли. Литература обычно отстает на два года от «границ исцеления» (выражение Зера) практической деятельности и не отражает состояние диалога и усилий в этой области на данный момент. Проблемы и возможности влияния на структурное неравенство непрерывно исследуются в этой области. Для практических работников очевидно, что одно восстановительное правосудие не в состоянии устранить социальное неравенство, но многие инициативы, основанные на участии местного сообщества, ведут к более справедливым взаимоотношениям, что со временем приведет к существенному изменению социального порядка.

2. Принципы восстановительного правосудия, связанные с вопросами социальной справедливости

Социальная справедливость предполагает в равной степени благополучие и целостность каждого человека с социальной, эмоциональной, экономической, физической и духовной точки зрения. Благополучие предполагает возможность удовлетворять свои потребности, не нанося ущерб другим, и возможность контролировать собственную жизнь. Реализация силы и потенциала отдельной личности, сохраняя уважение к потребностям других людей, имеют большое значение для благополучия отдельной личности и для достижения социальной справедливости.

¹ Перевод сделан Надеждой Смагловой по главе 17 из книги «Восстановительное общественное правосудие: исправление вреда и преобразование сообществ». Под ред. Гордона Бэйзмора и Мары Шифф, 287 - 306. С введением Гордона Бэйзмора и Мары Шифф. Цинцинатти, Огайо: Андерсен Паблишен Компани.

Основополагающие ценности восстановительного правосудия и социальной справедливости имеют много общего. Восстановительное правосудие утверждает ценность каждого человека и настаивает на том, что никем поступиться нельзя. Оно также утверждает, что одна из функций местного сообщества способствовать благополучию всех его членов, и признает, что сообщество несет ответственность за них.

Еще один основной принцип состоит в прямом участии в принятии решения тех людей, на чью жизнь это решение повлияет. Второй принцип восстановительного правосудия, названный Ван Нессом, это активное вовлечение жертв, правонарушителей и местного сообщества в процесс правосудия как можно раньше и как можно полнее. Непосредственное участие человека и проявление воли в процессе, затрагивающем его жизнь, являются основными элементами справедливого социального порядка и центральными для восстановительного правосудия.

Восстановительное правосудие подчеркивает важность индивидуальной и коллективной ответственности. Каждый человек несет ответственность за действия, которые принесли вред другим людям, а коллектив района, города, округа, штата или государства в целом несет ответственность за социальные условия, которые приводят к совершению преступления. «Взаимная ответственность это ткацкий станок, на котором сплетается ткань общества. Преступление представляет собой недостаток ответственности на разных уровнях: на уровне отдельного индивида, семьи, общества. Наша реакция на преступление может укрепить или разрушить взаимоотношения и подчеркнуть, восстановить взаимную ответственность на всех уровнях..., т.е. ответственность перед другим человеком и друг за друга». (Пранис, «Конференция жертвы и правонарушителя и местные сообщества»)

Восстановительное правосудие поддерживает концепцию сообщества, основанного на добровольных обязательствах, учитывающих как личные так и общественные интересы и позволяющих тем людям, кого этого затрагивает больше всего, определять объем этих обязательств. (Пранис, «Конференции жертвы и правонарушителя и местные сообщества») Это не ярый индивидуализм современной западной культуры и не бессмысленное послушание жестко контролируемого общества. Такие сообщества дают плодородную почву для постановки и решения вопросов социальной справедливости.

Восстановительное сообщество это сообщество, объединяющее тех, кому причинили вред, и тех, кто причинил вред. Восстановительное сообщество использует преступление как возможность укрепить сообщество, лучше понять друг друга и построить чуткие взаимоотношения. Восстановительное сообщество это сообщество, которое учится, сообщество, которое узнает о себе от тех, кому нанесли вред и от тех, кто нанес вред, и использует это знание для улучшения жизни всех своих членов.

Все члены сообщества, имеющие право голоса при принятии решения, учет интересов каждого, равенство, ответственность сообщества и справедливое отношение – все это ценности как восстановительного правосудия, так и социальной справедливости. Практика восстановительного правосудия, действительно построенная на этих ценностях, будет естественным образом способствовать социальной справедливости.

3. Восстановительные процессы: демократия снизу в действии

«Осуществление социальной демократии и есть то, что называется ... кругами». Даррол Басслер, бывший заключенный и основатель Совета по Восстановительному Правосудию южного Сент-Пола.

Нас в Соединенных Штатах учили думать, что мы осуществляем наивысшую форму демократии. Мы считаем, что уже достигли демократии и прекрасно понимаем концепцию демократии, что демократия определяется как подчинение меньшинства большинству, при котором охраняются права личности. Нас учили, что наша демократия

лучше любой другой. Эта уверенность сидит в нас так давно и так глубоко, что ее редко подвергают сомнению.

Ограничения принципа подчинения меньшинства большинству

Однако более тщательное изучение демократии по принципу подчинения меньшинства большинству выявило несколько проблем. Когда демократию определяют как принцип большинства, интересы меньшинств могут вообще не приниматься во внимание. Их права могут защищаться, но интересы абсолютно игнорироваться. Принцип большинства позволяет большинству пренебрегать интересами меньшинства. Власть становится игрой в количество. Если ты хочешь, чтобы твои интересы удовлетворялись, ты должен привлечь к процессу принятия решения больше людей. Если твою позицию поддерживает больше людей, нет необходимости искать взаимопонимание или способы удовлетворить интересы всех. Фактически, если твоя позиция получила большее количество голосов, тебе даже не надо понимать позицию другого.

Принятие решений по принципу большинства заставляет довольно большое число людей чувствовать себя забытыми, отторгнутыми, обиженными, т.к. не было сделано попытки понять их потребности или удовлетворить их, хотя они могут составлять значительную часть граждан. Принятие решений по принципу большинства вынуждает также стороны преувеличивать свои различия и урезать или дискредитировать точку зрения другого, чтобы набрать как можно больше сторонников. Этот процесс увеличивает барьеры между разными позициями и ставит под сомнение вероятность общих усилий для достижения цели после принятия решения. Он не создает чувство общего стремления к благополучию каждого.

Но чтобы иметь крепкие, сплоченные сообщества необходимо понимать и удовлетворять все законные интересы и эти интересы должны удовлетворяться добровольно и сообща, а не через состязательный судебный процесс. Чтобы привлечь людей к нелегкой работе поиска решений сложных проблем и претворения их в жизнь, каждый должен почувствовать себя частью этого процесса, уважение к себе и что их интересы будут учтены и в процессе и в результате. Те люди, чьи интересы не будут учтены в результате, не будут чувствовать себя обязанными воплотить его.

Преимущества консенсуса

С другой стороны консенсус требует взаимодействия, уважительных взаимоотношений и необходимости найти понимание потребностей и интересов всех сторон. Решение на основе консенсуса означает поддержку решения всеми сторонами. Поддержка не означает одинаковый энтузиазм всех, а готовность принять решение потому, что оно учитывает ваши потребности в какой-то степени или потому, что были сделаны искренние попытки понять и удовлетворить эти потребности. Следовательно, решения, принятые на основе всеобщего согласия, скорее будут соответствовать разным взглядам и удовлетворять разные потребности. Процесс достижения консенсуса – внимательное выслушивание всех точек зрения в целях поиска взаимопонимания и выработки решений, удовлетворяющих многие интересы – по сути своей более демократичен, т.к. такие решения отражают интересы большего количества людей.

Помимо решений, учитывающих интересы большего количества людей, консенсус предполагает более активное участие всех сторон в принятии решений и последующих действиях. Если вы считаете, что ваши интересы игнорируются или не получают должного внимания, у вас мало причин для участия. Неучастие приводит не только к игнорированию мнения сообщества, но также сокращает имеющийся потенциал, который сообщество может использовать в решении сложных проблем.

Принятие решений на базе консенсуса нельзя назвать легким решением проблем концепции большинства. Принятие решений на базе консенсуса требует больше времени, зависит от четкой передачи информации, может создать чрезмерное давление на

оппозиционно настроенных людей и легко воспринимается как право настаивать на своей точке зрения, а не обязанность понимать потребности других и сделать свой вклад в выработку альтернативного решения. Хотя это нелегкий процесс и наши сообщества еще не обладают необходимыми навыками, он обещает более полно отражать все интересы.

Это парадоксально, но преступление дает возможность понять демократию и реализовать ее в сообществе таким образом, который укрепляет сообщество и полномочия простых людей. Стало очевидно, что создание безопасного сообщества требует активного участия граждан. Необходимо снова вовлекать всех граждан в процесс определения общих норм, соблюдения этих норм и поиска путей исправления ситуации, когда они нарушаются, не увеличивая опасность в сообществе.

Некоторые процессы, появившиеся еще в культуре племен и древних народов и заимствованных восстановительным правосудием, используют консенсус для принятия решений и позволяют всем заинтересованным сторонам высказать свое мнение. У них две характерные черты: 1) включение всех сторон, заинтересованных в результате; 2) принятие решения на базе консенсуса расширяет границы понятия демократии. Процесс, основанный на консенсусе, дает полномочия всем участникам, участвовать могут все затронутые стороны. Достижение консенсуса требует от группы уделить внимание интересам тех, кто обычно не обладает властью. Решения должны максимально отражать точку зрения каждого заинтересованного лица или он не будет достигнут. Консенсус при урегулировании преступлений означает, что жертва, правонарушитель, их семьи и пострадавшее сообщество имеют право голоса при принятии решения.

Семейные конференции, основанные на традиции Маори решения конфликтов, и миротворческие круги, на основе традиции коренных народов Северной Америки, используют консенсус для принятия решений, позволяющий всем пострадавшим сторонам принять в них участие. Оба процесса были адаптированы для разрешения противоправных действий в самых разнообразных национальных и географических сообществах в западных странах.

Миротворческие круги, разработанные в Юконе в Канаде и адаптированные с учетом местных сообществ в Миннесоте, являются прекрасным примером возможностей, которые дает новый взгляд на демократию для решения проблем в местных сообществах. Миротворческие круги используются для поддержки жертв, для помощи правонарушителю в осознании и исправлении нанесенного вреда и изменения поведения, определения наилучшего способа разрешения проблем, как личных, так и общественных, приведших к преступлению. Круги, в которых принимается решение, открыты для участия всех заинтересованных сторон. Любой человек может прийти и любому из пришедших будет дана возможность говорить и принимать участие в принятии решения. Возможность быть выслушанным и обязанность внести свой вклад в выработку приемлемого решения идут рука об руку. Так как решения в миротворческих кругах принимаются на основе консенсуса, все участники в этом процессе имеют одинаковый голос, включая судью, правонарушителя, жертву, прокурора, защитника, членов семьи конфликтующих сторон и любого члена сообщества, принимающего участие в процессе. Решения должны быть приемлемыми для всех, так что они должны в какой-то степени удовлетворять интересы каждого.

Вероятность успешного выполнения решений или планов, отвечающих интересам всех участников, гораздо выше, т.к. каждый участник в чем-то выиграет при успешном выполнении соглашения. Следовательно, каждый участник лично заинтересован в успехе. В процессе, основанном на принципе большинства, меньшинство, как правило, заинтересовано в провале решения, при вынесении которого у них нет права голоса.

Равный голос и равная ответственность

Еще несколько аспектов миротворческих кругов, помимо консенсуса, способствуют укреплению демократического идеала равного голоса и равной

ответственности. Участники садятся в круг, форма которого уже предполагает равенство. В миротворческих кругах не используются звания, уменьшая позиционную власть, что является одним из необходимых элементов процесса принятия решения. Мнения участников используются для выработки решения. Все могут говорить только по очереди, которая передвигается по часовой стрелке, давая возможность высказаться каждому. Выступления по очереди дают возможность сказать тем участникам, которым трудно вступать в обычный диалог. В миротворческих кругах предполагается, что каждый присутствующий может внести свой вклад в решение проблемы. Выступление по очереди сокращает ответственность медиатора и увеличивает ответственность каждого участника в положительном исходе диалога.

Миротворческий круг призывает каждого участника использовать свой жизненный опыт, чтобы помочь разобраться в проблеме и найти подходящее решение. Опыт любого человека может оказаться полезным при выборе решения, которое облегчит процесс исцеления для всех пострадавших от преступления. За последние три десятилетия участие профессионалов привело к смещению власти от местных сообществ к правительству и негосударственным социальным службам. Восстановительный процесс, который придает равное значение мудрости и вкладу непосредственных участников процесса, членов их семей и простых граждан, поворачивает вспять эту тенденцию и возвращает власть семьям и местным сообществам.

Голосование считается основным способом выражения демократических прав и обязанностей. У голосования очень ограниченные возможности в отражении многообразия общественных интересов и потребностей, оно не накладывает большой ответственности на граждан за качество повседневной жизни. Восстановительное правосудие использует более широкое понимание демократии, вовлекая граждан в процесс принятия решения, которое способствует взаимодействию и размышлению, учитывая все нюансы понимания разбираемой проблемы и возлагая конкретную ответственность на граждан за определенные аспекты общественной жизни.

Энергия сообщества, вырабатываемая для урегулирования преступления, может быть использована в процессах, способствующих демократическому участию в создании крепких сообществ, способных взять на себя ответственность за благополучие всех его членов, включая жертв и правонарушителей.

Перераспределение власти и ответственность

Жертвы, правонарушители и их близкие часто принадлежат самым бесправным группам населения в обществе. У них, как правило, нет доступа к социальным и экономическим ресурсам. По большей части они беспомощны перед основными силами, определяющими их жизнь. Консенсус в восстановительном процессе дает право голоса, уважение, а, следовательно, и полномочия таким людям. Принятие решений на основе консенсуса, объединяющего наиболее бесправные группы и обладающих властью представителей системы правосудия, приводит к перераспределению власти на самом низком уровне.

Вопреки обычной динамике власти, в рамках проекта миротворческих кругов в Северном Миннеаполисе, работающих с афро-американскими подростками, некоторые судьи полагались на мнение представителей местных сообществ при решении участи подростков. Когда сотрудника службы пробации спросили, что он будет делать с тем или иным подростком, он ответил: «Жду, пока миротворческий круг не скажет мне, чего они хотят». В одном из районов Сент-Пола члены местного сообщества, принимавшие участие в миротворческому кругу, с уважением, но твердо выступили против судьи, который, по их мнению, принял решение, не посоветовавшись с ними. Участники по-настоящему ощущают власть призвать профессиональную систему к ответственности. Данное происшествие говорит об ответственности на всех уровнях, не зависимо от положения, что было особенно важно в присутствии правонарушителя.

Развитие демократических процессов на местах является существенным вкладом восстановительного правосудия на пути к социальной справедливости. Эти восстановительные процессы являются демократией на местах в форме, которая не приводит к столкновению разных групп, а через достижение консенсуса создает чувство общей ответственности и сотрудничества. Поиск консенсуса позволяет найти баланс между личными интересами и общественными и гарантирует, что никто не встанет из-за стола, не довольный тем, что о его интересах забыли. (Пранис, «Конференция жертвы и правонарушителя и местные сообщества»)

4. «Мы должны так решать чужие проблема как будто они наши собственные»

Восстановительные процессы делают возможным вдумчивый диалог в сообществе, который органически связывает преступления с более широкими проблемами местного сообщества, штата или государства.

Поддержание диалога в местном сообществе

Основополагающие принципы восстановительного правосудия создают новый способ ведения диалога. Уважение всех точек зрения, внимательное выслушивание и желание понять цели других людей, серьезное отношение к чувствам – все эти характеристики восстановительного диалога делают возможным взаимодействие, которое не перерастает в жесткую идеологическую позицию. Люди легче меняют свою точку зрения, если их сначала выслушали и отнеслись с уважением к их мнению. Восстановительный диалог избегает поляризации, свойственной большинству дискуссий по вопросам социальной справедливости. Поляризация оказывает плохую услугу защитникам социальной справедливости.

Процессы, которые позволяют членам сообщества обсуждать и размышлять о возможных связях между преступлением и социальными условиями, помогают осознать и начать формировать стратегии по решению проблемы. Обсуждения отдельных преступлений в миротворческих кругах часто выливаются в дискуссии о более широких проблемах в этом сообществе. Миротворческие круги становятся форумом для решения проблем для предотвращения преступлений в будущем, форум, который действует в соответствии с основными принципами демократии, участия, равенства и уважения.

Граждан скорее привлечет конкретная проблема, решение которой отразится на их жизни, чем общая - о здоровье общества или социальных вопросах. Восстановительное правосудие дает возможность связать специфические проблемы, особенно преступления, с более широкими вопросами, занимаясь этими проблемами в определенном контексте, предоставляя важные роли в их решении тем, кого они больше всего затронули, и проводя диалог совершенно по-другому.

Когда члены местного сообщества начинают участвовать в разрешении криминальных конфликтов, они редко рассматривают каждое событие как отдельно взятое и связанное только с его прямыми участниками. Если процесс не предполагает принятия каких-то определенных мер, члены сообщества обычно выстраивают связи с другими проблемами в сообществе или моделями жизни общества. Их интересует полная картина, они больше заинтересованы в урегулировании широких проблем, а не только связанных с конкретным преступлением.

Связь с ответственностью всего сообщества

Участвуя в проекте проведения конференций между жертвами и правонарушителями в центре Миннеаполиса, белые члены местного сообщества узнали о страданиях иммигрантов из Сомали в своем районе, и местная организация стала оказывать им мобильную помощь. Работая с правонарушителем, оказавшемся в безвыходном положении из-за неспособности заплатить штрафы в нескольких округах,

из-за ордера на арест и дополнительных штрафов за неуплаченные ранее, члены сельского сообщества поставили перед судьей вопрос, о том насколько эта мера уместна в данном случае. В процессе работы с 12-ю подростками по делу о хулиганстве жители пригородного района осознали, что молодежи нужно место, где они могли бы проводить время, и придумали различные занятия для подростков. В результате осуществления проекта миротворческих кругов сельское сообщество организовало миротворческий подростковый лагерь решения проблемы расизма в школах по отношению к коренным американцам.

В кругу правосудия, разбиравшем случай насилия в семье, в Юконе в Канаде 5 женщин рассказывали свои истории о насилии по отношению к ним, не имевшие отношения к данному правонарушителю. Участники встречи подняли вопрос о том, что происходит в их сообществе, что столько женщин подвергается насилию. Процесс помог в более широком исследовании причин проблемы помимо данного конкретного случая.

В пригороде Сент-Пола, где живет верхушка среднего класса, девушка подросток обвинялась в хранении марихуаны. Сначала мать не могла поверить, что ее дочь имеет отношение к наркотикам. Но в процессе проведения семейной конференции, которые используются для всех дел, выводимых из системы уголовной юстиции, мать оказалась перед фактом употребления наркотиков ее дочерью. Мать девочки задумалась о влиянии всего сообщества на поведение дочери. В полицейском управлении она предложила провести диалог об общих ценностях и нормах местного сообщества, чтобы определить четкие границы для молодых людей их сообщества. Вместе с этой женщиной полицейское управление организовало процесс под названием «К сообществу, объединенному общими ценностями», цель которого состояла в установлении доверительных отношений между молодежью и взрослым населением города, выработке характера и развитии способностей всех членов сообщества, молодых и старых, и воспитании ответственных членов сообщества.

Растущая уверенность в потенциале местного сообщества

Не смотря на трудности с правонарушителем, участники проекта миротворческих кругов в городском сообществе выразили уверенность в том, что благодаря этому процессу сообщество станет крепче. По словам одного из членов сообщества: «Самое главное здесь, что наше сообщество станет более сплоченным. Не важно, как мы это делаем, важно, что мы делаем что-то». Использование миротворческих кругов в ответ на противоправные действия усиливает уверенность сообщества в способности решать очень сложные проблемы внутри него.

В пригородном сообществе большая группа жителей воспользовалась процессом семейной конференции для решения дела несовершеннолетних правонарушителей без профессиональной помощи. Предыдущий опыт участия в семейной конференции одного из них помог им почувствовать уверенность и попытаться справиться самим. Решение, которое они нашли, включало в себя обязательства не только неблагополучной молодежи, но и других подростков и взрослых в их районе.

Недостаток времени для вдумчивых бесед о проблемах одного человека или жизни общества мешают поиску комплексных решений серьезных социальных проблем. В восстановительных процессах высказываются новые и часто неожиданные взгляды, отражающие коллективную ответственность. Офицер полиции, говоря о миротворческих кругах и кругах правосудия, сказал: «В этом кругу мы все как на суде». Работник службы пробации считает: «Нам нужно слушать. Мы должны подходить к решению проблем других людей, как будто они наши собственные». Восстановительные процессы не только дают возможность людям объединиться, но и предоставляют форму, способствующую уважительному и вдумчивому диалогу о проблемах сообщества, что помогает лучше понять причины преступления, осознать свою ответственность и почувствовать в себе силы изменить эти причины.

5. Социальная дистанция: враг социальной справедливости

Социальная дистанция это основная причина общественной поддержки социальной политики в ущерб социальной справедливости, например, применение наказания к матерям, живущим на Вэлфер, чрезмерное использование тюремного наказания, враждебное отношение к ... и т.д. Большинство людей не предполагает, что такая политика может коснуться их жизни, следовательно, они серьезно не задумывались о том, чего бы они хотели или что было бы им необходимо в аналогичных обстоятельствах. Когда дело касается их лично, они, как правило, радикально меняют свои взгляды на общественную политику.

Социальная дистанция это та степень, в которой люди не отождествляют себя с другими или чувствуют отсутствие общих интересов или общей судьбы – не могут влезть в шкуру другого человека, почувствовать чужую боль. Социальная дистанция зависит от отсутствия восприятия другого человека как полноценного существа равной значимости. Чем больше люди разобщены, тем легче причинить боль другому человеку или отвернуться от чужой боли. Социальная дистанция пропадает в присутствии реальных связей, т.к. ее поддерживают барьеры между людьми: физические, социальные, эмоциональные или духовные.

Граждане, в чьей жизни нет личных контактов с цветными людьми, бедняками и теми, кто находится на периферии общества, становятся легко восприимчивыми к образам, создаваемым ток-шоу, передачами новостей и телевизионными фильмами. Вопросы о воздействии социальной политики на жизнь таких людей для них абстрактны, не наполнены реальным содержанием. Чем больше дистанция между отдельными людьми или группами, тем меньше они заботятся о благополучии друг друга.

Все большее количество людей живет и работает в экономически однородных районах. Молодые люди, выросшие в пригороде, может быть, никогда лично не встречались со своими сверстниками из бедных семей или выросших совсем в другой среде. Американский преподаватель права в Университете штата Висконсин в Мэдисоне, ирландец по происхождению, рассказывает, что студенты смотрят на него как на марсианина, когда он говорит, что вырос в Бронксе. Это выше их понимания, что люди, живущие в Бронксе, могут быть так похожи на них.

Различные формы восстановительного правосудия, особенно встречи лицом к лицу, предполагают рассказ своей истории в интимной обстановке. В такой ситуации трудно придерживаться стереотипов и широких обобщений о тех людях, с которыми ты сидишь лицом к лицу. Восстановительные процессы утверждают ценность каждого человека и уважительное отношение друг к другу, что пробуждает человеческое достоинство в каждом из них.

Гораздо сложнее поддерживать политику или решения, наносящие вред другому, когда ты смотришь этому человеку в глаза в такой обстановке, где ты имеешь возможность воспринимать его как живого, реального человека. Личные истории это действенное средство сокращения социальной дистанции, в этих историях «они» превращается в «мы» и таким образом судьбы сплетаются.

«Находясь лицом к лицу, человек старается увидеть в другом самое лучшее, т.к. он видит его душу» – Андре Кодреску.

Диалог жертвы и правонарушителя, семейные конференции, общественные советы и миротворческие круги – все они используют личные встречи, чтобы люди могли рассказать свои истории, которые делают человечнее всех участников. Все эти процессы не только помогают урегулировать определенный инцидент, они изменяют взаимоотношения всех сторон, т.к. их объединяют общие усилия, направленные на позитивные результаты, и взаимная ответственность. Восстановительные процессы

сокращают социальную дистанцию участников: жертв, правонарушителей, их семей, членов сообщества и профессионалов из системы уголовного правосудия.

Помимо личных встреч, в восстановительном правосудии используются общественные работы, когда правонарушители и члены местных сообществ работают бок о бок друг с другом. По словам Деннис Малони работа бок о бок «облегчает страдания других», создает общие интересы, связи и взаимоотношения, разрушающие стереотипы сообщества о правонарушителе и правонарушителей о сообществе. Социальная дистанция стала меньше. Улучшилось понимание другого взгляда на жизнь. Стало больше терпимости.

6. Приверженность общему благу – союзник социальной справедливости

Вопросы социальной справедливости обычно находят свое решение через приверженность отдельных граждан общему благу. Ценности восстановительного правосудия приводят к осознанию связей и взаимозависимости между всеми членами общества. Механизм восстановительного правосудия дает возможности отдельным людям совершать действия на основе этого знания.

В течение 20 лет атмосфера общественных рассуждений была насыщена утраченным или высмеиванием тех, кто выступал за сострадание или коллективную ответственность за благополучие всех. Воздух был настолько пропитан ненавистью, нетерпимостью и эгоистичными интересами, что создалось впечатление, что никто не хочет помогать людям справляться с проблемами.

В противоположность этому ощущению опыт по разработке восстановительных процессов в местных сообществах говорит о существовании глубокого незаполненного резервуара заботы, беспокойства и желания помогать другим на благо всех.

Миротворческий круг показывает, что возможна не только более демократичная форма принятия решений, но и более человечная. Многие граждане готовы посвятить время, оказать внимание и поддержку жертвам и правонарушителям, нуждающимся в помощи. Половина сообществ в штате Миннесота ввели у себя миротворческие круги в качестве одного из возможных вариантов применительно к некоторым уголовным правонарушениям. Сначала, как правило, проводилась серия открытых встреч в местном сообществе для объяснения сути процесса и ответов на вопросы. На этих встречах присутствующих спрашивали, почему они пришли. Ответы на этот вопрос были трогательными. Многие выразили желание помогать другим и построить здоровое сообщество и готовность уделить время и средства для достижения этой цели. Предыдущий опыт говорит о том, что миротворческие круги являются безопасным местом, где граждане могут выражать сострадание и проявлять заботу о людях, оказавшихся на периферии общества, они демонстрируют свою готовность воспользоваться этой возможностью потому, что за последние 20 лет возможности проявить заботу о ком-либо публично и не быть осмеянным было мало.

Восстановительные процессы нарушили изоляцию тех людей, кто хотел, но не мог действовать во имя общего блага, не знал, как предложить свои способности более широкому кругу людей. Объединенные взаимной ответственностью и общей судьбой, члены сообществ посвящают себя помощи другим людям в большом и малом.

7. Перемещение власти от профессионалов к гражданам

Концентрация власти и влияния в руках профессионалов по определению и решению проблем отдельных людей и сообществ не отвечала интересам социальной справедливости, т.к. подрывала демократию и поощряла зависимость. Зависимость разъедает ощущение собственных возможностей и потенциала, необходимых для социальной справедливости. Джон МакНайт считает: «Предварительная гипотеза состоит в том, что помощь, сосредоточенная на дефекте, становится дорогой, ведущей из

сообщества, к жизни отдельно от него. Нам необходимо тщательно исследовать общественные инициативы, чтобы различать услуги, которые уведут от местного сообщества и ведут к зависимости, и те, которые поддерживают людей, не отрывая от жизни общества».

Философия и практика восстановительного правосудия опираются на способности простых людей определять и решать свои собственные проблемы. Роль правительства и других органов обеспечивать поддержку, предоставлять помещения и средства. Восстановительное правосудие призывает к изменению взаимоотношений между местными сообществами и профессиональными системами, возвращая полномочия и законность местным сообществам при условии, что они будут соблюдать справедливость, равенство и надлежащую правовую процедуру.

Процессы восстановительного правосудия построены на убеждении, что отдельные люди и сообщества должны иметь право собственности на свои конфликты и трудности, преобладание профессионального подхода в области уголовного правосудия лишило местные сообщества возможности приобрести необходимые навыки и построить более здоровые сообщества.

8. Приближение к социальной справедливости через парадигму восстановительного правосудия

Так как восстановительное правосудие основано на ответственности в контексте помощи и заботы как на уровне отдельного человека, так и общества в целом, вызов современному социальному порядку может показаться «мягким», но восстановительное правосудие утверждает, что для коренного изменения поведения «власть с» гораздо эффективнее, чем «власть над».

Традиционно борьба за социальную справедливость предполагала конфронтацию для достижения своих целей, обличая и атакуя социальную несправедливость. Такой подход часто становится состязательным, делает акцент на различиях, разрыве с теми, кто придерживается иных взглядов, переходит в обсуждение абстрактных интеллектуальных вопросов о правах и стремится к достижению своей цели через победу над противоборствующими силами. Восстановительное правосудие рассматривает взаимную ответственность за благополучие каждого и использует личные истории, рассказанные в дружелюбной атмосфере, для осознания более широких социальных потребностей или проблем через опыт отдельных людей.

К решению вопросов социальной справедливости часто подходят с точки зрения прав, но если права не преобразуются в благополучие на индивидуальном уровне, значит социальная справедливость не была достигнута. Чтобы достичь желаемого результата борьба за права опирается на законность. Это стратегия, а не результат. Но получение прав часто рассматривается как результат, а о достижении индивидуального благополучия забывается в процессе борьбы за права. Моральные обязательства являются более надежным фундаментом обеспечения благополучия других, чем требования закона. Терри О'Коннелл, один из первых разработчиков семейных конференций в Австралии, утверждает: «Правовая угроза подрывает моральные обязательства». Моральные обязательства это внутреннее, саморегулирующееся стремление, а законные обязательства являются внешними и требуют некоторого принуждения. Правовые меры по сути своей должны обеспечивать минимум приемлемого поведения, в то время как подходы, базирующиеся на морали, могут обеспечить максимум приемлемого поведения.

Установление прав важно символически, как правовая формулировка нравственного императива. Принудительное соблюдение прав остается важной стратегией оказания последней помощи, после того как обращения (многократные) на базе уважительного диалога без конфронтации не дали желаемого результата. В то время как мы все еще полагаемся на принудительные меры для обеспечения соблюдения определенных норм,

восстановительное правосудие отдает предпочтение ненасильственным взаимоотношениям и призывает нас, отказавшись от принуждения, рискнуть большим, чем мы, на наш взгляд, готовы рискнуть, все еще признавая, что мы не знаем ответов и на каком-то этапе, можем быть, вынуждены прибегнуть к принуждению. Мы всегда будем чувствовать разочарование, когда нам придется делать это.

И правовое и моральное воздействие на поведение важны в достижении цели социальной справедливости, но мы слишком сильно зависели от правового воздействия, чтобы достичь ее. Восстановительное правосудие стремится использовать нравственный потенциал сообщества для достижения тех же целей, но таким способом, который не исключает никого.

Основополагающие ценности восстановительного правосудия призывают к уважительному отношению ко всем, включая тех, кого мы можем обвинять в социальной несправедливости. Восстановительное правосудие считает, что вред, причиненный одному человеку, наносит вред всем, так что мы не можем изменить что-то, демонизируя тех, с кем не согласны, - нас призывают проявлять сострадание. Восстановительное правосудие стремится найти точки соприкосновения между разными целями и взглядами, установить уважительные взаимоотношения в обстановке, когда рассказывают правду, что является фундаментом справедливого общества.

Представление о коренных переменных

Восстановительное правосудие призывает нас использовать эти ценности в жизни, во всех наших взаимоотношениях: с близкими, сотрудниками, соседями, клиентами и оппонентами. Действуя по принципу «власть с», а не «власть над» требует уважительного отношения к оппонентам, необходимости слушать всем сердцем, даже когда мы абсолютно не согласны. Один из парадоксов восстановительного правосудия состоит в том, что оно дает представление о коренных изменениях, но призывает нас делать это мягко. Восстановительное правосудие призывает нас проводить изменения не используя контроль, т.к. попытка решать за других, контролировать их, противоречит ценностям восстановительного правосудия.

Движение восстановительного правосудия не может само по себе исправить структурное неравенство в нашем обществе, но оно может две вещи. На микро уровне оно способно сократить социальную дистанцию, утвердить ценности взаимной ответственности и передать полномочия из рук профессионалов простым людям в случае отдельных правонарушений, а на макро уровне оно предлагает модель изменения взаимоотношений и власти в сложных системах и структурах. Думать глобально, действовать конкретно. Восстановительное правосудие совмещает в себе глобальное видение, видение социальной справедливости и конкретные действия, которые под силу любому человеку, в продвижении к этой цели.

9. Социальная справедливость и духовность

Наиболее значительные усилия, направленные на достижение социальной справедливости, были сделаны людьми, идущих дорогой духовности, - Ганди, Мартин Лютер Кинг, Дороти Дей. Все они и многие из их последователей сознательно использовали понимание духовности для улучшения своей деятельности, но духовность в значительной степени индивидуальна. Политические рассуждения и общественная деятельность были, как правило, лишены четко выраженного духовного аспекта из-за мрачной истории использования власти людьми, которые использовали религию для оправдания злодеяний. Попытки исправить эту несправедливость привели к общественным дебатам, часто не затрагивающим духовную жизнь человеческого существования. Но попытка создать представление о социальной справедливости без связи с духовными устремлениями резко снижает потенциал этого представления для

изменения поведения людей. Использование нравственных сил для достижения большей социальной справедливости естественно предполагает наличие духовности в людях.

Призыв к духовности в общественных процессах несет в себе определенный риск и подходить к нему надо с большой осторожностью. Формулировка духовности отдельно от религии, разработанная Далай Ламой в своей книге «Этика для нового тысячелетия», может разрешить эту дилемму. Сформулированные им идеи очень близки основным принципам восстановительного правосудия. Он определяет духовность как «заботу о таких качествах человеческой души как любовь, сострадание, терпимость, умение прощать, способность довольствоваться малым, чувство ответственности, гармонии, которые приносят счастье себе и другим». Он продолжает: «Таким образом, нет причин, почему бы человек не мог развивать в себе эти качества до наивысшей степени без обращения к религии или метафизической системе убеждений». Духовность, основанная не на религиозных убеждениях, а на этих основных ценностях, могла бы стать частью общественных процессов, без риска ассоциировать ее с какой-либо религией. Далее Далай Лама говорит, что «в соответствии с этим определением духовная практика предполагает, с одной стороны, действия, продиктованные заботой о благополучии других людей. А с другой стороны, ведет к изменению нас самих таким образом, чтобы мы были к этому готовы».

Действия, продиктованные заботой о благополучии других, это действия в духе социальной справедливости. Обращение к этому понятию духовности способствует социальной справедливости. Восстановительное правосудие придерживается того же взгляда: осознание и действия, направленные на благополучие всех сторон, затронутых преступлением, и личная трансформация, которая поможет перенести это понятие духовности во все сферы нашей жизни.

Далай Лама продолжает обсуждать важность сопереживания при определении, насколько наши действия способствуют благополучию других. Он пишет: «Если мы не в состоянии в какой-то степени связывать себя с другими людьми, если мы не можем хотя бы представить себе, как отразятся наши действия на людях, значит мы не можем понять что правильно, а что неправильно, что приемлемо, а что нет, что причинит вред, а что нет». Он также отмечает, что если мы разовьем в себе способность чувствовать страдания других людей, наше безразличие к боли других станет меньше. Он настаивает на том, что «мы можем развить нашу способность к сопереживанию». Восстановительное правосудие отводит такое же важное место сопереживанию и стратегии, развивающей сочувствие к боли жертв, сожаления по поводу вреда, нанесенного сообществу, и понимания мучений правонарушителей.

Ценности, которые Далай Лама приписывает духовности и чувству сострадания, можно развить и укрепить без обращения к духовности, что часто и происходит. Однако связь этих ценностей с духовностью значительно повышает усвоение этих идей. В общественном секторе восстановительное правосудие защищалось и применялось без апелляции к духовным ценностям. Но миротворческие круги сознательно прибегают к духовной стороне человеческого опыта в теории и на практике. Они определяют духовность в тех же терминах, что и Далай Лама, и являются одной из форм духовного выражения.

Сопереживание, уменьшающее безразличие к чужой боли, это мощная сила для социальной справедливости. Определение духовности в терминах сопереживания и заботы о благополучии других обладает огромным потенциалом для личной приверженности социальной справедливости. Восстановительное правосудие дает уникальную возможность перенести духовную практику, понимаемую как «действия, продиктованные заботой о благополучии других», за пределы зданий (церквей, синагог, мечетей) в реальную жизнь и процесс принятия решений местных сообществ.

10. Предостережения

Хотя восстановительное правосудие несет в себе ценности социальной справедливости, приверженцев восстановительного правосудия часто привлекают аспекты, не имеющие к ней отношения. В этом таится и риск и возможности. Риск состоит в том, что восстановительное правосудие может пониматься и внедряться в ограниченных рамках, не затрагивая властных структур, или оно будет использоваться без должного внимания к базовым ценностям и намерениям. С другой стороны, интерес к восстановительному правосудию с разных точек зрения дает возможность соединить то, что казалось непримиримыми противоречиями. Всем, от защитников религиозных прав до радикальных феминисток восстановительное правосудие предлагает почву для взаимопонимания, на которой прежде полярно противоположные интересы могут научиться слушать и уважать друг друга.

Удержать эту почву будет нелегко. Существуют очень мощные силы, работающие против подхода, который призывает не торопиться и выслушать друг друга, задуматься над основными ценностями, дать возможность высказать все точки зрения, привнести духовность в общественную деятельность и отдать приоритет взаимоотношениям, а не силе. Склонность нашей культуры к линейным планам и процессам универсального применения без разбора затрудняет переход к гибкому, реляционному процессу урегулирования проблем, который созидает и требует принятия индивидуальных решений. Мы привыкли сначала во всем разобраться, составить план, а потом строго ему следовать. Процесс формирования восстановительного подхода к преступлению обязательно должен быть целостным, круговым, определяться процессами, наиболее близкими к проблеме, отвечать специфике окружения (не быть универсальным) и быть беспорядочным!

Если подходить к восстановительному правосудию узко, оно не сделает существенного вклада в социальную справедливость. Определенные аспекты восстановительного подхода особенно важны с точки зрения социальной справедливости.

Ориентиры социальной справедливости для восстановительного правосудия:

- Восстановительное правосудие применяется таким способом, который больше делает акцент на ценности, чем на техническую сторону.
- Полномочия при принятии решений переходят от профессионалов к тем, кого решения затрагивают в наибольшей степени.
- Признается коллективная ответственность.
- Признаются все виды виктимизации, и жертвам дается право голоса.
- Предоставляется время на размышление и определение взаимосвязи между проблемами отдельных людей и социальными условиями в целом.
- Основной источник информации – истории участников.
- Решения принимаются не абстрактно, а в процессе личной встречи.

Восстановительное правосудие это забота и ответственность. Если пренебречь заботой, а думать только об ответственности, восстановительное правосудие не сделает ничего для социальной справедливости.

11. Заключение

Социальную справедливость нельзя установить сверху. Хорошая социальная политика необходима, но этого не достаточно. Помимо хорошей политики социальная справедливость требует личной приверженности справедливому социальному порядку, моральных обязательств. Социальная справедливость это результат индивидуальных действий и решений, принимаемых каждодневно, но для положительного воздействия на всю социальную ткань общества, действия отдельных людей должны определяться

общими взглядами. Восстановительное правосудие вовлекает людей в обсуждение общих ценностей и взглядов, а затем дает возможность каждому члену сообщества увидеть, как эти ценности и взгляды отражаются на жизни конкретных людей через прямое участие в их жизни. Благодаря непосредственному участию люди понимают ответственность не головой, а чувствуют сердцем, оно способствует социальным переменам в гораздо большей степени, чем одна социальная политики.

Ощущение связи, общей судьбы, единства с другими, включая тех, кого притесняют, подогревают интерес и приверженность справедливому социальному порядку. Забота о социальной справедливости естественным образом вытекает из признания взаимной зависимости. Если благополучие другого человека непосредственно скажется на моем благополучии, я кровно заинтересован в обеспечении благополучия этого другого человека. Восстановительное правосудие делает гораздо более очевидным нашу взаимозависимость на всех уровнях. Наша выживаемость зависит от способности стать более любящими, понимающими и ответственными друг за друга.

«По-настоящему вся жизнь взаимосвязана. Все люди пленники одной сети взаимной зависимости, сплетенной в один орнамент судьбы. То, что прямо отражается на жизни одного человека, косвенно отражается на других. Я никогда не стану тем, чем я должен быть, пока ты не станешь тем, чем ты должен быть и ты никогда не станешь тем, чем ты должен быть, пока я не стану тем, чем я должен быть. Это и есть взаимозависимая структура реальности» – Преподобный Мартин Лютер Кинг, младший.

Нет предела творческим возможностям для достижения личного и общественного благополучия через процесс правосудия, коль скоро нам ясно, что мы стремимся к исцелению, мы начинаем рассказывать наши исцеляющие истории друг другу. Истории исцеления, истории, с помощью которых мы пробиваемся сквозь нашу боль, чтобы прикоснуться к друг другу, будь это в Южной Африке, Техасе или Северной Ирландии, составляют суть нового представления о наших возможностях преодолеть желание мстить или проявлять жестокость в ответ на причиненную нам боль, о нашей способности видеть себя в других и стать частью неразрывного переплетения нитей наших жизней. В новой глобальной деревне никуда не деться от правды, состоящей в том, что зло, причиненное одному это зло, причиненное всем. Когда мы причиняем боль другому, мы раним сами себя. Когда мы отдаем, мы обогащаем себя. Когда мы любим, мы становимся глубже. Восстановительное правосудие дает многим людям возможность привнести эту глубокую правду в общественную жизнь, создавая, таким образом, резонанс между общественным поведением и личными ценностями. В этом страсть и сила движения восстановительного правосудия и его потенциал изменить нашу социальную структуру.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ДОКУМЕНТЫ И КОММЕНТАРИИ К НИМ

РАБОТА С СУДОМ. ДОКУМЕНТЫ И КОММЕНТАРИЙ

ДОГОВОР О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

г. Москва

_____ 2003 г.

Черемушкинский районный суд г. Москвы, именуемый в дальнейшем «Суд», в лице председателя суда Крюкова Петра Васильевича, Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», именуемый в дальнейшем «Фонд», в лице руководителя юридической службы Хананашвили Нодари Лотариевича, Наркологический

диспансер №12 Управления здравоохранения ЮЗАО г. Москвы, именуемый в дальнейшем «Диспансер», в лице главного врача Зыкова Олега Владимировича и Межрегиональный Общественный Центр «Судебно-правовая реформа», именуемый в дальнейшем «Центр», в лице исполнительного директора Флямера Михаила Григорьевича, - в дальнейшем «Стороны», заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА

1.1 Согласно настоящему договору Стороны обязуются объединить свои усилия для создания в ЮЗАО г. Москвы условий для регулярного использования в судопроизводстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних правонарушителей социально-правовых технологий ресоциализации.

1.2 В рамках Договора предусматривается:

- деятельность социального работника на стадии судебного производства в целях обеспечения наиболее полного изучения личности несовершеннолетнего правонарушителя и его социальной ситуации, предусматриваемого п. 3 ч.1 и ч. 2 ст. 73 и ст. 421 УПК РФ, а также для реализации деятельности по адресной реабилитации правонарушителей;

- деятельность координатора программ восстановительного правосудия в целях создания условий для проведения примирительных встреч несовершеннолетнего подсудимого с потерпевшим, обеспечивающих реализацию ст. 25 и 427 УПК РФ (90 и 91 УК РФ), п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а также профилактическую направленность применения к несовершеннолетним условного осуждения (ст. 430 УПК РФ);

- деятельность ведущих программ примирения потерпевших и правонарушителей и других программ восстановительного правосудия.

1.3 Стороны подтверждают, что все процедуры, действия и мероприятия, производимые участниками настоящего договора при его реализации, носят характер деятельности, не запрещенной законодательством Российской Федерации.

Положения настоящего Договора являются основанием для возникновения взаимоотношений между социальным работником, координатором программ восстановительного правосудия, ведущим программы восстановительного правосудия и судьей по делам несовершеннолетних. Взаимодействия указанных лиц регламентируются процедурами, указанными в приложениях.

2. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН

2.1 Фонд и Диспансер обязуются:

2.1.1 при наличии финансирования привлекать на основе отдельного договора социального работника и курировать его деятельность;

2.1.2 организовывать и осуществлять проведение реабилитационных программ, реализуемых на основании заключаемого соглашения социального работника и несовершеннолетнего правонарушителя (или его законных представителей);

2.1.3 участвовать в разработке алгоритмов реализации социально-правовых технологий;

2.1.4 во взаимодействии с Центром осуществлять мониторинг деятельности по настоящему Договору.

2.2 Фонд и Диспансер имеют право:

2.2.1 вносить изменения в организационную схему взаимодействия сторон и алгоритм, зафиксированные в Приложении; принятие Сторонами изменений осуществляется в соответствии с п. 5 настоящего договора.

2.3. Центр обязуется:

2.3.1 при наличии финансирования привлекать на основе отдельных договоров социального работника, координатора и ведущего программ восстановительного

правосудия и курировать их деятельность;

2.3.2 в рамках юридического алгоритма, указанного в Приложении, организовывать и проводить программы примирения несовершеннолетнего обвиняемого с потерпевшим и другие программы восстановительного правосудия;

2.3.3 участвовать в разработке алгоритмов реализации социально-правовых технологий;

2.3.4 осуществлять методическое обеспечение проведения программ восстановительного правосудия, а также способов их увязывания с социальной работой;

2.3.5 во взаимодействии с Фондом и Диспансером осуществлять мониторинг деятельности по настоящему Договору.

2.4 Центр имеет право:

2.2.1 вносить изменения в организационную схему взаимодействия сторон и алгоритм, зафиксированные в Приложении; принятие Сторонами изменений осуществляется в соответствии с п. 5 настоящего договора.

2.5 Суд, в лице судьи, осуществляющего рассмотрение дела несовершеннолетнего, продолжает осуществлять свои функции в обычном порядке, сохраняя независимость при вынесения судебного решения.

При этом судья имеет право:

2.5.1 предоставлять социальному работнику возможность изучения материалов уголовного дела несовершеннолетнего;

2.5.2 при вынесении решений использовать информацию социального работника о результатах исследования социальной ситуации и личности несовершеннолетнего подсудимого, а также рекомендации относительно реабилитационных мероприятий по отношению к нему;

2.5.3 взаимодействовать с координатором программ восстановительного правосудия для обсуждения условий проведения примирительных встреч несовершеннолетнего подсудимого с потерпевшим и юридически корректного использования их результатов;

2.5.4 при вынесении решений принимать во внимание результаты программ примирения потерпевшего и подсудимого, программ по возмещению ущерба и других действий, направленных на заглаживание вреда, причиненного преступлением, совершенным несовершеннолетним.

2.5.5 принимать заявления и другие сообщения Фонда и социального работника о неправомерных действиях по отношению к несовершеннолетнему, а также принимать конкретные меры по пресечению указанных нарушений;

2.5.6 участвовать в разработке алгоритмов реализации социально-правовых технологий.

3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПРИНЯТЫХ ПО ДОГОВОРУ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В случае нарушения одним из участников принятых обязательств по договору об этом делается представление остальным его участникам и принимается решение о целесообразности продолжения Договора либо внесении в него изменений.

4. СРОК ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРА

Настоящий Договор действует с момента его заключения до _____ 2004 года. При отсутствии возражений Сторон действие настоящего Договора автоматически ежегодно пролонгируется.

Договор составлен в четырех экземплярах, по одному для каждой из Сторон.

5. ПРОЧИЕ УСЛОВИЯ

Приложения, принятые по согласованию Сторон, являются неотъемлемой частью настоящего Договора с момента их подписания. Изменения или исключение приложений осуществляется на основании отдельного решения Сторон.

Подписи Сторон:

«СУД» Председатель Суда _____ /П.В.Крюков/

«ФОНД» Руководитель юридической службы _____ /Н.Л.Хананашвили/

«ДИСПАНСЕР» Главный врач _____ /О.В.Зыков/

«ЦЕНТР» Исполнительный директор _____ /М.Г. Флямер/

ПРИЛОЖЕНИЕ

Организационная схема и юридический алгоритм деятельности по ресоциализации несовершеннолетних обвиняемых на стадиях досудебного и судебного производства по уголовному делу (на территории Черемушкинского районного суда)

Преамбула

Настоящая организационная схема и алгоритм разработаны для реализации пилотного проекта в рамках проекта Центра «Восстановительное правосудие в России», его реализация предполагается в течение 2003 г. Экспериментальный характер работы позволяет вводить в деятельность по ресоциализации несовершеннолетнего обвиняемого такие позиции, которые не обозначены в действующем законодательстве, однако не противоречат ему. По истечении года либо эксперимент будет продолжен, либо будут разработаны рекомендации по укоренению предлагаемой технологии ресоциализации несовершеннолетних обвиняемых.

1. Основные позиции в процессе ресоциализации

Профессиональные участники и учреждения (организации)

Судья – Черемушкинский районный суд

Начальник следственного отдела - ОВД района Теплый Стан

Инспектор ПДН - ОВД района Теплый Стан

Социальный работник – Центр «Судебно-правовая реформа» и Фонд НАН

Координатор - Центр «Судебно-правовая реформа»

Ведущий программ примирения - Центр «Судебно-правовая реформа»

Руководитель реабилитационных программ - Фонд НАН

Примечания:

1. В соответствии с настоящим договором **социальный работник** получает статус **социального работника суда** и действует в этом качестве на всех стадиях процесса. Это не процессуальный, но экспериментальный статус, который необходим для легитимизации деятельности социального работника с несовершеннолетними обвиняемыми с тем, чтобы по результатам пилотного проекта ставить вопрос об его официальном статусе. В 2003 г. в проекте будут работать 2 социальных работника. Приняв решение о сотрудничестве с социальным работником и координатором программ восстановительного правосудия и организациями, их направившими, судья продолжает осуществлять свои функции в обычном порядке, принимая во внимание рекомендованные социальным работником меры восстановительного характера, необходимые

несовершеннолетнему, и результаты программ примирения, но сохраняя при этом независимый порядок вынесения судебного решения.

2. Поскольку в соответствии с ранжированными показателями оценки работы органов предварительного следствия прекращаемость дел относится к негативным показателям, договоренность с ОВД района Теплый Стан состоит в том, что информация на стадии предварительного расследования передается для того, чтобы у социального работника и ведущего программы примирения было больше времени для работы с обвиняемым, чем в случае, если бы информация о подростке передавалась только после передачи дела в суд. Но собранная социальным работником информация, а также результаты программ примирения передаются для приобщения к материалам дела уже в судебных стадиях, с тем, чтобы суд как орган независимый, принимал решение в отношении несовершеннолетнего правонарушителя с учетом информации о ресоциализации подростка и заглаживании им причиненного вреда, в том числе и решение о прекращении дела (либо в связи с примирением сторон, либо с применением принудительных мер воспитательного воздействия).

Поскольку по закону такого рода решения правомочны принимать и прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора (в случае реализации ст. 427 УПК РФ эти лица, приняв постановление о применении принудительных мер воспитательного воздействия, возбуждают перед судом соответствующее ходатайство), перспектива работы со следствием видится в более раннем получении информации о несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых с последующей реализацией норм ст. 25 и 427 УПК РФ на стадии предварительного расследования.

Непрофессиональные участники (участники уголовно-правового конфликта)

Несовершеннолетний обвиняемый

Законный представитель обвиняемого

Потерпевший

Законный представитель (представитель) потерпевшего

2. Субъекты первичного получения информации о несовершеннолетнем обвиняемом

Социальный работник

Координатор

3. Источники поступления дел несовершеннолетних обвиняемых

Черемушкинский районный суд

ОВД района Теплый Стан

4. Критерии отбора дел

4.1. Социальному работнику (координатору) передается информация обо всех делах несовершеннолетних обвиняемых, к которым не применена мера пресечения в виде заключения под стражу.

4.2. Информация о делах, когда несовершеннолетний находится под стражей, передаются для социальной работы и программ восстановительного правосудия по инициативе начальника следственного отдела или судьи. В этих случаях судом может быть рассмотрен вопрос об изменении меры пресечения на иные меры, в т.ч. на присмотр за несовершеннолетним обвиняемым (ст. 105 УПК РФ). В исключительных случаях социальный работник может выступить в роли «заслуживающего доверия лица», на которого возлагается присмотр.

4.3. По инициативе начальника следственного отдела или судьи настоящий

алгоритм может быть использован по отношению к обвиняемым в возрасте от 18 до 20 лет по аналогии со ст. 96 УК РФ.

5. Передача информации о случаях

5.1. Начальник следственного отдела либо лицо, производящее предварительное расследование (по указанию **начальника следственного отдела**) предоставляет **социальному работнику** или **координатору** информацию об уголовном деле несовершеннолетнего обвиняемого после того, как собраны доказательства вины несовершеннолетнего по делу.

5.2. Судья по уголовным делам несовершеннолетних предоставляет **социальному работнику** возможность ознакомления с материалами уголовного дела несовершеннолетнего подсудимого не позднее одного дня после вынесения постановления о назначении судебного заседания.

6. Исследование социальным работником ситуации несовершеннолетнего

6.1. Социальный работник изучает уголовное дело несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) с целью получения информации, касающейся его личности, состояния психического здоровья и биографических данных.

6.2. По результатам изучения информации о деле **социальный работник** заполняет регистрационную карточку и передает **координатору**. Регистрационная карточка является внутренним документом Центра, она служит формой для внутреннего учета проведенных реабилитационных и восстановительных программ.

6.3. Социальный работник связывается с обвиняемым и его законными представителями по телефону и договаривается о встрече. При получении информации о деле в ОВД социальный работник может быть представлен обвиняемому и его законным представителям **инспектором ПДН**.

В случае согласия несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) и его законных представителей на сотрудничество **социальный работник** заключает с ними устное соглашение, на основании которого собирает информацию о личности подростка, подготавливая программу реабилитации и/или программу восстановительного правосудия.

6.4. Социальный работник организует и проводит исследование ситуации несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого), включающее сбор и анализ информации о его социальных связях (семье и ближайшем окружении) и психологических особенностях личности, при необходимости используя в этой работе помощь ПДН и КДН, государственных и общественных социальных служб в Юго-Западном административном округе города Москвы.

Целью исследования ситуации несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) является выяснение условий его жизни и воспитания, причин, способствовавших совершению преступления (ст. п. 3 ч.1 и ч. 2 ст. 73 и ст. 421 УПК РФ), выявление возможностей направления на примирение (или другую программу восстановительного правосудия) и, при необходимости, составление индивидуальной программы реабилитации.

В *содержание* исследования входят встречи и беседы с правонарушителем, с его родственниками, ближайшим окружением, с официальными органами, которые могут дать дополнительную информацию о подростке.

При необходимости **социальный работник** выносит результаты исследования ситуации подростка на обсуждение консилиума специалистов (психологов, юристов, наркологов, специалистов по ВП и т.д.) с целью составления для него наиболее эффективной программы реабилитации.

7. Составление индивидуальной программы реабилитации несовершеннолетнего

обвиняемого (подсудимого).

7.1. Социальный работник исследует возможности действующих в Фонде социально-психологических и иных реабилитационных структур в целях выявления методов и форм работы, эффективности деятельности, условий оплаты, пропускной способности, необходимых временных и финансовых затрат по осуществлению различных форм и методов реабилитации и их применимости при решении конкретной задачи медико-социальной и психологической реабилитации и ресоциализации подростка.

7.2. Социальный работник самостоятельно, либо с помощью **координатора и руководителя реабилитационных программ** и при активном участии самого подростка составляет для него адресную программу реабилитации, включающую при необходимости прохождение реабилитационных программ в Фонде, а также индивидуальные мероприятия по решению его социальных проблем. В качестве составной части программы реабилитации может быть включен пункт об участии в программе восстановительного правосудия.

8. Проведение в Фонде реабилитационной программы для несовершеннолетнего (а также по возможности членов его семьи)

8.1. Социальный работник, проанализировав всю имеющуюся информацию о ребенке, готовит резюме (социальную карту ребенка), которую он представляет на консилиум специалистов реабилитационной программы, где также присутствует несовершеннолетний, члены его семьи или законный представитель.

8.2. Основной задачей консилиума является подробное знакомство с несовершеннолетним и самого несовершеннолетнего с методами и средствами программы, его правами и обязанностями. Положительным результатом консилиума является принципиальное согласие несовершеннолетнего на участие в программе.

8.3. Консилиум назначает координатора реабилитационной программы, который совместно с **социальным работником** определяет основную динамику реабилитации и ее основное направление.

8.4. Руководитель реабилитационных программ Фонда (руководитель консилиума) совместно с социальным работником и другими специалистами программы готовит договор между несовершеннолетним и реабилитационной программой в лице ее руководителя, а также договор между родителями несовершеннолетнего (законным представителем) и реабилитационной программой, который определяет цели реабилитации, основные задачи, методы их решения, права и обязанности сторон и длительность программы. Программа представляет собой систему индивидуальных и групповых коррекционно-психологических занятий, проводимых специалистами, и направленных на формирование у несовершеннолетнего мотивации на изменение поведения, развитие самосознания и более зрелой системы ценностей. Помимо этого, в программу включаются мероприятия, направленные на формирование навыков социально позитивной деятельности (трудовой, творческой, спортивной и т.п.)

8.5. Несовершеннолетний, а также его родители (законный представитель) после подписания договора обязаны посещать все мероприятия, определяемые реабилитационной программой.

8.6. Социальный работник осуществляет контроль за прохождением реабилитационной программой несовершеннолетним, получая регулярно сведения о нем у координатора программы, а также посещая его семью, школу или другие учреждения.

8.7. Несовершеннолетний в случае пропуска обязан предоставить оправдательный документ. В случае пропуска без уважительной причины несовершеннолетнему выносится предупреждение, и причина пропуска становится предметом обсуждения

на групповом и индивидуальном занятии. В случае повторного пропуска или иного нарушения, оговоренного в договоре, ведущий групповые или индивидуальные занятия ставит в известность социального работника, который должен выяснить причины нарушения и вынести этот вопрос на консилиум, который должен совместно с несовершеннолетним определить возможности и методы ее изменения.

8.8. В случае отказа от сотрудничества со стороны несовершеннолетнего (прекращения посещения программы или регулярного нарушения режима) **руководитель реабилитационной программы** составляет письменный отчет о причинах прекращения договора социальному работнику, который обязан в трехдневный срок поставить об этом в известность районный орган, осуществляющий контроль за поведением несовершеннолетних.

8.9. В случае, если несовершеннолетнему требуется продолжение реабилитации после завершения срока договора, **консилиум совместно с несовершеннолетним** разрабатывает дополнительную программу и организует подписание нового договора.

8.10. **Специалисты, ведущие занятия и организующие мероприятия** обязаны вести соответствующую документацию, фиксируя основную динамику изменений, происходящих с несовершеннолетним в программе.

8.11. **Руководитель реабилитационных программ Фонда** посредством консилиума специалистов координирует деятельность всех реабилитационных программ, развивая возможности реабилитации за счет повышения внутренних и привлечения дополнительных внешних ресурсов.

9. Принятие решения о проведении программы примирения

9.1 Координатор совместно с **социальным работником** анализирует ситуацию несовершеннолетнего обвиняемого и принимает решение о проведении программы примирения обвиняемого и потерпевшего либо иной программы восстановительного правосудия. В случаях, подходящих под использование программ примирения (либо иных программ), **социальный работник** сообщает обвиняемому (подсудимому) и его законным представителям о возможности проведения такой программы.

9.2. Координатор подбирает **ведущего** для проведения программы, передает ему регистрационную карточку и всю необходимую информацию о деле.

10. Проведение программы примирения

10.1. Ведущий проводит программы примирения между несовершеннолетним подсудимым и потерпевшим (с участием их законных представителей). Программа включает предварительные встречи с каждой из сторон и собственно примирительную встречу. Встреча обвиняемого и потерпевшего проводится только в случае соблюдения необходимых условий: признания обвиняемым участия в криминальной ситуации, его готовности загладить вред, причиненный его действиями, готовности потерпевшего к встрече с обвиняемым. Общим условием встречи является добровольность участия сторон, которая выясняется **ведущим** на предварительных встречах.

10.2. Социальный работник организует предварительные встречи **ведущего** программы с **обвиняемым (подсудимым)** и его **законными представителями**.

10.3. Уведомление **потерпевшего** (и его законных представителей) о программах восстановительного правосудия осуществляется с помощью информационного письма, подписанного **судьей**. Письмо отправляется потерпевшему после того, как **ведущий** убедился на предварительной встрече, что обвиняемый готов взять на себя ответственность за последствия криминальной ситуации.

10.4. Социальный работник принимает участие в примирительных встречах; помогает несовершеннолетнему обвиняемому (подсудимому) в реализации пунктов примирительного договора

10.5. В случае достижения соглашения между сторонами оно закрепляется в примирительном договоре, где фиксируются:

- моральные результаты примирительной встречи (действия, подтверждающие раскаяние со стороны обвиняемого (подсудимого), - понимание последствий совершенного правонарушения и извинение; удовлетворение потребностей потерпевшего);
- условия достижения примирения (действия, направленные на возмещение ущерба, причиненного преступлением);
- действия, направленные на прохождение несовершеннолетним правонарушителем той или иной социально-реабилитационной программы (если участники встречи сочтут это необходимым).

10.6. Примирительный договор передается сторонам. Копии договоров хранятся в офисе Центра.

В случае, если несовершеннолетний обвиняется в преступлении небольшой и средней тяжести и не имеет судимости, **ведущий** информирует потерпевшего о его праве подать заявление в орган предварительного следствия или суд о примирении с обвиняемым и заглаживании им причиненного вреда (ст. 25 УПК РФ).

10.7. Переговоры между участниками встречи носят конфиденциальный характер. В примирительном договоре фиксируются только результаты переговоров. Чтобы примирительная встреча имела юридические последствия, стороны ходатайствуют о приобщении примирительного договора к материалам дела.

10.8. В случае, если стороны не пришли к соглашению, **ведущий** сообщает об этом координатору с указанием причины.

10.9. Координатор курирует проведение программы восстановительного правосудия, в том числе консультирует ведущего о юридических аспектах дела, анализирует совместно с ведущим и социальным работником ход программы, собирает итоговую информацию о проведенных программах.

10.10. После проведения работы, независимо от успешности программы, **ведущий** составляет отчет и передает его координатору.

11. Приобщение документа о примирении и выполнении условий договора к уголовному делу

11.1. При заявлении какой-либо из сторон ходатайства о приобщении к материалам дела документов, где зафиксированы результаты программы примирения (примирительный договор и документ, подтверждающий выполнение его условий, либо иной документ, свидетельствующий о возмещении ущерба, заявление потерпевшего) суд может приобщить их к материалам дела.

11.2 В ходе судебного заседания суд может допросить потерпевшего и подсудимого о результатах программы примирения.

12. Последствия приобщения документа о примирении и выполнении условий договора к материалам уголовного дела

12.1 Суд может использовать результаты примирения для освобождения несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности (в соответствии со ст. 76 УК РФ и 25УПК РФ, 90 УК РФ и 427 УПК РФ).

12.2. Суд при назначении наказания может использовать результаты примирения как смягчающее обстоятельство (п. «к» ч.1 ст. 61 УК РФ). Основанием для смягчения наказания может являться как сам примирительный договор и документ о выполнении его условий (если таковые имелись), так и отсутствие каких либо претензий у потерпевшего вследствие примирения его с подсудимым.

12.3. В случае вынесения несовершеннолетнему подсудимому приговора, не связанного с лишением свободы, копии примирительного договора и документов, подтверждающих выполнение его условий или фиксирующих намерение подсудимого

их выполнить, направляются **социальным работником** в районный орган, осуществляющий контроль за поведением несовершеннолетних.

13. Приобщение отчета социального работника к материалам уголовного дела

13.1 Результаты исследования ситуации несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) и рекомендованную подростку программу реабилитации **социальный работник** представляет суду в виде документа-отчета на стадии подготовки к судебному заседанию либо в ходе судебного заседания.

13.2. Суд всесторонне и объективно изучает отчет социального работника об исследовании ситуации несовершеннолетнего подсудимого и рекомендации по прохождению им индивидуальной программы реабилитации.

13.3. При признании этого документа доказательством, имеющим значение для уголовного дела, **суд** приобщает его к материалам уголовного дела несовершеннолетнего подсудимого.

13.4. Суд может допросить социального работника на судебном заседании в качестве свидетеля, участвующего в представлении доказательств – сведений о личности несовершеннолетнего подсудимого.

14. Последствия приобщения отчета социального работника к материалам уголовного дела

14.1. Суд может использовать информацию, представленную социальным работником, для освобождения несовершеннолетнего подсудимого от уголовной ответственности (ст. 90-91 УК РФ, 427УПК РФ) либо освобождения от наказания (ст. 92 УК РФ) с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

14.2. В случае вынесения судом решения о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия **социальный работник** осуществляет контроль за прохождением им программы реабилитации.

14.3. Информация, представленная социальным работником, может указывать на смягчающие обстоятельства и послужить условному осуждению, либо назначению судом наказания ниже низшего предела. Суд принимает во внимание и при вынесении приговора об условном осуждении, в случае необходимости, учитывает в нем рекомендованные социальным работником меры реабилитационного характера, необходимые для дальнейшей ресоциализации несовершеннолетнего подсудимого (в соответствии со ст. 73 УК РФ).

14.4. В случае вынесения несовершеннолетнему приговора об условном осуждении **социальный работник** осуществляет контроль за прохождением им программы реабилитации.

14.5. В случае представления органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, и социального работника о положительном прохождении подростком программы реабилитации, а также о его законопослушном поведении **суд** может отменить условное осуждение и снять с осужденного судимость (ч.1 ст. 74 УК РФ).

Подписи сторон:

СУД Председатель Суда _____ /П.В.Крюков/

ОВД Начальник следственного отдела _____ /А.С. Дедов/

ФОНД Руководитель юридической службы _____ /Н.Л.Хананашвили/

ДИСПАНСЕР Главный врач _____ /О.В.Зыков/

Л.М. Карнозова

кандидат психологических наук
специалист ОЦ «Судебно-правовая реформа»,
координатор по работе с судом

**Комментарии к организационной схеме и юридическому алгоритму
деятельности по ресоциализации несовершеннолетних обвиняемых на стадиях
досудебного и судебного производства по уголовному делу**
(см. Приложение к договору с судом)

Принятый в качестве Приложения к договору с судом алгоритм деятельности по ресоциализации несовершеннолетних обвиняемых на стадиях досудебного и судебного производства указывает на организационную схему взаимодействия участников этого процесса. Что же касается юридической проработки этой оргсхемы, то она проделана лишь частично. Новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ, вступивший в действие с 1 июля 2002 г., внес ряд изменений, усложнивших решение некоторых вопросов, к примеру, таких, как *процессуальный статус социального работника* (в Кодексе отсутствуют нормы об участии общественности в делах, где обвиняемыми являются несовершеннолетние. Прежде участие социального работника мы обосновывали этой нормой). В Кодексе содержится и ряд новелл, по поводу которых в настоящее время формируется практика их реализации. Так что вопросы юридического обеспечения включения элементов восстановительной ювенальной юстиции в российский уголовный процесс в отношении несовершеннолетних мы решаем совместно с практиками уже в ходе реализации указанного алгоритма.

Ниже публикуется комментарий к двум пунктам алгоритма, в котором учитывается новая процессуальная ситуация.

Мы предполагаем, что подобная работа будет продолжена и по другим структурным элементам деятельности социального работника и сотрудников программ примирения.

К п. 11. «Приобщение документа о примирении и выполнении условий договора к уголовному делу»

11.1. При заявлении какой-либо из сторон ходатайства о приобщении к материалам дела документов, где зафиксированы результаты программы примирения (примирительный договор и документ, подтверждающий выполнение его условий, либо иной документ, свидетельствующий о возмещении ущерба, заявление потерпевшего), суд может приобщить их к материалам дела.

К п. 13. Приобщение отчета социального работника к материалам уголовного дела

13.1 Результаты исследования ситуации несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) и рекомендованную подростку программу реабилитации социальный работник представляет суду в виде документа-отчета.

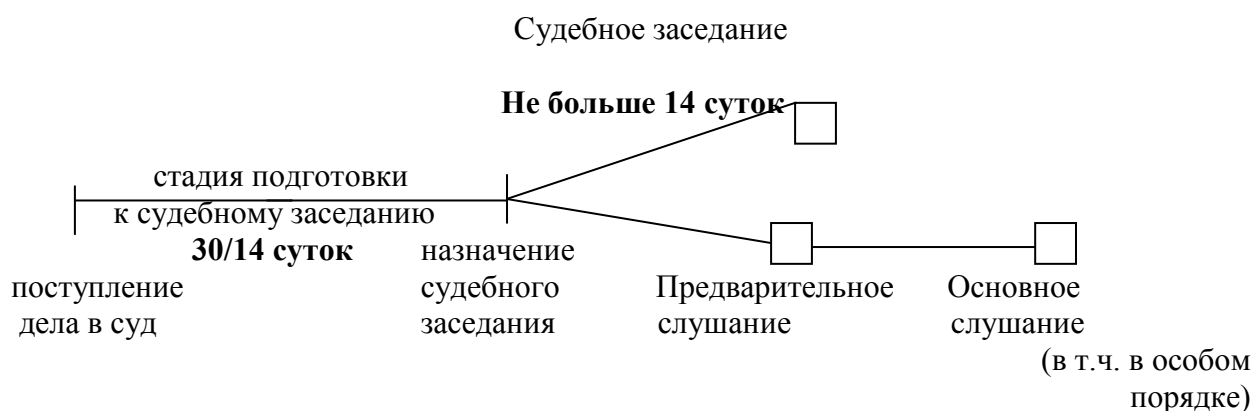
Предварительное слушание и особый порядок судебного разбирательства

В новом УПК РФ предусмотрены изменения в судебных процедурах, которые необходимо учитывать в нашей работе. Остановлюсь на двух: предварительное слушание и особый порядок судебного разбирательства. Рассмотрим эти нововведения

во взаимосвязи.

Предварительное слушание регламентируется главой 34 УПК РФ.

В стадии подготовки к судебному заседанию судья теперь может назначить заседания двух видов: предварительное слушание либо судебное заседание без проведения предварительного слушания.

Сх. 1

Предварительное слушание назначается судьей либо по ходатайству стороны, либо по собственной инициативе.

Предварительное слушание проводится судьей единолично **в закрытом** судебном заседании (ч. 1 ст. 234). Это значит, что *социальный работник не может на нем присутствовать*¹ (поскольку у него нет процессуального статуса, но не может, даже если бы и был статус свидетеля, поскольку в предварительное слушание допускаются только определенные свидетели, к которым социальный работник не относится - ч. 8 ст. 234).

Неявка вызванных в заседание участников процесса (кроме подсудимого), если они были вовремя извещены, не препятствует проведению предварительного слушания (ч. 4 ст. 234), следовательно, в каких-то случаях оно может быть проведено и без потерпевшего.

Перечень оснований проведения предварительного слушания указан в ст. 229 УПК РФ. В связи с нашей практикой интерес представляют два основания: для решения вопроса об особом порядке судебного разбирательства (п. 4 ч. 2 ст. 229) и при наличии основания для прекращения уголовного дела (п. 3 ч. 2 ст. 229).

Рассмотрим первое основание для назначения предварительного слушания. В соответствии с главой 40 УПК РФ **по делам небольшой и средней тяжести** суд вправе постановить приговор без проведения судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и наличием его ходатайства об особом порядке принятия судебного решения (при согласии обвинителя и потерпевшего и соблюдении ряда условий - ч. 1 ст. 314). В таких случаях судебное разбирательство не проводится (не допрашиваются свидетели, не исследуются другие доказательства, нет прений и пр.) и судья выносит обвинительный приговор и назначает наказание, которое не может превышать 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за данное преступление. Решение о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства принимается на предварительном слушании; там же, соответственно, назначается дата проведения

¹ Курсив редактора – АГ.

судебного заседания, где приговор будет вынесен в особом порядке.

Дела по кражам и др. (хулиганство, например), нередко встречающиеся в нашей практике, подходят к этой категории. Практически все наши подопечные в таких преступлениях признаются. В практике работы Черемушкинского суда судья на основании материалов дела и без ходатайства обвиняемого может назначить предварительное слушание для решения вопроса об особом порядке принятия судебного решения, чтобы дать ему возможность заявить соответствующее ходатайство в ходе самого предварительного слушания. Это не противоречит закону.

Если реализуется схема «предварительное слушание – особый порядок принятия судебного решения», там нет место допросу социального работника (и в первом и втором случае свидетели не допрашиваются; в обычном судебном заседании социальный работник может быть допрошен как дополнительный свидетель, обладающий сведениями о личности подростка, условиях его жизни и воспитания и пр.). Следовательно,

- 1) повышаются требования к качеству его отчета;
- 2) возникает вопрос, как отчет приобщить.

Ответ судьи: Отчет может быть приобщен по ходатайству сторон (скорее всего адвоката) и на предварительном слушании, и на этапе заявления ходатайств в основном слушании, даже если последнее проводится в особом порядке.

При этом судья, с которой мы работаем, назначает основное слушание не раньше, чем через две недели после предварительного. Судья считает, что лучше представлять отчет не на предварительном слушании, а на судебном заседании, чтобы у социального работника было больше времени для работы с подсудимым и результаты этой работы могли бы войти в отчет.

Здесь есть тонкость: предполагается, что отчет социального работника должен работать на сторону защиты – только в этом случае адвокат заявит ходатайство о его приобщении. В общем случае это так. Но нет ли здесь какого-то смещения в позиции самого социального работника – ведь его отчет должен быть объективным? Хотя, конечно же, «рамка объективности» - возможности ресоциализации, а не «истина ради истины».

Несколько слов о приобщении документов о примирении. Ходатайство о приобщении примирительного договора может быть заявлено сторонами (лучше потерпевшим) и в предварительном слушании, и в основном слушании. При этом, если слушание происходит при участии потерпевшего, и он подтверждает факт примирения и ходатайствует о прекращении дела, дело может быть прекращено судьей на предварительном слушании (даже если поводом для его проведения было другое основание, например, решение вопроса об особом порядке принятия судебного решения). Если же дело на предварительном слушании не прекращено, примирительный договор и ходатайство о прекращении могут быть заявлены на основном слушании, даже если речь идет об особом порядке. В любом случае желательно присутствие потерпевшего в процессе. Если дело рассматривается в его отсутствие, для решения судьей вопроса о прекращении дела за примирением необходимо **нотариально заверенное ходатайство потерпевшего** с заявлением о прекращении дела в связи с примирением. Это ходатайство может предъявить в судебном заседании адвокат обвиняемого. Это важно понимать ведущему и социальному работнику, поскольку, согласно ч. 2 ст. 249, суд может рассмотреть уголовное дело и при неявке потерпевшего (по делам публичного и частно-публичного обвинения), за исключением случаев, когда его явка признана судом обязательной.

Отсюда следуют **рекомендации для ведущего в связи с обеспечением условий для осуществления программы примирения и реализации ее юридических последствий.**

1. Нужно быть внимательным к волеизъявлению потерпевшего, который, как правило, не знает должной судебной процедуры. Если он хочет, чтобы дело было прекращено и для этого есть юридические основания, нужно проконсультировать

потерпевшего о том, как это сделать.

2. Ведущий обычно стеснен в сроках. При получении дела необходимо посмотреть квалификацию деяния. Если речь идет о делах небольшой и средней тяжести, социальному работнику нужно узнать не только дату рассмотрения дела, но и форму – предварительное слушание или обычное судебное заседание. Если назначено предварительное слушание, то следует иметь в виду, что до основного слушания есть еще две недели (так в нашей практике), и рассчитывать время, необходимое на проведение программы. Если же преступление, которое вменяется подсудимому, квалифицируется как тяжкое или особо тяжкое, предварительное слушание может быть назначено по другим основаниям (но по нашим делам этого пока не было) – так что в любом случае нужно обратить внимание на форму слушания. Если же назначено судебное заседание в обычном порядке, то желательно к этому сроку иметь все необходимые материалы как по результатам социальной работы, так и программ восстановительного правосудия.

Теперь вспомним второе основание проведения предварительного слушания – возможность прекращения дела.

По делам, которые мы берем в ОВД, у нас увеличивается время работы с подростками. Если успеть провести программу примирения до того момента, когда судья назначила судебное заседание, и передать результаты в суд, судья может назначить предварительное слушание и в связи с ходатайством потерпевшего о прекращении дела (если речь идет о преступлениях, соответствующих ст. 25 УПК РФ). И на предварительном слушании дело может быть прекращено.

Хотя это конструкция скорее теоретическая. Судья, с которой мы работаем, недоумевает, зачем торопиться с примирением, если можно прекратить дело в любом случае, в том числе и на предварительном слушании, назначенном по первому основанию, которое описано выше.

Рассмотрение дела в обычном порядке

Если дело слушается в обычном порядке, то отчет социального работника может быть приобщен как по ходатайству стороны в ходе судебного заседания, так и по инициативе судьи. Последнее предпочтительнее, чтобы не «угождать» адвокату.

Приобщение примирительного договора и других документов, свидетельствующих о возмещении ущерба и примирении, происходит по описанному выше порядку. Если потерпевший приходит на заседание, то его письменное ходатайство о прекращении дела не обязательно, он может заявить его и устно. Однако, опыт показывает, что лучше, чтобы потерпевший заранее написал такое заявление, поскольку во время судебного заседания большинство людей сильно теряются. А если он будет держать в руках эту бумагу, это позволит ему как-то сконцентрироваться на этом пункте. В качестве основания для прекращения дела для судьи важно именно заявление потерпевшего (письменное или устное), поскольку примирительный договор не является процессуальным документом. Он имеет реабилитационное значение (поскольку там зафиксированы обязательства обвиняемого не только в связи с возмещением ущерба, но и по прохождению реабилитационных мероприятий). Его юридический смысл состоит и в обязательстве возместить материальный ущерб (если до суда он не возмещен), но правовую природу примирительного договора и санкции за невыполнение надо еще прояснить.

О ситуации, когда потерпевший не участвует в судебном процессе – см. выше.

К сведению

В статье УПК РФ, посвященной разъяснению судьей прав потерпевшему (ст. 268 ч.2), появилась норма, согласно которой в случаях, предусмотренных ст. 25 УПК РФ (возможность прекращения дела в связи с примирением сторон по делам публичного и

частно-публичного обвинения), судья должен разъяснить потерпевшему право на примирение с подсудимым (в прежнем Кодексе этого не было по ст. 9 УПК РСФСР).

В общей части УПК РФ в статье, посвященной потерпевшему (ст. 42), в том числе там, где перечислены его права, ничего не говорится о праве на примирение и, соответственно, на заявление о прекращении дела в связи с примирением. Тогда получается, что следователь не обязан разъяснять потерпевшему (вообще сторонам) такое право, это право не обозначено и как право обвиняемого (ст. 47). Это невольно (или целенаправленно) поддерживает практику органов внутренних дел на игнорирование возможности прекращения дела в связи с примирением на стадии предварительного расследования.

Интересно, разъясняют ли судьи это право? Социальным работникам и ведущим, если они присутствуют на судебных процессах, стоит обратить на это внимание, чтобы мы в дальнейшем поняли отношение судей к этой норме.

ИЗМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ. КОММЕНТАРИИ

И.Б. Миронов
советник юстиции 2 класса,
государственный советник Российской Федерации 3 класса

Экспертное заключение на внесенный Президентом РФ проект федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации"

Действующий Уголовный кодекс РФ, за исключением отдельных положений, для которых установлен иной срок введения в действие, введен в действие с 1 января 1997 года и до настоящего времени не подвергался существенным изменениям.

За более чем шестилетний период действия Кодекса в него были внесены и вступили в силу 26 изменений и дополнений, которые лишь в незначительной степени затрагивали положения общей части Кодекса (были внесены изменения в статьи 15, 24, 37, 58, 69, 93) и по своему содержанию были направлены на решение отдельных вопросов уголовного законодательства. При этом за указанный период Государственной Думой было рассмотрено свыше 150 законопроектов, предлагающих внесение в Кодекс разнородных (не взаимосвязанных) изменений и дополнений.

По сравнению с ранее принятыми либо отклоненными Государственной Думой законопроектами, направленными на совершенствование уголовного законодательства, рассматриваемый законопроект, внесенный Президентом РФ, предполагает существенно изменить государственную политику в сфере уголовного законодательства, смягчив ее, прежде всего, по отношению к лицам, впервые совершившим преступления небольшой и средней тяжести. Это означает, что в действующие положения общей части Кодекса вносятся по сути кардинальные изменения, принятие которых с подачи любого иного субъекта права законодательной инициативы скорее всего были бы обречены на отклонение.

В пояснительной записке к законопроекту указывается, что проект направлен главным образом на решение вопросов уголовной ответственности несовершеннолетних.

Действительно, законопроект вносит в Кодекс поистине "революционные" изменения в отношении уголовной ответственности несовершеннолетних. Предусматривается, что наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до 16 лет преступление небольшой и средней тяжести впервые, а также совершившему в возрасте от 16 до 18 лет впервые преступление небольшой тяжести.

Одновременно, при назначении наказания в виде лишения свободы за совершение несовершеннолетним любой возрастной категории тяжкого либо особо тяжкого преступления низший предел наказания подлежит сокращению наполовину. При этом ограничивается и верхний предел наказания в виде лишения свободы, который для несовершеннолетних до 16 лет не может превышать шести лет, а для несовершеннолетних от 16 лет до 18 лет – десяти лет. Такой же предел наказания (не выше десяти лет) применяется в отношении несовершеннолетних в возрасте до 14 лет за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Устанавливаются отдельные правила и в отношении несовершеннолетних, которым назначено наказание в виде условного осуждения. Так, к условно осужденному несовершеннолетнему, в случае совершения им в период испытательного срока нового преступления, за исключением особо тяжкого, может быть повторно принято судом решение об условном осуждении, с установлением нового испытательного срока.

В случае совершения несовершеннолетним (в рассматриваемом случае в законопроекте отсутствует указание на возрастную категорию), в том числе повторно, преступления небольшой, средней тяжести, а также тяжкого преступления, допускается возможность его освобождения от уголовной ответственности, если будет признано, что исправление такого несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. При этом следует обратить внимание на несогласованность изменений, вносимых законопроектом в статьи 90 и 92 Уголовного кодекса, поскольку статья 90 предусматривает применение принудительных мер воспитательного воздействия только за преступления небольшой и средней тяжести, а статья 92 предусматривает применение указанных мер и за тяжкие преступления.

Однако в отношении отдельных категорий преступлений, относящихся к тяжким, законопроектом предлагается установить исключение в части возможного применения принудительных мер воспитательного воздействия, то есть такие несовершеннолетние не будут освобождаться от наказания в виде лишения свободы.

Как видно, законопроектом предполагается провести значительную гуманизацию государственной политики по отношению к преступлениям совершаемым несовершеннолетними.

К примеру, не может быть лишен свободы несовершеннолетний в возрасте до 16 лет за причинение тяжкого вреда здоровью с особой жестокостью, а несовершеннолетний в возрасте от 16 до 18 лет за совершение аналогичного преступления без квалифицирующих признаков.

За совершение такого преступления, как изнасилование (без квалифицирующих признаков), несовершеннолетнему могут быть назначены принудительные меры воспитательного воздействия (т.е. без лишения свободы), а за совершение подобного преступления с особой жестокостью в зависимости от возрастной категории срок наказания в виде лишения свободы будет соответственно от 2 до 6 лет и от 2 до 10 лет.

При этом за указанное преступление, в том числе совершенное повторно, может быть назначено наказание и в виде условного осуждения.

Также следует иметь в виду, что за совершение несовершеннолетними таких распространенных преступлений (которые зачастую совершаются именно несовершеннолетними), как кража (за исключением отдельных квалифицирующих признаков), грабеж, вымогательство, насильственные действия сексуального характера, угон транспортного средства (все перечисленные преступления без квалифицирующих признаков), наказание не предусматривает лишения свободы.

Ослабление репрессивного давления на совершивших преступления несовершеннолетних, безусловно, заслуживает одобрения, но, думается, только в отношении преступлений небольшой и средней тяжести.

Вызывает сомнение, что либерализация наказания, особенно по тяжким преступлениям, будет одобрена большинством законопослушных граждан, особенно теми, кто стал потерпевшими от таких преступлений.

При этом можно предположить, что по таким видам преступлений, как кража и грабеж, вообще будет сложно добиться справедливого наказания. Скорее всего, сознавая "бесполезность" предпринимаемых мер, правоохранительные органы будут относиться к преступлениям, совершенным несовершеннолетними, значительно более "лояльно". Как следствие, это приведет к снижению обращения граждан в правоохранительные органы с заявлениями о совершенных в отношении них преступлениях, что, в свою очередь, позволит указанным органам заявить о снижении числа преступлений и улучшении криминогенной обстановки.

Однако необходимо учитывать, что в условиях либерализации законодательства (но никак не отношения общества) к совершаемым преступлениям, при отсутствии действенного механизма, который способствовал бы быстрому улучшению состояния дел в борьбе с беспризорностью несовершеннолетних и повышению уровня жизни граждан, следует ожидать увеличения латентной преступности.

Кроме того, в указанных условиях несовершеннолетние безусловно будут более активно привлекаться "взрослыми и опытными" преступниками для участия в реализации своего преступного замысла. К примеру, даже за совершение несовершеннолетним в возрасте до 16 лет по найму такого преступления, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, этот несовершеннолетний может быть лишен свободы на срок от 1 до 6 лет, а в возрасте от 16 до 18 лет – от 1,5 до 10 лет, и возможно, условно. При этом с учетом предполагаемых изменений по условно-досрочному освобождению, после фактического отбытия не менее одной трети срока наказания, такой несовершеннолетний может быть освобожден от отбывания наказания, т.е. реальный срок лишения свободы может составлять соответственно от 4 месяцев до 2 лет, и от полугода до 3,5 лет.

С учетом изложенного представляется, что снижение для несовершеннолетних в два раза минимально установленного Кодексом срока наказания требует детального осмысления и обсуждения, поскольку в настоящее время от подобной "либерализации" нельзя ожидать какого-либо улучшения в России криминогенной обстановки; скорее, наоборот, последует ее ухудшение.

В части иных предлагаемых изменений Кодекса (не затрагивающих несовершеннолетних), законопроект не вызывает серьезных замечаний.

По существу данных изменений следует отметить, что законопроектом предлагается исключить нижние пределы санкций по преступлениям небольшой и средней тяжести; расширить полномочия суда по применению условного осуждения; изменить принцип назначения наказания по совокупности преступлений – поглощению будут подлежать преступления средней тяжести; установить возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, в том числе по преступлениям средней тяжести; снизить максимальные санкции по преступлениям, совершенным по неосторожности; исключить такой вид наказания, как конфискация имущества, за исключением возможности конфискации имущества, нажитого преступным путем (однако не следует забывать, что это еще нужно будет доказать); штрафы выразить в абсолютном денежном выражении, а не в МРОТ; ввести новые редакции статей, предусматривающих ответственность за незаконный оборот наркотиков, мошенничество, налоговые преступления; исключить из Кодекса уголовную ответственность за обман потребителей и заведомо ложную рекламу (за указанные действия предполагается применять санкции, предусмотренные административным законодательством).

Необходимо обратить внимание, что законопроект исключает понятие "неоднократности" преступлений из Общей части Кодекса и, соответственно, исключает указанный квалифицирующий признак из всех статей Особенной части Кодекса.

**УКАЗАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА РФ
«ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С
ПРАВООЩИТНЫМИ И ИНЫМИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ»**

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УКАЗАНИЕ

17.12.2002

№ 74/40

Москва

**Об организации взаимодействия органов прокуратуры с
правозащитными и иными общественными организациями**

В целях обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, использования для этого потенциала российских и международных правозащитных и иных общественных организаций, руководствуясь п. 1 ст. 17 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации",

ПРЕДЛАГАЮ:

1. Заместителям Генерального прокурора Российской Федерации, начальникам управлений и отделов Генеральной прокуратуры, прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним военным и другим специализированным прокурорам:

1.1. Тщательно, полно и объективно проверять сведения, поступившие из правозащитных и иных общественных организаций, о ставших им известными актах органов государственной власти и управления, неправомерных действиях должностных лиц, ограничивающих права и свободы человека и гражданина.

Обращения руководителей этих организаций в защиту общественных интересов или прав конкретного гражданина рассматривать в порядке и сроки, установленные Инструкцией о порядке рассмотрения обращений и приема заявителей в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации, введенной в действие приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 24.12.2001 № 80.

1.2. При необходимости принимать участие в мероприятиях правозащитных организаций, информировать их о работе прокуратуры по надзору за соблюдением гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина.

1.3. Работу по взаимодействию с правозащитными и иными общественными организациями отражать в годовом докладе отдельным разделом.

2. НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации совместно с Управлением по надзору за исполнением законов и законностью правовых актов в 2003 г. подготовить рекомендации о формах и методах взаимодействия органов прокуратуры с правозащитными и иными общественными организациями по вопросам соблюдения прав и свобод граждан.

3. Контроль за выполнением настоящего указания возложить на заместителей Генерального прокурора Российской Федерации по направлениям деятельности.

Указание направить начальникам управлений и отделов аппарата Генеральной прокуратуры, прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним военным и другим специализированным прокурорам, которым довести его содержание до сведения подчиненных прокурорско-следственных работников.

Генеральный прокурор
Российской Федерации

действительный государственный
советник юстиции

В.В.Устинов

Об авторах

Флямер М.Г. – исполнительный директор ОЦ «Судебно-правовая реформа»

Максудов Р.Р. – руководитель программ восстановительного правосудия в ОЦ «Судебно-правовая реформа»

Карнозова Л.М. – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, специалист ОЦ «Судебно-правовая реформа»

Грасенкова А.К. – специалист ОЦ «Судебно-правовая реформа», психолог, ведущая программ примирения, тренер, сетевой менеджер

Головко Л. В. – доцент юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Петрухин И. Л. – доктор юридических наук, профессор

Келина С.Г. – доктор юридических наук, профессор, ИГП РАН

Мельникова Э. Б. – доктор юридических наук, профессор, ИГП РАН

Яковлева Н. Г. – ведущий научный сотрудник НИИ Проблем законности и укрепления правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ

Цымбал Е.И. – старший научный сотрудник НИИ Проблем законности и укрепления правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ

Мионов И.Б. – советник юстиции 2 класса, государственный советник Российской Федерации 3 класса

Лайша Т.Н. – психолог, руководитель отделения ОЦ «Судебно-правовая реформа» г. Дзержинска

Шакина В.А. – кандидат юридических наук, директор «Байкальского центра правовых реформ» г. Иркутска

Обрядина Е.Д. – менеджер «Благотворительного фонда развития Тюмени», координатор рабочей группы, продвигающей восстановительное правосудие в г. Тюмени

Болковая С.Л. – заместитель председателя КДН г. Урая

Соколова О. Е. – психолог, руководитель ювенальной службы г. Урая, ведущий и тренер программ восстановительного правосудия

Камнева М. – юрист ювенальной службы г. Урая

Заманова Т.В. – руководитель Новгородского Регионального отделения Центра СПР, координатор проекта «Школьные службы примирения» в Великом Новгороде, ведущая программ восстановительного правосудия

Марченко Н.А. – психолог, социальный работник в Черемушкинском межрайонном суде г. Москвы

Пранис К. – автор 37 статей-эссе по восстановительному правосудию, планировщик восстановительного правосудия в Департаменте Исправления штата Миннесота, США

Гроенхейзен М. – профессор уголовного права и уголовного процесса, Университет Тильбурга, Нидерланды

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЦЕНТР «СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ РЕФОРМА»

– межрегиональная общественная организация,
осуществляющая некоммерческую деятельность.

Зарегистрирован в августе 1996 г. Руководящий орган – Коллегия (г. Москва)

Стратегия и цели

Наша стратегия строится на сочетании двух направлений работы – судебной реформы и развития сектора общественно-гражданской деятельности. Это сочетание позволяет в современных условиях и реалиях России:

- 1) исследовать общественно-правовые проблемы России,
- 2) влиять на структуру взаимодействий реформаторов, юристов и активистов общественных организаций,
- 3) направлять потенциал общественности в конструктивное русло судебно-правовых реформ.

Уставные цели организации:

- содействие творческой деятельности и профессиональному развитию юристов (судей, прокуроров, следователей, научных работников и преподавателей вузов) как фактору осуществления судебной реформы и прогресса правосудия в России;
- содействие участию представителей компетентной общественности в судебно-правовой реформе;
- содействие методологическому, научному и методическому обеспечению правовых и судебных реформ, в том числе новых форм судопроизводства.

История

Ядро Центра составляет группа единомышленников, которая сложилась в период активных действий по преобразованию судебной системы (1992–1995 гг.).

Нашу работу поддерживают юристы-практики (судьи, адвокаты, прокуроры), правозащитники, психологи, методологи. Нас объединяют идеал независимого суда, ценности прав человека, опыт совместной работы и осознание необходимости правовой и судебной реформы для России.

Важной особенностью деятельности Центра является применение разработок Московского методологического кружка – оригинальной российской философско-методологической школы, основанной в начале 50-х годов XX века такими известными российскими интеллектуалами, как Б.А. Грушин, А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий. Влияние методологического движения во многом определило стиль работы Центра.

Партнеры

С Центром сотрудничают специалисты Института государства и права РАН, Института философии РАН, Российского Института культурологии и Института проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

Высокий уровень квалификации членов и консультантов Центра (доктора юридических и философских наук, кандидаты юридических и психологических наук, судьи 1-го и 2-го квалификационного класса), а также активная работа с общественностью и журналистами позволяют реализовать уникальные для России проекты.

Проекты

Суд присяжных

В результате судебной реформы 1991–1995 гг. в девяти регионах России начал работу суд присяжных. Суд присяжных реализует идею состязательного правосудия, основой которого является доказательственное право и принцип презумпции невиновности. Практика судов присяжных способствует повышению процессуальной квалификации юристов и развитию правосознания граждан. В рамках поддержки этой практики Центром были выпущены учебные видеофильмы, проведены оригинальные методологические, процессуальные и психологические исследования, а также издана научно-методическая и научная литература.

Реализация идей восстановительного правосудия в России

Серьезной проблемой уголовной юстиции является ее преимущественно карательная направленность. Работа современного правосудия во многих случаях исключает возможность разрешения криминальной ситуации через активное участие в этом процессе жертв и правонарушителей. С другой стороны, карательное правосудие приводит к непрерывному росту тюремного населения. Состояние и потребности жертв преступлений не принимаются во внимание: остаются глубокие психологические травмы, зачастую не возмещается и материальный ущерб.

Программы восстановительного правосудия позволяют избежать многих недостатков, присущих системе современного правосудия. Важнейшей задачей данных программ является не наказание правонарушителя, а его восстановление и возмещение им морального, психологического и материального ущерба, нанесенного жертве. В необходимых случаях происходит вовлечение правонарушителя в социально-реабилитационные программы, способствующие профилактике повторных правонарушений в будущем. Внедрение технологий восстановительного правосудия позволяет во все большем масштабе заменять лишение свободы альтернативными мерами ответственности.

Становление ювенальной юстиции в России

Центр участвует в общероссийском движении, направленном на создание института ювенальной юстиции в России. В различных проектах Центра отрабатываются те элементы деятельности (программа примирения жертвы и несовершеннолетнего правонарушителя, партнерство социального работника и представителей правоохранительных органов, суда и КДН, восстановительные программы как средство профилактики социального сиротства), которые в будущем могут войти в систему российской ювенальной юстиции. Смысл этой деятельности состоит в том, чтобы участвовать в процессе становления практико-технологически, а не идеологически. Мы хотим на основе двух формирующихся практик (социальной работы с несовершеннолетними и восстановительного правосудия) сформировать сферу их взаимодействия и определить возможные схемы кооперации между ними и официальным уголовным процессом. Тем самым предполагается технологически разработать принципиально новую область, которая может стать одной из точек кристаллизации нового правосудия по делам несовершеннолетних в России.